

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 9. № 1/2023

DISCOURSE
Volume 9. No. 1/2023

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2023

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskeya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Боброва А. С. Аргументативная схема для абдукции	5
Лоскутов Ю. В. Посткапиталистические проекты: онтология против идеологии.....	18
Ильин П. А. Метафорическая истина и неопрагматический реализм Хилари Патнэма	29
Балмасова Т. А. Философия коммунитаризма в миссии устойчивого университета.....	43

СОЦИОЛОГИЯ

Щербина А. В. Актуальные задачи социологической диагностики (на примере «Очерков военного времени» К. Манхейма).....	53
Поддячая Е. А. Виртуальный социальный капитал молодых ученых.....	69
Старовойтова С. С., Лебединцева Л. А. Социальная интеграция польского национального меньшинства в Литве	84
Строгеецкая Е. В., Бетигер И. Б. Мотивационный портрет абитуриента цифрового поколения	97

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Диль А. В. Темпоральные маркеры как способ моделирования художественного пространства стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară».....	116
Панкратова С. А. Особенности функционирования табуированной лексики в современном зарубежном кинематографе.....	130
Брайтлинг М. С. Фрагментация как способ представления человека в романе Т. Моррисон «Возлюбленная».....	142
Кленова Е. А. Реализация квалификативной категории оценочности в дискурсе англоязычной сетевой кинорецензии	154
Shelestyuk E. V. Frame-Conceptual Composition and Speech Impact Means of the American Popular Psychology Discourse.....	167
Правила представления рукописей авторами	185

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Bobrova A. S. Argumentative Scheme for Abduction	5
Loskutov Yu. V. Postcapitalist Projects: Ontology vs. Ideology.....	18
Ilyin P. A. Metaphorical Truth and Neopragmatic Realism of Hilary Putnam	29
Balmasova T. A. The Philosophy of Communitarianism in the Mission of a Sustainable University.....	43

SOCIOLOGY

Shcherbina A. V. Actual Tasks of Sociological Diagnostics (on the Example of “Wartime Essays” by K. Manheim)	53
Poddyachaya E. A. Virtual Social Capital of Young Academics	69
Starovoitova S. S., Lebedintseva, L. A. Social Integration of the Polish National Minority in Lithuania	84
Strogetskaia E. V., Betiger I. B. Motivational Portrait of Digital Generation Applicant.....	97

LINGUISTICS

Diehl A. V. Temporal Markers as a Way of Modeling the Artistic Space of the Poem “Pe aceeași ulicioară” by M. Eminescu	116
Pankratova S. A. Peculiarities of the Functioning of the Taboo Lexicon in the Modern Western Cinematography	130
Breitling M. S. Fragmentation as a Way of Representing a Person in T. Morrison's Novel “Beloved”.....	142
Klenova E. A. Actualization of Evaluativity as a Qualitative Category in the Discourse of English Internet Film Review	154
Shelestyuk E. V. Frame-Conceptual Composition and Speech Impact Means of the American Popular Psychology Discourse	167

Оригинальная статья

УДК 162

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-5-17>

Аргументативная схема для абдукции

Ангелина Сергеевна Боброва

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия,

angelina.bobrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3855-006X>

Введение. В статье показывается, какими средствами в теории аргументации может уточняться абдуктивный шаг диалога. Для этой цели задействуются аргументативные схемы, т. е. стереотипные образцы наиболее употребляемых естественных рассуждений. Основная задача работы – предложить уточненную версию аргументативной схемы абдукции и сопроводить ее набором критических вопросов.

Методология и источники. В начале статьи рассматриваются аргументативные схемы абдукции Д. Уолтона, а также С. Ю и Ф. Ценкера, разбираются их достоинства и недостатки. Затем систематизируются особенности абдукции, которые выделяют новейшие логико-эпистемологические исследования. Особый акцент ставится на логической модели, предложенной Д. Габбаем и Дж. Вудсом.

Результаты и обсуждение. Оба подхода (Д. Уолтон, С. Ю и Ф. Ценкер) не лишены проблем. Несколько нивелировать их позволяют последние результаты исследований абдукции, полученные в области логики и эпистемологии. Ключевыми для понимания оказываются идеи Дж. Вудса: абдукция предполагает сохранение незнания и основывается на отношении заключаемости. Это слабое рассуждение, которое не может быть отделено от других аргументов. Все это позволяет уточнить почти неизвестную (с интеррогативным заключением) схему абдукции, которая была предложена еще Ч. С. Пирсом.

Заключение. Автор предлагает собственный вариант формулировки аргументативной схемы абдукции, которая базируется на малоизвестном предложении Ч. С. Пирса. Ее формальную составляющую задает переход от консеквента к антецеденту с заключением для исследования (*investigand mood*), а материальная составляющая отражает рассуждение от удивления к исследованию. Спорные аспекты схемы поясняет модель Д. Габбая и Дж. Вудса. Она же уточняет и возможности критических вопросов, которые, сопровождая схему, несколько теряют свою традиционную функцию оценки.

Ключевые слова: абдукция, абдуктивный вывод, аргументативная схема, критические вопросы, аргументация, теория аргументации

Финансирование: работа выполнена при поддержке гранта РНФ (проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора») по заказу СПбГУ.

Для цитирования: Боброва А. С. Аргументативная схема для абдукции // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-5-17.

© Боброва А. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Argumentative Scheme for Abduction

Angelina S. Bobrova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Higher School of Economics, Moscow, Russia,
angelina.bobrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3855-006X>*

Introduction. The paper scrutinizes abduction through the lens of the argumentation theory. Abduction is treated as an argument with a special argumentative scheme. Argumentation schemes are seen as stereotypical patterns of common types of arguments used in everyday discourse. The main issue of this publication is to specify the scheme of abductive argument and supply it with so-called critical questions. Such questions should identify, reconstruct and evaluate abduction in dialogs.

Methodology and sources. At first, I analyze D. Walton and S. Yu & F. Zenker's patterns of abductive argument, scrutiny their advantages and disadvantages. Then, based on the results of relatively new logical and philosophical investigations, I systemize the peculiarities of abduction. The role of D. Gabbay and J. Wood's model is especially emphasized.

Results and discussion. Both approaches (D. Walton and S. Yu & F. Zenker) are not free of problems. However, several recent logico-epistemological specifications of abduction can reduce them. I mean the position that abduction preserves ignorance and presumes J. Wood's conclusionality relation. This reasoning is weak and cannot be distinguished from other arguments. These proposals and almost unknown (with interrogative conclusion) Ch. S. Peirce's scheme of abduction produce a core of argumentative scheme.

Conclusion. I provide a version of argumentative scheme of abduction with the set of critical questions. Its formal structure is defined as a move from the consequent to antecedent with the investigand mood conclusion while the material side is seen as reasoning from surprise to investigation. Modified D. Gabbay and J. Wood's model clarifies the controversial aspects of this argumentative scheme. It also specifies critical questions functions since they lose their traditional role of evaluation.

Keywords: abduction, abductive inference, argumentative scheme, critical questions, argumentation, argumentation theory

Source of financing: the work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 20-18-00158 "Formal Philosophy of Argumentation and a Comprehensive Methodology for Finding and Selecting Dispute Resolutions") commissioned by St Petersburg State University.

For citation: Bobrova, A.S. (2023), "Argumentative Scheme for Abduction", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-5-17 (Russia).

Введение. Об абдукции как о способе порождения гипотез, объясняющих непонятные факты, заговорили сравнительно недавно. Хотя литературы по этой теме уже довольно много, единой позиции все еще не существует. Ч. С. Пирс, «первооткрыватель» абдукции, говорит о ней как о методе или виде рассуждения. Сегодня представления об абдуктивном рассуждении еще более диверсифицированы: о нем говорят, как о логическом выводе, как о специфическом способе вычисления либо как о способе изменения эпистемических состояний. В первом случае абдукция чаще всего воспринимается через призму обратного *modus ponens*:

Посылка 1. Наблюдается любопытный факт С.

Посылка 2. Однако если бы А было истинным, С было бы чем-то само собой разумеющимся.

Заключение. Следовательно, есть основание предполагать, что А истинно (1903; CP 5.189) [1].

Во втором случае акцент ставится на поиске алгоритмов, способных породить или имитировать абдуктивный шаг. В третьем же варианте абдукция понимается как последовательность операций по пересмотру, расширению и обновлению информации, что в свою очередь говорит о тесной связи абдукции с теориями пересмотра верований и корректировки данных, изучающих, «как [можно] встроить новый фрагмент информации в базу данных, научную теорию или в набор верований здравого смысла» [2, p. 224]. Разные подходы указывают на разные стороны абдукции, но собрать их воедино пока не представляется возможным. В свете этого довольно сложно ответить и на ключевой для данной статьи вопрос: как выглядит абдукция в аргументативных процедурах?

В современной теории аргументации (неформальная логика, прагматическая диалектика) абдукция задается в виде так называемой аргументативной схемы, т. е. по большей части рассматривается как рассуждение-вывод. Однако в силу сложностей с пониманием природы абдукции до конца не ясно, как именно эта схема должна работать. Ситуация осложняется и неоднозначностью самого аргументативного аппарата. Цель работы – показать, какие именно логико-философские разработки и каким образом способны уточнять абдуктивный шаг в аргументации. В первом разделе анализируются имеющиеся в теории аргументации решения, оцениваются их достоинства и недостатки. Во втором – рассматриваются предложения логики, позволяющие нивелировать существующие проблемы. Вариант уточненной схемы предлагается в третьем разделе.

Методология и источники.

Абдукция как аргументативная схема. Во многих современных аргументативных теориях ключевым инструментом идентификации, реконструкции и оценки аргументов являются аргументативные схемы [3]. Чаще всего они толкуются как семантико-онтологические отношения, отражающие абстрактные структуры наиболее общих типов естественных рассуждений. Под «общими типами» понимают «стереотипические образцы вывода», представляющие материальные и логические отношения между посылками и заключением [4, p. 26]. Примерами таких схем являются аргумент к авторитету (это имеет место, потому что так говорит Заратустра), аргумент от признака (В работает при наличии у него А, а А мы как раз и наблюдаем), аргумент к человеку (ты поддерживаешь решения Х, потому что лично заинтересован) и т. п. Рассмотрим первые две схемы в качестве примера.

Аргумент к авторитету.

Посылка 1. Источник Е является экспертом в области S, куда входит высказывание А.

Посылка 2. Е утверждает, что высказывание А истинно (ложно).

Заключение. Значит, А истинно (ложно) [5, p. 310].

Аргумент от признака.

Посылка 1. А истинна в этой ситуации.

Посылка 2. В обычно истинна, когда истинен его признак А.

Закключение. В истинна в этой ситуации [5, p. 329].

Произвольную аргументативную схему (см. примеры выше) можно рассматривать как логическое рассуждение, обогащенное материальным или содержательным компонентом. Работа последнего согласуется с теорией речевых актов: например, посылка «Е утверждает, что высказывание А истинно» передает идею уверенности Е в А. Речевые акты позволяют судить о стоящей за высказываниями иллюкутивной силе, что в свою очередь дает основания для уточнения особенностей условных связей внутри схем. Если говорить об общей природе схем, чаще всего они рассматриваются как структуры презумптивных рассуждений, т.е. предлагаемые данные мы принимаем без доказательств и используем их до тех пор, пока не будет дано их опровержение. Принцип оценки аргументов задает система критических вопросов, сопровождающих каждую схему. Она проверяет приемлемость посылок, релевантность связи, наличие возможных ограничений или исключений и т. д. В качестве примера приведем критические вопросы (КВ), которые сопровождают схему аргумента к авторитету:

КВ 1. Насколько Е заслуживает доверия как источник экспертизы?

КВ 2. Является ли Е экспертом в области, к которой относится А?

КВ 3. Что утверждает Е из того, что влечет А?

КВ 4. Является ли Е надежным источником?

КВ 5. Согласуется ли мнение Е с мнением других экспертов?

КВ 6. Базируются ли утверждения Е на свидетельствах? [5, p. 310]

Единой теории аргументативных схем не существует. Строго говоря, мы должны говорить о параллельном сосуществовании ряда подходов, работающих с этим понятием. При этом каждый из них сталкивается со сходным набором проблем. Схемы лишены внутреннего единства, они полны условностей, а потому порой довольно трудно адаптируются под ситуацию: рассуждение может подпадать сразу под несколько схем (подробнее о природе схем и проблемах см. [3]). Иногда, напротив, рассуждение сложно подогнать под какую-либо схему. В полной мере эти проблемы распространяются и на абдукцию, которую также принято рассматривать как своеобразный аргумент.

Одним из идейных вдохновителей изучения абдукции через призму аргументативных схем стал Д. Уолтон. Отмечая, что абдукция не подчиняется правилам дедукции, так как она гипотетична и используется для практических целей, он устанавливает ее сходство с презумптивными конструкциями. Такое сходство, однако, не означает тождества. Во-первых, презумпция¹ по большей части является юридическим понятием, в то время как абдукция принадлежит науке. Во-вторых, и это главное, презумпция не предполагает неизвестности, она принимается как утверждение без доказательств. Абдуктивный же вывод хотя и может быть связан с известными или презумптивными фактами, должен все же рассматриваться как рассуждение, работающее с тем, что пока еще неизвестно [6, p. 155–156]. Тем не менее и презумптивные рассуждения, и абдукция работают в условиях неполноты информации, что и позволяет рассматривать последнюю через призму аргументативных схем.

Одну из первых аргументативных схем абдукции с набором проверяющих критических вопросов Уолтон предлагает в книге «Абдуктивное рассуждение» [6]. Схема должна отра-

¹ Это лишь одно из пониманий презумпций в аргументации. Вопрос природы презумпций остается за рамками рассмотрения статьи.

жать последовательность шагов, в отношении которых мы задаем вопросы «почему?» или «как?», так как абдукция возникает тогда, когда участники диалога сталкиваются с неизвестным фактом. Она органично вписывается в процедуру диалога [7, р. 163–164]. В программной для теории аргументативных схем работе [5] Д. Уолтон вместе со своими коллегами К. Ридом и Ф. Макагно фиксирует условия уже для четырех собственно абдуктивных схем и одной предсказывающей (ход событий). В их основе лежит следующий принцип¹:

Посылка 1. С – имеющийся в данном случае набор данных или фактов.

Посылка 2. Каждый вариант из набора A_1, A_2, \dots, A_n успешно объясняет С.

Посылка 3. A_i объясняет С наилучшим образом.

Заключение. Следовательно, A_i в данном случае является наиболее правдоподобной гипотезой [5, р. 329].

Рассуждение может быть проверено через следующую последовательность вопросов:

КВ 1. Насколько удовлетворительна А в качестве объяснения С по сравнению с другими альтернативными объяснениями, присутствующими в диалоге?

КВ 2. Насколько объяснение А лучше, чем другие объяснения, предлагаемые в диалоге?

КВ 3. Насколько абдукция продвигает диалог? Насколько досконально было проведено исследование в случае диалога-исследования?

КВ 4. Не лучше ли будет продолжить диалог дальше, вместо того чтобы ставить в нем точку, выводя заключение? [5, р. 330].

Абдукция при таком толковании, как несложно увидеть, не только ищет гипотезу, но и отбирает наилучшую. Соединение двух задач в одном рассуждении объясняется влиянием популярного в конце прошлого столетия решения Дж. и С. Джосефсонов:

D – набор данных.

H объясняет D.

Никакая другая гипотеза не может объяснить D так же хорошо, как это делает H. Следовательно, H вероятно истинна [8, р. 14].

В понимании Джосефсонов абдукция как раз и задавалась через поиск и отбор наилучшего объяснения [9]. Сегодня характеристика «наилучшая» к абдуктивной гипотезе чаще всего не применяется (аргументацию см. [10]). В ходе абдукции мы способны породить гипотезу, но не в силах утверждать ее превосходство над другими. Для столь высокой оценки у нас попросту нет оснований. Порождая гипотезу, абдукция придерживается принципа экономичности исследования, т. е. ищет объяснение, работая с конкретными примерами в конкретных ситуациях. Однако такая работа никак не может гарантировать наилучший выбор.

Об абдуктивном аргументе, порождающем, но не отбирающем гипотезу, размышляют С. Ю и Ф. Ценкер. Они опираются на решение Дж. Вагеманса², для которого абдукция, правда, была не столько средством для изобретения, сколько средством отбора. На языке аргументативных схем [11, р. 5] Дж. Вагеманс представляет абдукцию как вариант причинно-следственной аргументации: «А есть причина С», – что С. Ю и Ф. Ценкер и используют:

¹ Вместо D, как это стоит в оригинале, будем использовать С. Этот шаг делается ради сохранения терминологического единообразия, которое может облегчить чтение статьи.

² Прагматодialeктический подход к абдукции, представителем которой является Вагеманс, мы оставляем в стороне.

1.1a. Наблюдается любопытный факт С.

1.1b. Если бы объяснение А было истинным, С было бы чем-то само собой разумеющимся.

1. Есть основание подозревать, что объяснение А истинно [12].

Схема напоминает известное решение Пирса (см. схему на с. 6 [1]), дополненное модернизированным набором критических вопросов. Вопросы, касающиеся отбора гипотезы, заменяются вопросами ее принципиальной проверки и связи с наблюдаемым фактом:

КВ 1. Можем ли мы и следует ли нам в этой ситуации использовать абдукцию?

КВ 2. Надежно ли то, что мы наблюдаем?

КВ 3. Если бы А было истинным, мог ли из нее быть дедуцирован С?

КВ 4. Проверяема ли и правдоподобна ли А (в смысле поддерживает ли истину)?

КВ 5. Является ли то, что мы наблюдаем, С, полным? [12]

Итак, абдукция порождает гипотезу, за уместность которой отвечают критические вопросы. Убрав из абдукции элемент отбора, С. Ю и Ф. Ценкеру удалось ликвидировать один из краеугольных камней, затрудняющих дальнейшее движение. С другой стороны, иные проблемные аспекты в схеме все же остались. Непроясненными оказались как природа А, так и особенности логических связей. Некоторый комментарий в этом отношении дает КВ 3, в котором говорится о возможности дедуцирования С из А. Вместе с КВ 4 он позволяет предположить (пусть и с оговорками), что абдукция чуть ли не отождествляется с формой подтверждения консеквента. Однако в этом случае мы теряем ее самобытность: абдукция оказывается сложно отличимой от таких презумптивных аргументов как, например, аргумент от признака (см. выше).

Уникальность абдукции нельзя увидеть без анализа гипотезы А, а также логических связей внутри рассуждения. Получается, что при разработке ее аргументативной схемы необходимо понимать природу абдуктивного рассуждения, а для этого стоит обратить внимание на то, как оно толкуется в современных логико-философских теориях.

Особенности логических толкований. Укажем на некоторые логико-философские аспекты понимания абдукции. Не претендуя на полноту обзора, коснемся лишь тех из них, которые будут полезны для уточнения абдуктивного аргумента.

Прежде всего стоит учитывать, что абдукция – слабый, вариативный, зависимый от частных ситуаций и контекста тип рассуждения. Она чрезвычайно экономна в том смысле, что проявляет себя только в отношении реально существующих проблем, рисков и возможных вознаграждений. Абдукция не предполагает обобщений, а работает с единичными случаями, опираясь при этом на дуальность знания и утверждения. Порождение гипотезы говорит не о ее истинности, а о ее утверждении, так как абдукция лишь подталкивает к расширению границ познаваемого, но сами границы она не меняет.

Замкнутость на конкретные ситуации вынуждает признать, что абдукция крайне неохотно поддается формализации и автоматизации: те или иные важные ее составляющие все время ускользают при попытках формального представления. В абдукции сложно выделить общие механизмы, поясняющие А или С, а потому довольно трудно найти формализм, который соответствовал бы поистине новаторскому абдуктивному прыжку, остающемуся без внимания до его актуального произнесения [13].

Тем не менее определенные результаты уже получены. Так, исследователи сходятся во мнении, что S есть не высказывание, а наблюдаемый факт (в широком толковании этого термина). По этой причине он не может оцениваться как истинный или ложный. В отношении гипотезы A , в силу различных ее толкований, такое единодушие отсутствует: гипотеза может пониматься и как результат отбора, и как результат объяснения. Само же объяснение вновь может трактоваться по-разному. Все это влияет на интерпретацию условной связи, перекидывающей мост между наблюдаемым фактом и гипотезой.

Дж. Вудс – автор одного из самых влиятельных подходов к абдукции, предлагает обсуждать абдуктивный шаг через призму понятия «заклучаемость» (conclusionality), т. е. отношения, функционирующего, «когда рассуждение от посылок к заключению выглядит достаточно хорошо, но не сводится к сохранности истины» [14, р. 148]. Заклучаемость – широкое понятие, которое должно определять переход, отличающийся от логического следования или индуктивного подтверждения. Похоже, наилучшим образом заклучаемость схватывается иконически: мы как бы усматриваем заключение при заданных посылках. Видимо, по этой причине легче всего иконически воспринимается и абдукция. Однако в случае аргументативной схемы ограничиться иконическим воззрением не получится, так как отношение должно быть явным образом зафиксировано.

В определенной степени реализовать это позволяет модель Д. Габбая и Дж. Вудса [15]. Ниже будем опираться на нее в трактовке Дж. Вудса [16, р. 369].

1. $T!a$ [объявление эпистемической цели T]
2. $\neg (R(K, T))$ [факт]
3. $\neg (R(K^*, T))$ [факт]
4. $H \notin K$ [факт]
5. $H \notin K^*$ [факт]
6. $\neg (R(H, T))$ [факт]
7. $\neg (R(K(H), T))$ [факт]
8. $H \rightsquigarrow (R(K(H), T))$ [факт]
9. H удовлетворяет следующим условиям S_1, \dots, S_n [факт]
10. Следовательно, $S(H)$ [предварительное заключение (1–7)]
11. Следовательно, H^C [заключение (1–8)].

Последовательность шагов может быть описана еще менее формально: имеется эпистемическая цель, которую невозможно достичь ни в рамках исходной (K) базы знаний (R – отношение достижимости), ни в рамках базы знаний, которая может быть каким-либо образом из нее получена (K^*). В этом случае выдвигается гипотеза H (4, 5 шаги), которая не принадлежит к K или K^* . Сама по себе H не приближает нас к поставленной цели (шаги 6 и 7). Однако если допустить истинность H (8, где волнистая стрелка указывает на сослагательное наклонение) и уточнить условия, повышающие правдоподобие H (9), эту гипотезу резонно допустить. При этом $S(H)$ следует понимать, как догадку агента относительно рассматриваемой гипотезы. На следующем шаге эту догадку агент уже утверждает с прагматическими следствиями (11).

Согласно предложенной модели ключевой идеей абдукции оказывается незнание: абдукция начинается с незнания и сохраняет его даже после своего завершения. Ради объяснения

этого незнания ищется гипотеза (не факт, что наилучшая), появление которой, однако, не означает расширения границ познанного. Сослагательная связь между гипотезой и любопытным фактом указывает на возможность переформатирования имеющихся знаний, а такое переформатирование, в свою очередь, позволяет понижать градус любопытства. Гипотеза так и остается в статусе абдуктивной догадки.

Предложенная модель «абдукция как рассуждение, сохраняющее незнание» органично вписывается в диалог, т. е. она способна работать в системе «вопрос–ответ». Последнее подтверждает интеррогативное основание абдукции, на котором настаивал Я. Хинтикка [17]. Все это говорит о том, что модель адаптируема под нужды аргументации. Не менее важно и то, что модель органично поясняет логические связи в малоизвестной схеме Ч. С. Пирса (1905), которую недавно обнаружил А.-В. Пиетаринен в одном из черновых набросков писем Пирса к леди Уэлби:

Посылка 1. Если А истинна, то С не является/является истинной.

Посылка 2. Но С не является/является истинным.

Заключение. Не является ли истинным А? (Цит. по [18]).

За небольшим исключением последовательность шагов в схеме возвращает к популярному решению Ч. С. Пирса, но это «исключение» как раз все и меняет. Абдукция по-прежнему развивается от следствия к условию, но приходит уже к интеррогативному заключению, которое, однако, следует понимать как модальность «для исследования» (“the investigand”) (R L 384 цит. по [18]): заключение предлагает не столько саму гипотезу, сколько призыв изучить ее истинность. Фактически за вопросом скрывается восклицание: «Есть А? Давайте исследовать!» [19, р. 917]. Однако как раз в подобном ключе и развивают свою модель Д. Габбай и Дж. Вудс: заключение абдукции утверждает не гипотезу, а ее выдвижение.

Интеррогация в заключении, призывающая к дальнейшим исследованиям и проверке гипотезы, очевидно, модернизирует процедуру оценки. Оценивать абдукцию мы сможем лишь после следующих за ней рассуждений-аргументов, которые будут работать с выдвинутой гипотезой. В этом смысле в силу своей природной слабости абдукция оказывается крайне зависимой. Подобный синтез процедур (рассуждений) отмечал еще В. К. Финн [20].

Предложенная Пирсом форма абдукции, дополненная идеями Д. Габбая и Дж. Вудса, способна стать основой для искомой аргументативной схемы. Правда, для этого потребуются некоторые уточнения.

Результаты и обсуждение.

Абдукция как диалог. Абдукция вполне может выступать в качестве аргумента, если рассматривать последний в широком смысле: как рассуждение, используемое в диалоге с определенной целью. Если реконструировать этот аргумент в виде аргументативной схемы, идеи Пирса следует дополнить современными представлениями, которые позволят прояснить, когда появляется абдуктивный аргумент, как он протекает и на чем заканчивается.

Абдукция работает с конкретными ситуациями, а потому избегает обобщений. Она органично вписывается в диалог, так как и предполагает интеррогативную основу. Ее логические связи уточняет адаптированная под диалог модель Д. Габбая и Дж. Вудса, представляющая ход абдукции как подталкивание к изменению эпистемических состояний. Если проинтерпретировать К и К* как знания участников диалога, получим следующее: на опреде-

ленном этапе возникает непонятный факт С, пояснить который эти знания не позволяют (начало абдукции). В поисках искомого объяснения участники диалога расширяют базу возможных допущений до тех пор, пока не появляется гипотеза А. Данная гипотеза оказывается своего рода базовой предпосылкой, поясняющей резонность С, т. е. она не гарантирует объяснения С, но понижает уровень удивления от него. А не содержится в К, т. е. не является знанием. Однако она может быть с ним согласована.

Модернизированная модель Д. Габбая и Дж. Вудса раскрывает и содержательный или материальный компонент искомой аргументативной схемы. Для этого следует обогатить ее, согласно предложению Д. Чиффи и А.-В. Пиетаринена [21], тремя типами иллюкутивных актов: выдвижение гипотезы, догадка и утверждение. Гипотеза выдвигается и формулируется как догадка, которая затем и утверждается. Такая прагматизация, и в этом сложно не согласиться с Д. Чиффи и А.-В. Пиетариненом, позволяет сохранить требуемую идею незнания, так как на смену эпистемическому подтверждению приходит подтверждение прагматическое, которое работает не со знанием, а с речевыми актами. Целью абдукции в этом случае становится подтверждение, которое не проверяет гипотезу, а готовит ее для дальнейших исследований. Впрочем, пояснение абдукции через призму речевых актов важно не только для теории аргументативных схем: так, на него указывают и формальные диалоговые модели [22].

Резюмируя, получаем следующую аргументативную схему абдукции:

Посылка 1. Имеет место непонятный, но любопытный факт С.

Посылка 2. Если допустить А, то С не будет любопытным.

Заключение. Не является ли А истинной? Допустим и проверим?!

В основе оказывается своего рода собирательная схема Пирса, с проясненными посредством адаптации модели Д. Габбая и Дж. Вудса С, А и связи между ними. Кроме этого, статус А отражает и модальность «для исследования» в заключении, которая к тому же указывает, в каком направлении следует развивать диалог, чтобы в дальнейшем эту А, а значит и абдукцию, можно было проверить.

Выведение непосредственной оценки абдукции за ее рамки заметно корректирует список критических вопросов:

КВ 1. Можно ли среди известных положений найти подходящее объяснение для С?

КВ 2. Резонно ли в данной ситуации допущение А?

КВ 3. Может ли А вписаться в известное знание?

КВ 4. Насколько А экономична?

Критические вопросы в большой степени руководят ходом абдуктивного аргумента (согласно приведенным выше уточнениям), а не оценивают его. По этой причине они являются неотделимой составляющей схемы. Такое решение учитывает диалогичность абдуктивного аргумента, его нелинейность и слабость. Кроме того, оно подчеркивает, что абдукция работает лишь в синтезе процедур.

Остается ли в этом случае абдуктивная схема презумптивной, подобно другим схемам аргументации? На данный момент у нас нет серьезных оснований, чтобы возражать против утвердительного ответа. Правда, презумпция будет скрываться не столько за первой, чаще всего условной, посылкой, сколько за заключением. Продемонстрируем эту мысль на примере,

который позволит увидеть в том числе и то, чем абдукция отличается от объяснения. Если врач допускает в свои рассуждения абдуктивный шаг, его пациент слышит следующее: «Вижу сыпь, давайте проверим, а не А ли (самый простой вариант) у вас?». Объяснение же имеет иную степень уверенности: «Сыпь у вас из-за того, что А». Заключение приобретает статус чего-либо известного, в то время как уникальность абдуктивного аргумента заключается в сохранении незнания и призыве к дальнейшим действиям. Такое понимание абдукции выглядит не только резонным, но и вполне обоснованным, ведь если понимать абдукцию шире – например, в духе творческой способности Л. Магнани [23], мы вряд ли сможем вычленить ее среди множества объясняющих или устанавливающих причинно-следственные связи аргументов.

Разговор об аргументативной схеме абдукции не будет полным, если не рассмотреть границы применимости этого аргумента: работает ли абдукция в любом диалоге или ограничивается диалогами определенного вида. Думается, что о ее эффективности можно говорить лишь в диалогах¹, которые ориентируются на достижение истинного знания. В пользу такого допущения говорит уже модальность «для исследования», ведь вряд ли исследование имеет ценность в диалогах, нацеленных на личную победу (спор).

Заключение. В статье предложена аргументативная схема абдукции, построенная на базе схемы Ч. С. Пирса и модели Д. Габбая и Дж. Вудса. Среди ее особенностей стоит выделить следующие: она нелинейна, не занимается обобщениями или поисками общих законов, а, наблюдая за отдельными событиями, дает лишь реплики общих понятий или явлений. Абдуктивный аргумент органично работает в диалоге (и это отражает его схема). Но он не порождает наилучших гипотез, а, подчиняясь принципам экономичности исследования, предлагает гипотезу, требующую дальнейшей проверки. В связи с этим несколько необычную роль приобретают сопровождающие схему критические вопросы: они не столько оценивают аргумент, сколько регулируют его шаги. Все это позволяет отличать абдукцию, которая присутствует лишь в диалогах, нацеленных на достижение истины, от других, сходных с ней, аргументов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Peirce C. S. The Collected Papers of Charles S. Peirce. 8 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1931–1966. Цитируется как CP с дальнейшим указанием номера тома и параграфа.
2. Aliseda A. The Logic of Abduction: An Introduction // Springer Handbook of Model-Based Science. Cham: Springer, 2017. P. 219–230. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30526-4_10.
3. Боброва А. С. Аргументативные схемы как способ изучения рассуждений // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 2. С. 21–34. DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-2-21-34](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-2-21-34).
4. Macagno F., Walton D. Classifying the patterns of natural arguments // Philosophy and Rhetoric. 2015. Vol. 48, no. 1. P. 26–53. DOI: <https://doi.org/10.5325/philrhet.48.1.0026>.
5. Walton D., Reed C., Macagno F. Argumentation Schemes. NY: Cambridge Univ. Press, 2008.
6. Walton D. Abductive, presumptive and plausible arguments // Informal Logic. 2001. Vol. 21, no. 2. P. 141–169. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v21i2.2241>.
7. Walton D. Abductive Reasoning. Tuscaloosa: Univ. of Alabama, 2004.

¹ Автор статьи опирается на классификацию Д. Уолтона, который выделяет диалоги убеждения, исследования, переговоров, поиска информации, размышления, эристики.

8. Josephson J. R., Josephson S. G. *Abductive Inference: Computation. Philosophy. Technology.* NY: Cambridge Univ. Press, 1994.
9. Боброва А. С. Абдуктивный шаг в диалогах. Неформальный подход // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2022 (в печати).
10. Campos D. On the distinction between Peirce's abduction and Lipton's Inference to the best explanation // *Synthese*. 2011. Vol. 180. P. 419–442. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-009-9709-3>.
11. Wagemens J. H. M. The assessment of argumentation based on abduction // *Virtues of argumentation: proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA), Windsor, 22–26 May 2013 / Univ. of Windsor. Windsor, 2014.* URL: <http://scholar.uwindsor.ca/ossaarchive/OSSA10/papersandcommentaries/167/> (дата обращения: 18.02.2022).
12. Yu. S., Zenker F. Peirce knew why abduction isn't IBE. A scheme and critical questions for abductive argument // *Argumentation*. 2018. Vol. 32, no. 4. P. 569–587. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10503-017-9443-9>.
13. Caterina G., Gangle R. Iconicity and Abduction // *Studies in Applied Philosophy, Epistemology and Rational Ethics*. Vol. 29. Cham: Springer International Publishing AG, 2016. P. 57–92. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-44245-7_3.
14. Woods J. Reorienting the Logic of Abduction // *Springer Handbook of Model-Based Science*. Cham: Springer, 2017. P. 137–150. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30526-4_6.
15. Gabbay D. M., Woods J. *The Reach of Abduction. Insight and Trial.* Amsterdam: Elsevier, 2005.
16. Woods J. *Errors of Reasoning. Naturalizing the Logic of Inference.* London: College Publications, 2013.
17. Hintikka J. *Socratic Epistemology: Knowledge: Explorations of Knowledge-Seeking through Questioning.* Cambridge, Mass.: Cambridge Univ. Press, 2007. DOI: 10.1017/CBO9780511619298.
18. Pietarinen A.-V. Abduction and diagrams // *Logic J. of the IGPL*. 2021. Vol. 29, iss. 4. P. 447–468. DOI: <https://doi.org/10.1093/jigpal/jzz034>.
19. Ma M., Pietarinen A.-V. Let Us Investigate! Dynamic Conjecture-Making as the Formal Logic of Abduction // *J. of Philosophical Logic*. 2018. Vol. 47. P. 913–945. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10992-017-9454-x>.
20. Финн В. К. Синтез познавательных процедур и проблема индукции // *Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы*. 1998. № 1–2. С. 3–52.
21. Chiffi D., Pietarinen A.-V. Abductive Inference within a Pragmatic Framework // *Synthese*. 2020. Vol. 197. P. 2507–2523. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-018-1824-6>.
22. Barés Gómez C., Fontaine M. Argumentation and Abduction in Dialogical Logic // *Springer Handbook of Model-Based Science*. Cham: Springer, 2017. P. 295–314. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30526-4_14.
23. Magnani L. *Abductive Cognition: The Epistemological and Eco-Cognitive Dimensions of Hypothetical Reasoning.* NY: Springer, 2010.

Информация об авторе.

Боброва Ангелина Сергеевна – кандидат философских наук (2005), доцент (2018), доцент кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия; доцент школы философии и культурологии НИУ «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 105064, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия и история логики, теория аргументации.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.05.2022; принята после рецензирования 29.10.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Peirce, C.S. (1931–1966), *The Collected Papers of Charles S. Peirce*, 8 vols., Harvard Univ. Press, Cambridge, GBR. *Cited as CP followed by volume and abstract number.*
2. Aliseda, A. (2017), "The Logic of Abduction: An Introduction", *Springer Handbook of Model-Based Science*, Magnani, L. and Bertolotti, T. (eds.), Springer, Cham, CHE, pp. 219–230. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30526-4_10.
3. Bobrova, A. (2021), "Argumentative schemes as a way of studying arguments", *Philosophy J.*, vol. 14, no. 2, pp. 21–34. DOI: 10.21146/2072-0726-2021-14-2-21-34.
4. Macagno, F. and Walton, D. (2015), "Classifying the patterns of natural arguments", *Philosophy and Rhetoric*, vol. 48, no. 1, pp. 26–53. DOI: <https://doi.org/10.5325/philrhet.48.1.0026>.
5. Walton, D., Reed, C. and Macagno, F. (2008), *Argumentation Schemes*, Cambridge Univ. Press, NY, USA.
6. Walton, D. (2001), "Abductive, presumptive and plausible arguments", *Informal Logic*, vol. 21, no. 2, pp. 141–169. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v21i2.2241>.
7. Walton, D. (2004), *Abductive Reasoning*, Univ. of Alabama, Tuscaloosa, USA.
8. Josephson, J.R. and Josephson, S.G. (1994), *Abductive Inference: Computation. Philosophy. Technology*, Cambridge Univ. Press, NY, USA.
9. Bobrova, A. (2022), "Abductive step in dialogs. An informal approach", *Tomsk State Univ. J. of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2022 (in print).
10. Campos, D. (2011), "On the distinction between Peirce's abduction and Lipton's Inference to the best explanation", *Synthese*, vol. 180, pp. 419–442. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-009-9709-3>.
11. Wagemens, J.H.M. (2014), "The assessment of argumentation based on abduction", *Virtues of argumentation: proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA)*, Windsor, CAN, 22–26 May 2013, available at: <http://scholar.uwindsor.ca/ossaarchive/OSSA10/papersandcommentaries/167/> (accessed 18.02.2022).
12. Yu., S. and Zenker, F. (2018), "Peirce knew why abduction isn't IBE. A scheme and critical questions for abductive argument", *Argumentation*, vol. 32, no. 4, pp. 569–587. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10503-017-9443-9>.
13. Caterina, G. and Gangle, R. (2016), "Iconicity and Abduction", *Studies in Applied Philosophy, Epistemology and Rational Ethics*, vol. 29, Springer International Publishing AG, Cham, CHE, pp. 57–92. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-44245-7_3.
14. Woods, J. (2017), "Reorienting the Logic of Abduction", *Springer Handbook of Model-Based Science*, Springer, Cham, CHE, pp. 137–150. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30526-4_6.
15. Gabbay, D.M. and Woods, J. (2005), *The Reach of Abduction. Insight and Trial*, Elsevier, Amsterdam, NLD.
16. Woods, J. (2013), *Errors of Reasoning. Naturalizing the Logic of Inference*, College Publications, London, GBR.
17. Hintikka, J. (2007), *Socratic Epistemology: Knowledge: Explorations of Knowledge-Seeking through Questioning*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, GBR. DOI: 10.1017/CBO9780511619298.
18. Pietarinen, A.-V. (2021), "Abduction and diagrams", *Logic J. of the IGPL*, vol. 29, iss. 4, pp. 447–468. DOI: <https://doi.org/10.1093/jigpal/jzz034>.
19. Ma, M. and Pietarinen, A.-V. (2018), "Let Us Investigate! Dynamic Conjecture-Making as the Formal Logic of Abduction", *J. of Philosophical Logic*, vol. 47, pp. 913–945. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10992-017-9454-x>.
20. Finn, V.K. (1998), "The Synthesis of Cognitive Procedures and the Problem of Induction", *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, no 1–2, pp. 3–52.
21. Chiffi, D. and Pietarinen, A.-V. (2020), "Abductive Inference within a Pragmatic Framework", *Synthese*, vol. 197, pp. 2507–2523. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-018-1824-6>.

22. Barés Gómez, C. and Fontaine, M. (2017), "Argumentation and Abduction in Dialogical Logic", *Springer Handbook of Model-Based Science*, Springer, Cham, CHE, pp. 295–314. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-30526-4_14.

23. Magnani, L. (2010), *Abductive Cognition: The Epistemological and Eco-Cognitive Dimensions of Hypothetical Reasoning*, Springer, NY, USA.

Information about the author.

Angelina S. Bobrova – Can. Sci. (Philosophy, 2005), Docent (2018), Associate Professor at the Department of philosophy, Russian State University for the Humanities, 6 Miuskaya sq., Moscow 125993, Russia; Associate Professor at the School of Philosophy and Culturology, Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow 105064, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: philosophy and history of logic, argumentation theory.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 23.05.2022; adopted after review 29.10.2022; published online 22.02.2023.

Оригинальная статья
УДК 101; 304.9
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-18-28>

Посткапиталистические проекты: онтология против идеологии

Юрий Викторович Лоскутов

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
yuri-loskutov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4678-3357>*

Введение. Кризис капиталистической общественно-экономической формации обуславливает актуальность проектирования посткапиталистического общества. В статье выявляется преимущество социально-онтологического подхода над идеологическим подходом к этому проектированию. При этом ставится новая проблема социокультурной концептуализации посткапиталистической реальности на языке капиталистической культуры.

Методология и источники. Проблема посткапиталистического межформационного перехода, зародившаяся в рамках марксизма, может быть решена только путем его социально-философской самокритики. Лидерами такой самокритики по вопросу об идеологическом выражении посткапиталистических проектов стали А. А. Коряковцев, С. В. Вискунов, П. Н. Кондрашов, Д. А. Давыдов, И. Яхот и Дж. Холлоуэй. Любой научный социально-онтологический анализ текущего межформационного перехода опирается на обобщенные эмпирические данные частных наук и на общественно-историческую практику.

Результаты и обсуждение. Посткапиталистической повестке соответствует принцип метаполитичности, потенциально позволяющий выйти за рамки влияния широкого спектра идеологий, используемых капиталом для своей защиты. Никакая идеология в принципе не может точно указать пути посткапиталистической трансформации общества, так как общественное бытие всегда более содержательно и более непредсказуемо, нежели общественное сознание. В конечном счете, новое – это объективный процесс и результат самой жизни, а не насилие над жизнью со стороны человеческой мысли. То, что в духовной сфере действительно способно вывести за рамки капитализма, должно казаться как минимум странным тем людям, которых капитализм сформировал. А наиболее важные из посткапиталистических идей вообще не должны концептуализироваться на языке капиталистической культуры. Объективное содержание движущих сил развития общества концептуализировано марксистской социальной онтологией с помощью понятия «производительные силы». Важнейшей из производительных сил выступает человек. Общественно-экономическая формация является особым способом организации сущностных сил человека, и потому межформационный переход имеет антропологическую природу. Развитие труда до состояния всеобщего труда и становление других сущностных сил ведет к разложению капитализма.

Заключение. Условием общественного успеха посткапиталистических проектов является смена идеологической мотивации на онтологическую – следует пересмотреть всю актуальную социальную проблематику «под углом зрения» развития производительных сил.

© Лоскутов Ю. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: посткапитализм, социальная онтология, идеология, производительные силы, всеобщий труд

Для цитирования: Лоскутов Ю. В. Посткапиталистические проекты: онтология против идеологии // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-18-28.

Original paper

Postcapitalist Projects: Ontology vs. Ideology

Yuri V. Loskutov

*Perm State University, Perm, Russia,
yuri-loskutov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4678-3357>*

Introduction. The crisis of capitalist social formation determines the relevance of projecting the post-capitalist society. The article reveals the advantage of socio-ontological approach over ideological approach to this projecting. At the same time the new problem of socio-cultural conceptualization of post-capitalist reality in the language of capitalist culture is raised.

Methodology and sources. The problem of postcapitalist inter-formation transition was originated within Marxism, and it can only be solved by means of its socio-philosophical self-critique. The leaders of such self-criticism on the issue of the ideological expression of postcapitalist projects are A.A. Koryakovtsev, S.V. Viskunov, P.N. Kondrashov, D.A. Davydov, I. Yakhot and J. Holloway. Any scientific socio-ontological analysis of the current interformational transition relies on generalized empirical data from special sciences and social-historical practice.

Results and discussion. The postcapitalist agenda corresponds to the principle of metapolitics, potentially allowing us to transcend the influence of the wide range of ideologies used by capital to protect itself. In principle, no ideology can precisely point the way for the post-capitalist transformation of society, since social being is always more substantive and more unpredictable than social consciousness. Ultimately, the new is an objective process and the result of life itself, not the violence of human thought over life. What in the spiritual realm is truly capable of moving beyond capitalism must seem, at the very least, strange to those people whom capitalism has shaped. And the most important of post-capitalist ideas should not be conceptualized in the language of capitalist culture at all. The objective content of the driving forces of social development is conceptualized in Marxist social ontology by means of the concept of “productive forces”. The most important of the productive forces is human being. Social formation is a special way of organization of person's essential forces, and therefore the inter-formation transition has an anthropological nature. The development of labor up to the state of universal labor and formation of other essential forces leads to the decomposition of capitalism.

Conclusion. A condition of social success of post-capitalist projects is the change of ideological motivation into an ontological motivation – all current social problems should be reconsidered “from the perspective” of the development of productive forces.

Keywords: postcapitalism, social ontology, ideology, productive forces, universal labour

For citation: Loskutov, Yu.V. (2023), “Postcapitalist Projects: Ontology vs. Ideology”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 18–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-18-28 (Russia).

Введение. Капиталистическая общественно-экономическая формация находится в стадии разложения. Неуклонно деградируя, капитализм все меньше развивает производительные

силы и все больше разрушает их. И прежде всего – главную производительную силу, т. е. человека. (Обзор многочисленных экономических, политических, культурных, экологических проявлений текущего антропологического кризиса не входит в задачи настоящей статьи.) Но что именно идет на смену капитализму? Межформационный переход – серьезная теоретическая и практическая проблема. Она состоит в том, что при всей сегодняшней деструктивности капитализма реальные альтернативы ему имеют далеко не очевидный характер.

В данной статье речь пойдет об отражении проблемы межформационного перехода в духовной культуре – в научном познании и идеологии. Содержание посткапиталистических общественных проектов определяется либо наукой, либо идеологией. При этом характерной чертой идеологических проектов посткапитализма (в отличие от научных) является несоответствие данных проектов объективной реальности, что закономерно порождает их практическую деструктивность.

Цель настоящей статьи – используя актуальный теоретический материал, обосновать преимущество научной социальной онтологии над идеологией при рассмотрении вопроса о межформационном переходе. При этом ставится новая проблема – проблема социокультурной концептуализации посткапиталистической реальности на языке капиталистической культуры.

Методология и источники. Проблема посткапиталистического межформационного перехода, зародившаяся в рамках марксизма, может быть теоретически и практически решена только путем его социально-философской самокритики. Лидерами такой самокритики по вопросу об идеологическом выражении посткапиталистических проектов стали А. А. Коряковцев, С. В. Вискунов, П. Н. Кондрашов, Д. А. Давыдов, И. Яхот и Дж. Холлоуэй. В настоящей статье после рассмотрения недостатков идеологического подхода проводится краткий социально-онтологический анализ текущего межформационного перехода.

Стоит прояснить содержание некоторых терминов, которые употребляются в этом тексте.

«Под общественной формацией мы понимаем качественно целостную стадию общественной эволюции, которая характеризуется определенной степенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые в конечном итоге определяются ею» [1, с. 152].

Термин «посткапитализм» предпочтительнее термина «коммунизм» в силу своей идеологической нейтральности, а также в силу того, что не является заранее гарантированной реализацией именно коммунистического варианта посткапиталистического общества (впрочем, как и любого другого его конкретного варианта) [2, с. 10–11]. Например, П. Мейсон, рассматривая становление посткапитализма как рассредоточенный, децентрализованный общественный проект [3, с. 366–367], предлагает не действовать неуклонным образом по заранее намеченному плану, а моделировать в рамках посткапиталистического проекта различные альтернативные варианты его развития [3, с. 366, 394].

Термин «идеология» впервые применил просветитель А. Дестют де Траси, а затем этот термин использовал Наполеон Бонапарт для критики своих политических оппонентов (включая де Траси), которые, по мнению Бонапарта, подменяли политическую реальность умозрительными абстракциями. С этого времени идеологию как выражение ложного сознания противопоставляют науке. Такое критическое отношение к идеологическому сознанию

было воспринято К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые в «Немецкой идеологии» отмечали, что идеология появляется в обществе, наполненном различными антагонизмами, в силу чего представления о социуме, затрагивающие интересы тех или иных его членов, становятся предметом непримиримого идеологического конфликта [4, с. 56]. В любой идеологии так или иначе выражены интересы того или иного социального субъекта, поэтому каждая идеология, будучи всеобщей по форме, является частной («классовой») по содержанию – противоборствующие социальные субъекты выдают свои частные интересы за всеобщие интересы и свое частное мировосприятие за всеобщее мировосприятие [4, с. 57]. Основоположники марксизма противопоставляли идеологии не другую идеологию, а общественно-историческую практику, выявляющую действительную суть социальных отношений [4, с. 59]. Как констатирует И. Яхот, «из всего духа анализа Маркса и Энгельса вытекает, что характерными особенностями идеологии являются отсутствие сознания действительных, реальных отношений, превратность, неясность и даже фантастичность... Мысли движутся у "идеолога" от определенных принципов, идей, категорий, он находится в сфере чистого мышления, оторванного от реальной жизни. Его мышление догматично по своему существу, он не может выйти за пределы априорного метода. В силу всего этого в любой идеологии превратно отражаются действительные отношения» [5]. (Впрочем, надо иметь в виду, что идеология содержит в себе не только различные заблуждения, но и в какой-то степени верное отражение реальности [4, с. 59]. Пусть весьма частичное и во многом превратное, но все-таки отражение действительного положения дел придает идеологии убедительность в глазах ее адептов). В. И. Ленин, который не мог читать «Немецкую идеологию», позитивно относился к термину «идеология», но то, что он называл «научной идеологией», вернее назвать научной теорией социальной революции [4, с. 62–63]. При этом «марксисты-ленинцы» отчасти вернулись к просветительскому пониманию идеологии, когда вместо марксова противопоставления идеологии и науки они пытались их сопрягать между собой [4, с. 63]. Обычно для такого сопряжения оснований нет, однако необходимо учитывать то, что в обществе, разделенном на классы, идеологией может стать и вполне научная теория, из которой следуют определенные общественные выводы [4, с. 60]. В классовом обществе существование идеологии неизбежно («деидеологизация» – это ведь тоже своеобразная идеология). Тем не менее приемлемая для целей общественного прогресса идеология признает не свою самодостаточность, а свою зависимость от того, что выше нее (например, от объективной реальности, от науки, от соображений гуманности и т. д.). Впрочем, даже защита высших ценностей в тех случаях, когда она является самоцелью, становится субъективно выше этих ценностей, а потому такая защита превращается во внутренне противоречивую идеологию. Для общественного прогресса неприемлема никакая идеология, кроме самоумаляющейся.

Как справедливо отмечает Э. Агацци, «наука может рассматриваться как антиидеологический образ мыслей» [6, с. 47]. Взамен опоры на идеологию посткапиталистическим проектам требуется опора на научную (прежде всего – марксистскую) социальную онтологию, а последняя, в свою очередь, опирается на обобщенные эмпирические данные частных наук и на общественно-историческую практику.

Результаты и обсуждение. Кризис традиционного для капитализма «лево-правого» политического спектра указывает на то, что посткапиталистической повестке, скорее, соответствует принцип метаполитичности, потенциально позволяющий выйти за рамки влияния

как «левых», так и «правых», как старых, так и новых идеологий. Все это идеологическое многообразие используется капитализмом для продления своего существования, чему служит не только прокапиталистический, но даже и внешне антикапиталистический дискурс: «В современном обществе капиталу выгодно дать людям небольшое количество акций и денег, право голоса, так как это наделяет человека ответственностью, включает его в силовое поле власти капитала, но ничего не меняет принципиально в его возможностях действительного управления капиталом. Единственное, что не может допустить капитал, – это объединения огромного числа мелких собственников при помощи социального и культурного капиталов. Поэтому сейчас превозносится плюрализм – политический, социальный и национальный, культурный, так как в этом случае масса мелких разнонаправленных индивидуальных волей не может быть интегрирована в единую могучую волю, представляющую угрозу могуществу иерархии капитала» [7, с. 245]. Такой идеологический плюрализм всячески – и «справа», и «слева» – подчеркивает второстепенные различия между людьми, вместо того, чтобы идейно объединять трудящихся [8, р. 58]. Помимо прочего, для такого раскола трудящихся между собой используются проблемы половых отношений [9, с. 91–92], а также понятие «креативный класс». «Идеалистически-романтический взгляд на будущее креативной деятельности – одна сторона творчества и креативного класса. Но в аспекте основной производительной силы творчества – не только деятельность, в которой человек наиболее полным образом реализует свои сущностные силы, но также причина новых противоречий и новых форм отчуждения» [1, с. 153].

С точки зрения Д. А. Давыдова, неограниченное торжество субъектов творческой деятельности приведет после капитализма не к «царству свободы», а к новой антагонистической формации: «Расширение творческих возможностей, во-первых, обострит множество проблем, связанных с необходимостью общественного контроля за использованием результатов творческой деятельности, способных привести к нежелательным, катастрофическим последствиям; во-вторых, поставит перед обществом проблему воспитания занимающейся продуктивной деятельностью всесторонне развитой личности в условиях изобилия различных способов личностной деградации; в-третьих, породит новые структуры и методы воспроизводства неравенства, но уже в виде дискурсивного господства выдающихся личностей; в-четвертых, приведет к новым формам отчуждения между создателями творческой "продукции" и их потребителями» [2, с. 7].

Любой посткапиталистический проект имеет амбивалентный, внутренне противоречивый, переходный характер [1, с. 152]. В связи с такой амбивалентностью можно выделить две стадии посткапитализма – первая, изначальная стадия, отрицая капитализм, сохраняет ту или иную существенную от него зависимость, и только следующая, вторая стадия эту зависимость преодолевает, например: «Формирующееся на наших глазах в недрах современного капитализма посткапиталистическое общество с минимизацией капиталистических отношений, с господством нематериальной творческой деятельности, “умных машин” и тотальной демократии – это еще отнюдь не “коммунизм” в марксовом понимании. В нем нет самого главного, что конституирует коммунизм, а именно: всестороннего (физического и интеллектуального) развития целостной гармоничной личности; полноценной и ответственной субъектной свободы принятия решений; снятия социальных антагонизмов и

социального отчуждения; человеческих отношений; отсутствия экзистенциальной опустошенности» [1, с. 157].

Но может ли в принципе та или иная идеология точно указать пути грядущей посткапиталистической трансформации общества? Нет, ибо общественное бытие всегда более содержательно и более непредсказуемо, нежели общественное сознание, и особенно это касается периодов межформационных переходов, включая переход от капитализма к посткапитализму [3, с. 329–330]. Наши представления о будущем неизбежно оказываются во многом наивными, так как они «большой частью определяются состоянием социума, его структурой, техникой, социальными нормами и институтами, которые имеют место в данный конкретный момент. <...> В наши дни посткапитализм мыслится, исходя из фактичности современного капитализма» [1, с. 152].

Здесь мы сталкиваемся с серьезной философской трудностью, которая имеет не только теоретический, но и практический характер. В. И. Ленин и И. В. Сталин обладали выдающимися способностями доводить свои идеи до широких масс, убеждать – но кого? Людей, которые сформировались при капитализме, чьи мысли и привычки, чей опыт целиком и полностью находились в рамках капиталистической общественно-экономической формации. Так какие идеи могли убедить таких людей? Только идеи, тесно связанные с капитализмом, пусть даже и с его отрицанием. Только идеи, способные развить «первую космическую» скорость при отрыве от капиталистической почвы, но ни в коем случае не «вторую космическую», способную увести с капиталистической орбиты в исторический «космос». Ибо идеи, порывающие с капитализмом на «второй космической» скорости, люди, воспитанные капитализмом, просто не поняли бы! Более того, и у самих пропагандистов коммунистических идей связь с капиталистической культурой была еще достаточно прочна. То, что действительно способно вывести за рамки капитализма, должно казаться как минимум странным тем людям, которых капитализм сформировал. А наиболее важные из этих идей вообще не должны концептуализироваться на языке капиталистической культуры (ибо в этой культуре нет ни соответствующих понятий, ни должного понимания причинно-следственных связей). В силу отсутствия концептуализации на языке овещенной культуры, наиболее важные развеществляющие, очеловечивающие представления антикапиталистического реального гуманизма неизбежно должны выглядеть в глазах капиталистической культуры как нечто непонятное, даже мистическое (хотя на самом деле никакой мистики в них, конечно, нет), а прочие представления реального гуманизма неизбежно должны выглядеть для типичного человека эпохи капитализма как нечто чудаческое и даже возмутительное. Следовательно, подлинный социальный инноватор непременно должен выглядеть чудаком, но при этом далеко не всякий выглядящий чудаком является подлинным социальным инноватором.

Человечеству необходимо расширять горизонты культуры, необходимо новое в культуре, еще неизвестное. Конечно, это вопрос практический, но сначала следует понять, в чем именно это новое должно заключаться, изобрести его. Где искать эту «неизвестную землю»? В том, что уже есть – гегелевское понимание развития как углубления в себя, раскрытия своего собственного потенциала еще никто не опроверг. Требуемого мы пока не знаем, но должны его узнать, если мы свободные, разумные и ответственные существа.

Писатель и художник Михаил Анчаров так рассуждает о возникновении социальных новаций: «На фотографии жизнь отпечаталась сама. А картина есть след руки. <...> Но если рука исполняет желание, то художник недоволен, так как желание кончилось именно потому, что исполнилось. А если след руки – это находка того, что внезапно открылось, то художник доволен. Потому что картина – это не исполнение обычных желаний, а открытие истинных, о которых раньше и сам не знал. <...> Применить к жизни опыт поведения художника на холсте – это и было бы искусством жить» [10, с. 236]. След руки – это объективный феномен, открывающий в силу своей объективности новые горизонты возможностей, неожиданные для сознания, интерпретируемые сознанием. Когда с каждым мазком художник открывает новые горизонты возможностей, реализуя самые интересные из них – это и есть квинтэссенция творчества. Новое – это не идеологический проект, реализуемый со всей педантичностью. Новое – это объективный процесс и удивительный результат самой жизни, а не насилие над жизнью со стороны человеческой мысли. Ведь последняя в конечном счете беднее объективной реальности. «Цель революционного изменения общества растворена в процессе становления общественных индивидов, а не предпосылаема им и их разуму как нечто внешнее» [11, с. 286]. Любая идеология предполагает позицию «учащего» и позицию «учащегося», но социальная онтология межформационного перехода к посткапиталистической формации, при котором происходит преодоление социальной фетишизации, ставит эти позиции под вопрос: «Борьба между фетишизмом и антифетишизмом существует внутри каждого из нас, коллективно и индивидуально. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы нефетишизированный авангард вел за собой фетишизированные массы. В силу того, что мы живем в антагонистическом обществе, мы все одновременно и фетишизированы, и боремся против этого фетишизма» [12, р. 146].

Объективное содержание движущих сил развития общества концептуализировано марксистской социальной онтологией с помощью понятия «производительные силы». Структура производительных сил выглядит у Л. Е. Гринина следующим образом: 1) предмет труда; 2) средства труда; 3) энергетические источники; 4) транспорт и коммуникации; 5) хранилища; 6) средства связи и информации; 7) люди; 8) производственное сознание (включая технологию и науку); 9) производственная организация» [13, с. 25]. (Думается, что восьмой пункт уместнее обозначить как «кодифицированное производственное знание», а девятый стоит вообще исключить, так как он относится к области производственных отношений.) При этом главной производительной силой традиционно считаются сами люди [14, с. 403], что оспаривает Л. Е. Гринин, с точки зрения которого это не всегда верно, так как людьми часто жертвуют ради решения производственных задач в условиях многочисленного населения и внеэкономического принуждения [13, с. 27]. Но ведь и в этом случае одними людьми жертвуют другие люди, и потому марксово положение о человеке как главной производительной силе остается незыблемым.

Таким образом, «формация есть особый способ организации сущностных сил человека. Соответственно кризис формации имеет свое антропологическое основание в обострении до крайности внутреннего противоречия человеческой сущности. Оно заключается в способности и потребности человека как родового универсального существа к постоянному самосовершенствованию, саморазвитию, саморазвертыванию своих сущностных сил

в соответствии со своей природой и конкретно-историческими условиями существования индивидов, сдерживающими их развитие» [15, с. 63]. В основе марксистской социальной онтологии лежит субстанциальный подход – основанием выделения формаций выступает степень развития человеческой сущности [16, с. 24].

Преодоление капитализма имеет антропологическую природу. К. Маркс и Ф. Энгельс указывают в «Немецкой идеологии» на исчерпывающий критерий уничтожения частной собственности – на «присвоение всей совокупности производительных сил объединившимися индивидами» [17, с. 69]. Здесь подразумевается как реальное, совместное, профессиональное овладение всеми средствами производства (для чего последние должны быть до некоторой – пока не достигнутой – степени развиты и объединены), так и присвоение человеком самого себя как главной производительной силы. При этом «частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность» [17, с. 441].

Ключевой сущностной силой человека выступает труд. Следует пояснить, что К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали об упразднении труда-работы, вынужденной деятельности, а не об упразднении труда как свободной деятельности – родовой характеристики человека [18, с. 97–103]. Посткапиталистическим видом труда является самопрограммируемый, самоформирующийся, всеобщий труд [19, с. 222–223]. «Возникновение всеобщего, или научного, труда (внешне выраженное как вытеснение материального труда умственным), когда "действительное богатство общества" начинает все более зависеть не от затрат непосредственного, абстрактного труда, измеряемого рабочим временем, а от мощи тех всеобщих сил человека, которые позволяют вовлекать в производственный процесс все более мощные силы природы, означает разрушение той пропорциональности или соответствия, которое существует между вещественным и абстрактным богатством, потребительными стоимостями и стоимостью, порциями абстрактного труда. Иными словами, разрушение, вырождение стоимости, стоимостного отношения, которое лежит в основе товарного производства вообще, капиталистического – в особенности. Происходит, словами Маркса, разложение, разрушение капитала» [19, с. 210]. Таким образом, распространение всеобщего труда ведет к разложению капитализма.

Разумеется, практическая повестка посткапитализма включает в себя развитие не только труда, но и всех прочих сущностных сил человека – с помощью развития образования и здравоохранения, отстаивания высоких стандартов культуры и т. д.

Любую сущностную силу можно рассматривать как в актуальном, так и в потенциальном аспекте. Ведущей стороной развития человеческой сущности выступает ее потенциальная сторона, которая выражена в виде способностей и потребностей. Нобелевский лауреат А. Сен предлагает для определения уровня благосостояния оценивать человеческие возможности (например, связанные со здоровьем), а не просто имеющийся денежный доход, что, несомненно, является посткапиталистическим социально-онтологическим подходом [20, с. 329].

Социальная онтология, к которой по сравнению с идеологией приковано гораздо меньше общественного внимания, настоятельно требует своего дальнейшего развития. В ней много вопросов, открытых для дальнейшего научного обсуждения.

Заключение. Стремление навязать объективной социальной реальности те или иные идеологические рамки оказывает на эту реальность деструктивное воздействие. Наука, в отличие от идеологии, обладает встроенными инструментами самокритики, что позволяет науке, в отличие от идеологии, своевременно изменяться под влиянием изменений в общественно-исторической практике. На смену идеологической мотивации должна прийти онтологическая мотивация: посткапиталистам следует помнить ключевой тезис марксистской социальной онтологии о том, что главный источник революционных изменений общественных отношений – это развитие производительных сил. Теперешним марксистам, неоправданно заиклившимся на политических процессах и производственных отношениях, следует взглянуть в социально-онтологический корень своего учения – и пересмотреть всю актуальную общественную проблематику «под углом зрения» развития производительных сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондрашов П. Н. Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159. DOI: 10.31857/S013216250008524-9.
2. Давыдов Д. А. Личность и государство в терниях посткапитализма. М.: ЛЕНАНД, 2020. DOI: 10.17506/lpl.m.2019.davydov.218.
3. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
4. Коряковцев А. А., Вискунов С. В. Марксизм и полифония разумов. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
5. Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы). URL: https://scepisis.net/library/id_172.html (дата обращения: 03.08.2022).
6. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Московский философский фонд, 1998.
7. Ежов О. Н. Онтология социального времени. Саратов: Саратов. гос. технол. ун-т, 2000.
8. Wilkie R. The Digital Condition: Class and Culture in the Information Network. NY: Fordham Univ. Press, 2011. DOI: 10.1515/9780823241521.
9. Коряковцев А. А., Колташов В. Г. Антропология в политике с точки зрения социализма // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: сб. материалов XXII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана / УрФУ, Екатеринбург, 2019. С. 86–98.
10. Анчаров М. Л. Записки странствующего энтузиаста. М.: Молодая гвардия, 1988.
11. Коряковцев А. А. Диалектический синтез в социальной теории К. Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.; Екатеринбург: ИФиП УрО РАН: Кабинетный ученый, 2021. С. 280–296.
12. Holloway J. Change the World without Taking Power. NY: Pluto Press, 2010.
13. Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. Волгоград: ФГУП ИПК «Царицын», 2003.
14. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 3–510.
15. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация. Пермь: ПГНИУ, 2016.
16. Мусаелян Л. А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 14–28. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-14-28.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.

18. Кондрашов П. Н. Какого же Маркса мы читаем? // Маркс утраченный и Маркс обретенный. М.; Екатеринбург: ИФиП УрО РАН: Кабинетный ученый, 2021. С. 89–119.
19. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005.
20. Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во ин-та Гайдара: Фонд «Либеральная Миссия», 2016.

Информация об авторе.

Лоскутов Юрий Викторович – кандидат философских наук (2000), доцент (2004), доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор 48 научных публикаций. Сфера научных интересов: фундаментальные проблемы онтологии и эпистемологии, сущность исторического процесса, сущность морали.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.08.2022; принята после рецензирования 28.10.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.

REFERENCES

1. Kondrashov, P.N. (2020), "Post-capitalism as a social inter/trans-formation", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 150–159. DOI: 10.31857/S013216250008524-9.
2. Davydov, D.A. (2020), *Lichnost' i gosudarstvo v terniyakh postkapitalizma* [The Person and the State in the Thorns of Post-Capitalism], LENAND, Moscow, RUS. DOI: 10.17506/lpl.m.2019.davydov.218.
3. Mason, P. (2016), *Postcapitalism: A Guide to Our Future*, Transl. by Dunaev, A., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
4. Koryakovtsev, A.A. and Viskunov, S.V. (2017), *Marksizm i polifoniya razumov* [Marxism and the Polyphony of Minds], Kabinetnyi uchenyi, Moscow, Ekaterinburg, RUS.
5. Yakhot, I., *Podavlenie filosofii v SSSR (20-e – 30-e gody)* [The Suppression of Philosophy in the USSR (1920s-30s)], available at: https://scepis.net/library/id_172.html (accessed 03.08.2022).
6. Agazzi, E. (1998), *The Ethical Dimensions of the Techno-Scientific Enterprise*, Transl. by Borisova, I., Moskovskij filosofskij fond, Moscow, RUS.
7. Ezhov, O.N. (2000), *Ontologiya sotsial'nogo vremeni* [The Ontology of Social Time], Sarat. gos. tekhnol. un-t, Saratov, RUS.
8. Wilkie, R. (2011), *The Digital Condition: Class and Culture in the Information Network*, Fordham Univ. Press, NY, USA. DOI: 10.1515/9780823241521.
9. Koryakovtsev, A.A. and Koltashov, V.G. (2019), "Anthropology in Politics from the Point of View of Socialism", *XXII Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L. N. Kogana "Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya"*, UrFU, Ekaterinburg, RUS, pp. 86–98.
10. Ancharov, M.L. (1988), *Zapiski stranstvuyushchego entuziasta* [Notes of a Traveling Enthusiast], Molodaya gvardiya, Moscow, USSR.
11. Koryakovtsev, A.A. (2021), "Dialectical Synthesis in Marx's Social Theory", *Marks utrachennyi i Marks obretennyi* [Marx lost and Marx found], IFiP UrO RAN, Kabinetnyi uchenyi, Moscow, Ekaterinburg, RUS, pp. 280-296.
12. Holloway, J. (2010), *Change the World without Taking Power*, Pluto Press, NY, USA.
13. Grinin, L.E. (2003), *Proizvoditel'nye sily i istoricheskii protsess* [The Productive Forces and the Historical Process], FGUP IPK "Tsaritsyn", Volgograd, RUS.
14. Marx, K. (1968), "Economic Manuscripts of 1857-1859", *Marx K., Engels F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 46, part 1, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR, pp. 3–510.
15. Musayelyan, L.A. (2016), *Istoricheskii protsess i globalizatsiya* [Historical Process and Globalization], PGNIU, Perm, RUS.

16. Musayelyan, L.A. (2020), "Marx's theoretical heritage and modernity. Part 2. Theory and practice of Marxism", *Perm Univ. Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 1, pp. 14–28. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-14-28.

17. Marx, K. and Engels, F. (1955), "German Ideology", *Marx K., Engels F. Sochineniya*, 2nd ed., vol. 3, Gospolitizdat, Moscow, USSR, pp. 7-544.

18. Kondrashov, P.N. (2021), "Which Marx are we reading?", *Marks utrachennyyi i Marks obretennyyi* [Marx lost and Marx found], IFiP UrO RAN, Kabinetnyi uchenyi, Moscow, Ekaterinburg, RUS, pp. 89-119.

19. Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2005), *Filosofiya ekonomiki* [The Philosophy of Economics], Izd-vo Perm. gos. un-ta, Perm, RUS.

20. Sen, A. (2016), *The Idea of Justice*, Transl. by Kralachkin, D., Izd-vo In-ta Gaidara, Fond "Liberal'naya Missiya", Moscow, RUS.

Information about the author.

Yuri V. Loskutov – Can. Sci. (Philosophy, 2000), Docent (2004), Associate Professor at the Department of Philosophy, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of 48 scientific publications. Area of expertise: fundamental problems of ontology and epistemology, the essence of the historical process, the essence of morality.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 03.08.2022; adopted after review 28.10.2022; published online 22.02.2023.*

Оригинальная статья

УДК 165.0

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-29-42>

Метафорическая истина и неопрагматический реализм Хилари Патнэма

Петр Александрович Ильин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
peter-2007@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4476-6414>*

Введение. Проблемы референции, истины и реализма являются очень значимыми для современного философского дискурса. Интересные трактовки данных проблем дали такие мыслители, как Поль Рикёр и Хилари Патнэм. Будучи изначально представителями разных философских традиций, они оба тем не менее пришли к схожим выводам по ряду обозначенных выше вопросов, что позволяет говорить о возможной перспективе плодотворного философского синтеза позиций двух авторов. Целью работы является обоснование теоретической возможности подобного синтеза, а именно того, как разные элементы теории Патнэма могут быть улучшены привлечением подхода Рикёра, изложенного в его концепции метафорической истины. Несмотря на очевидную близость двух авторов, на данный момент не существует работ, где концепция метафорической истины Рикёра была бы сопоставлена с философией Патнэма.

Методология и источники. Чтобы решить эти задачи мы прибегли к изучению авторских первоисточников, в которых раскрывается методология обоих философов. Особая актуальность статьи связана с необычным ракурсом рассмотрения проблем, важных для философии конца XX – начала XXI в., связанных с осмыслением нашего мышления, роли языка в создании картины мира и вытекающей отсюда возможности построения онтологии особого толка.

Результаты и обсуждение. В результате исследования было выявлено множество пересечений в рассмотрении авторами концепции истины, проблемы реализма и теории референции, а также в том, как философы определяют связь между языком и реальностью. Больше всего сходств обнаружено в соотношении между концепцией метафорической истины Рикёра и философией Патнэма периода внутреннего реализма.

Заключение. В статье делается вывод о том, что в философских подходах обоих мыслителей очень много общих интуиций относительно того, в каком направлении можно развивать исследования теории истины и референции, а также проблемы реализма как одной из фундаментальнейших проблем философии на протяжении всей ее истории.

Ключевые слова: Поль Рикёр, Хилари Патнэм, реализм, антиреализм, метафорическая истина, научный реализм, референция, внутренний реализм, метафизический реализм, естественный реализм

Для цитирования: Ильин П. А. Метафорическая истина и неопрагматический реализм Хилари Патнэма // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 29–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-29-42.

© Ильин П. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Metaphorical Truth and Neopragmatic Realism of Hilary Putnam

Peter A. Ilyin

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
peter-2007@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4476-6414>*

Introduction. The problems of reference, truth, and realism are extremely important for contemporary philosophical discourse. Interesting interpretations of these problems have been given by such thinkers as Paul Ricoeur and Hilary Putnam. Instead of being originally representatives of different philosophical traditions, Ricoeur and Putnam came to similar conclusions on a number of the above issues, which allows us to speak of the possible prospect of a fruitful philosophical synthesis of the two authors' positions. The aim of this paper is to justify the theoretical possibility of such a synthesis, namely to show how the different elements of Putnam's theory can be improved by using Ricoeur's approach, which is outlined in his concept of metaphorical truth. Despite the obvious proximity of the two authors, there are currently no works where Ricoeur's conception of metaphorical truth was compared with Putnam's philosophy.

Methodology and sources. To meet this challenge, we have resorted to an examination of the author's primary sources, which reveal the methodology of both philosophers. Special relevance of the article is connected with the unusual perspective of considering the problems that are important for the philosophy of late 20th-early 21st century. These are problems that related to the comprehension of our thinking, the role of language in creating a picture of the world and the resulting possibility of building a special kind of ontology.

Results and discussion. The study revealed many overlaps in the authors' consideration of the concept of truth, the problem of realism, and the theory of reference, as well as in the way that both philosophers define the relationship between language and reality. The most similarities were found in the relationship between Ricoeur's concept of metaphorical truth and Putnam's philosophy of inner realism.

Conclusion. Thus, we can conclude that the philosophical approaches of both thinkers share a great deal of intuition about the direction in which research of truth and referential theory and the problem of realism that is one of the most fundamental problems of philosophy throughout its history can be developed.

Keywords: Paul Ricoeur, Hilary Putnam, realism, anti-realism, metaphorical truth, scientific realism, reference, inner realism, metaphysical realism, natural realism

For citation: Ilyin, P.A. (2023), "Metaphorical Truth and Neopragmatic Realism of Hilary Putnam", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 29–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-29-42 (Russia).

Введение. Тема реализма благодаря усилиям спекулятивных реалистов приобрела большое значение в современном философском дискурсе. В контексте попытки вернуть философии прямой доступ к реальности (концепция философии прямого доступа), которая понимается спекулятивными реалистами как независимый от сознания субъекта объективный мир, становится актуальным стремление выявить реалистический потенциал различных философских направлений. Одним из таких направлений является неопрагматизм. Однако для раскрытия реалистического потенциала неопрагматизма может быть необходимо использование потенциально родственных ему методологий, предложенных философами иных направлений. Философом, способным предложить такую методологию, с нашей точки

зрения, может быть Поль Рикёр. В своей концепции метафорической истины он предлагает особое обоснование онтологии, находясь при этом на стыке традиций аналитической и континентальной философии, что в целом присуще неопрагматизму как философскому направлению и в частности – неопрагматической философии Хилари Патнэма. Целью данной статьи являются: попытка применить методологию концепции метафорической истины Рикёра для раскрытия реалистического потенциала философии Патнэма; обоснование теоретической возможности методологического синтеза неопрагматической философии Хилари Патнэма и концепции метафорической истины Поля Рикёра с целью понимания того, как элементы теории Патнэма могут быть улучшены с привлечением подхода Рикёра.

Методология и источники. Цель статьи предполагает синтетический характер методологии исследования. Работа идет на стыке аналитической и континентальной традиции философствования. При этом как подходу Хилари Патнэма, так и подходу Поля Рикёра свойственно обращение к обеим философским традициям. Значительное место в анализе занимает методология спекулятивных реалистов, а именно общая для всех представителей этого направления концепция философии прямого доступа. Основным методом исследования является герменевтика текстов.

Результаты и обсуждение.

Реализм, референция и истина. Проблема реализма является стержневой для философии одного из представителей неопрагматизма Хилари Патнэма. Как замечает исследователь его философии Л. Б. Макеева, это легко подтвердить, если мы взглянем на заголовки работ Патнэма: «Сознание, язык и реальность» («Mind, Language and Reality», 1975), «Реализм и разум» («Realism and Reason», 1983), «Многоликость реализма» («The Many Faces of Realism», 1987), «Репрезентация и реальность» («Representation and Reality», 1989), «Реализм с человеческим лицом» («Realism with a Human Face», 1992) и т. д. [1, с. 5]. Однако понятие реализма может пониматься по-разному. Одна из ключевых дискуссий вокруг этого понятия тесно связана с идеями Хилари Патнэма. Все его творчество можно разделить на три периода: ранний – период научного реализма, средний – период внутреннего реализма и поздний – период естественного реализма.

В ранний период Патнэм пытался решить задачу легитимации научного знания и обоснования претензий научных теорий на высказывание истины о мире, для чего ему необходимо было доказать наличие неразрывной связи между значением понятия и объектом, выражаемым в данном понятии [2, с. 412–413]. Согласно идеям Патнэма раннего периода существует ядро значения и находящиеся на периферии сопутствующие значения [2, с. 412–413]. Он считал, что концептуализация понятий – это процесс превращения метафоры в понятие, при котором сам процесс концептуализации детерминирован референтом, благодаря чему собственно и возникает ядро значения, а также строгая привязка значения к объекту.

В период внутреннего реализма Патнэм становится противником так называемого метафизического реализма, которому свойственна платоническая идея о возможности отражения реальности в мышлении. Наряду с идеей отражения, по мнению Патнэма, метафизическому реализму присуще еще две идеи. Первая – идея возможности лишь одного, исчерпывающе полного и достоверного описания мира. Вторая идея заключается в том, что метафизический реализм признает, как считает Патнэм, существование независимой от челове-

ского сознания объективной реальности как некой завершенной совокупности объектов и свойств [3, с. 112]. На этом этапе философ отходит от идеи константных значений и встает на позицию изменчивости значений в зависимости от контекста. Этот вывод можно сделать исходя из того, что Патнэм постулирует идею об отсутствии строгой привязки значений к референтам-объектам. Это означает, что в наших описаниях реальности невозможно различить отдельные языковые единицы, которые соответствовали бы конкретным объектам в реальности [4, с. 73–74]. Таким образом, Патнэм постулирует невозможность отделить объективную реальность и концептуальные схемы в наших описаниях объектов, что приводит к идее невозможности отделения фактов от описывающих их концептуальных схем и ценностей. В результате отношения языка и реальности становятся непрозрачными, поскольку четко их разделить становится невозможным, а научные понятия больше не могут считаться объективными отражениями мира, имея в своем содержании также субъективную часть.

Несмотря на то, что Патнэм периода внутреннего реализма отказался от концепции корреспондентной истины [5, с. 14], он отвергает релятивизм Рорти и настаивает на том, что истина не может быть сведена к простому соглашению, а объективность к «солидарности» [6, с. 177]. Патнэм считает, что Рорти опровергает сам себя, ведь его позиция предполагает претензию на истинность выводов или как минимум оправданность за пределами его субкультуры [7, с. 58].

В период естественного реализма Патнэм перевел фокус внимания с проблемы соотношения языка и реальности на проблему восприятия в целом. Основным объектом его критики становится картезианское представление о восприятии. Сутью картезианской концепции восприятия, по мнению Патнэма, является представление о том, что ментальные образы – это часть сознания, которая возникает вследствие воздействия на него объективной реальности. Эта парадигма, считает Патнэм [4, с. 80–81], сменила предыдущую, основанную на идеях Аристотеля о том, что восприятие – это изменение, которое производит воспринимаемое тело в душе воспринимающего человека через посредство его тела [8, с. 407].

Патнэм предлагает вернуться к аристотелевской модели, только в ее «неметафизическом» варианте. Он говорит, что новый подход «требует осознания того, что чувственный опыт – это не пассивное реагирование объекта, называемого сознанием, а (по большей части) переживание в опыте различных аспектов мира живым существом» [9, с. 482]. Свое видение реализма Патнэм строит на отказе от концепции истины как отдельного свойства истинных предложений. Для него фраза о том, что предложение истинно эквивалентна содержанию утверждения этого истинного предложения. Он строит свое видение на идеях Витгенштейна, который, как считает Патнэм, не ищет отдельно стоящее свойство истины, которое раскрывало бы природу высказываний, природу их соответствия реальности, а обращает наше внимание на отдельные виды дискурса, такие как, например, этика, математика, религия, в которых он подчеркивает различное функционирование и разные способы связи с реальностью. В свете этого истина предстает как определенный вид правильности, которая варьируется от дискурса к дискурсу [9, с. 515]. Нельзя не заметить, что обращение к идее дискурсов Витгенштейна роднит позднего Патнэма с Рикёром, который в своей концепции метафорической истины выделял поэтический дискурс как отдельный вид дискурса.

В свою очередь Поль Рикёр напрямую не затрагивал проблемы реализма–антиреализма, однако в рамках концепции метафорической истины достаточно подробно разрабатывал проблемы онтологии, что уже позволяет рассматривать его идеи через призму бинарной оппозиции реализма и антиреализма, если понимать ее в ключе спекулятивного реализма. Спекулятивные реалисты понимали под реализмом любую философию, обеспечивающую прямой доступ к реальности, соответственно, любая философия, не обеспечивающая такого доступа, в рамках этой позиции понимается как относящаяся к антиреализму. При таком подходе любую философскую позицию можно определить в категориях реализма–антиреализма. В своей концепции метафорической истины Рикёр через разработку проблематики референции выходит на поле онтологических рассуждений, итогом чего становится идея существования мира метафоры как самостоятельного референта. Однако для классификации идей Рикёра в качестве реализма или антиреализма необходимо разобраться в том, подразумевает его концепция референта прямой доступ к реальности или нет. Таким образом, идеи двух мыслителей объединяет общая для них проблематика реализма, референции и истины, что косвенно подтверждает их родство. Это дает основание для того, чтобы попытаться осуществить их синтез с целью создания методологии, максимально укрепляющей позиции неопрагматизма Хилари Патнэма как реалистической философии.

Идеи двух мыслителей подлежат сравнению через призму проблематики реализма–антиреализма, референции и истины, где под реализмом мы понимаем возможность прямого доступа к реальности, под референцией – механизм отсылки языкового значения к объекту-референту, а под истиной – соответствие между объективной реальностью и субъективным представлением о ней. Такое сравнение в случае обнаружения достаточных оснований в перспективе дает повод для того, чтобы попытаться осуществить синтез идей обоих философов с целью создания методологии, максимально укрепляющей позиции неопрагматизма Хилари Патнэма как реалистической философии. Поскольку на данный момент в англоязычной и русскоязычной литературе не существует попыток осуществить подобный синтез, задача данной статьи приобретает особую актуальность.

Единство фактов и ценностей. Одной из точек соприкосновения философий Рикёра и Патнэма является представление о неразрывности фактов и ценностей. В концепции Рикёра этот момент получает свое выражение в тезисе об обязательности наличия эвристического вымысла в научных моделях [10, с. 111]. Путь, по которому Рикёр приходит к этой идее, достаточно витиеват. Так, у французского философа метафора – это стратегия дискурса, посредством которой язык, избавляясь от функции прямого описания, поднимается на «мифический уровень», где высвобождается его функция открытия [10, с. 116]. Языковая же функция открытия тесным образом связана с его эвристической функцией, поэтому Рикёр много внимания уделяет именно ей. Он высказывает примечательные мысли на ее счет в процессе осуществления посредством семантической теории С. М. Тербэйна критики «онтологического порыва», свойственного метафоре. Тербэйн рассматривал метафору как намеренное введение в заблуждение, а также как категориальное злоупотребление в смысле подмены атрибутивных признаков – вменении признаков, присущих одним предметам, совершенно другим предметам. Поскольку с грамматической точки зрения метафорическое высказывание ничем не отличается от обычного, подмена, осуществляемая метафорой, как

считал Тербэйн, легко может быть незамеченной, таким образом, она заставляет человека верить в вымышленный мир. В целом, семантический анализ Тербэйна направлен на то, чтобы обнаружить в метафоре признаки притворства и впоследствии разоблачить. Эти признаки ученый называет «виртуальный различительный признак “притворства”» [10, с. 129]. Однако, как считает Рикёр, Тербэйн упускает из вида наличие эвристического вымысла в научных моделях, поскольку полностью игнорирует их метафорический аспект. Учитывая, что Патнэм периода внутреннего реализма не отделял факты от описывающих их концептуальных схем и ценностей, он легко бы присоединился к подобной критике Тербэйна со стороны Рикёра.

Представление о понятии. Сходство философии Патнэма с идеями Рикёра можно усмотреть в представлении о понятии. Рикёр не разделяет концепцию языка Деррида, которая предполагает, что все понятия – это просто бывшие метафоры [11], о чем писали еще Ницше [12, с. 367] и Руссо [13]. Рикёр не отрицает, что понятия могут в качестве своего истока иметь метафору, однако считает, что понятийный генезис намного шире. Так, понятие содержит в себе смыслы, истоком которых не является метафора. Это подтверждается тем, что когда происходит реабилитация метафорической составляющей в понятии, то последнее перестает быть таковым. Понятие в этом случае теряет смысл как имя, выражающее определенное значение, содержание которого не метафорично. Тем не менее, Рикёр не считает, что понятие имеет исторически непреходящую сущность. Более того, Рикёр полагает, что понятие формируется контекстуально в процессе коммуникации [10, с. 234–236], а это в свою очередь противоречит идеям Патнэма раннего периода, предполагающим, что существует ядро значения и находящиеся на периферии сопутствующие значения [2, с. 412–413]. Тем не менее эти идеи Рикёра уже больше согласуются с патнэмовской концепцией внутреннего реализма, в которой он постулирует невозможность отделить объективную реальность и концептуальные схемы в наших описаниях объектов [4, с. 73–74].

Рикёр видит концептуализацию понятий, под которой он понимает процесс превращения метафоры в понятие, как сочетание лексикализации и делексикализации. Лексикализация есть ни что иное как формирование обиходного значения слова, которое мы называем буквальным, противопоставляя метафорическому. Это происходит благодаря наличию семантической недостаточности, возникающей вследствие появления новых способов вопрошания в языке. Функцию восполнения семантической недостаточности выполняет лексикализованная метафора [10, с. 239–241]. Делексикализация же, как пишет Рикёр, – это омоложение изношенной метафоры. Здесь мы опять сталкиваемся с эвристическим вымыслом, «переописанием», свойственным метафорической истине. В результате делексикализации понятия на месте изношенной мертвой метафоры возникает новая живая, а не просто раскрывается изначальный смысл первой метафоры [10, с. 243]. Патнэм касался вопроса о природе концептуализации понятий в период научного реализма. Он не считал, что концептуализация понятий – это процесс превращения метафоры в понятие. Для него процесс концептуализации обусловлен, прежде всего, детерминацией со стороны референта, благодаря чему возникает ядро значения и строгая привязка значения к объекту. На этапе внутреннего реализма Патнэм отходит от идеи константных значений и стоит на позициях изменения значений в зависимости от контекста. Этот вывод можно сделать исходя из того, что Патнэм

постулирует идею о том, что значения не привязаны строго к референтам-объектам и в наших описаниях реальности вообще нельзя различить объективные, независимые от языка объекты и сами концептуальные схемы, их описывающие [4, с. 73–74].

Онтология. Очень важной с точки зрения сравнения концепции метафорической истины Поля Рикёра и философии Хилари Патнэма является тема онтологии. В своей концепции Рикёр совершает выход на онтологический уровень. Так, решая проблему обоснования метафорической референции, он стремится зафиксировать существования метафорического в самом мире. Для фиксации этой «метафорической реальности» Рикёру нужно доказать возможность сохранения единства мыслимого «объекта», к которому нас отсылает та или иная метафора. Однако это единство оказывается проблематичным, поскольку по своей природе поэтический дискурс и метафора как стратегия дискурса сопротивляются категоризации, необходимой для формирования понятий о реальности [10, с. 277–297]. Эту проблематичность Рикёр решает через замену категориального единства на единство аналогическое, которое соответствует природе метафоры. Однако между чем возникает аналогическое единство? Оно возникает между актом, движением, действием и произведением как семантическими значениями, в результате чего на онтологическом уровне появляется соответствующий им род дообъектного бытия, которое представляет собой некое первичное вовлечение субъекта в мир. То есть возникает некая промежуточная между субъектом и объектом инстанция, которая тем не менее уже есть часть онтологии, поскольку существует за пределами языка. Таким образом, на уровне мышления неразличение значений деяния, мастерства и движения и слияние их в одно значение акта соответствует дообъектному роду бытия на уровне онтологии. Для обозначения этого рода бытия Рикёр использует термин Аристотеля «фюзис», который метафорически определяется как цветение, берущее начало в себе самом. На уровне семантики значению фюзиса соответствует значение акта [10, с. 284].

Патнэм периода научного реализма занимался в основном проблемами теории значения, что относится к проблемам гносеологии, а не онтологии. Но мы можем, однако, вывести некие потенциальные онтологические выводы из его философии. Так, пытаясь обосновать неразрывную связь между значением понятия и объектом, выражаемым в данном понятии [2, с. 412–413], он, помимо того, что пытается решить задачу легитимации научного знания и обоснования претензий научных теорий на высказывание истины о мире, подспудно подразумевает онтологию, которая, по-видимому, носит «объектный» характер, т. е. представляет реальность как совокупность объектов. Однако едва ли в такой картине мира предполагается возможность существования дообъектной реальности, подобной рикёровскому фюзису. Несмотря на явное несовпадение между идеями Рикёра и Патнэма в этом отношении, стоит отметить то, что их явно объединяет – концентрация на объектах как основе онтологии, что, правда, справедливо в случае Рикёра лишь по отношению к его умозрительному дискурсу. Однако, как мы уже отмечали, Патнэм на этапе внутреннего реализма отходит от корреспондентной теории истины как соответствия языка и реальности, полагая, что мы не можем говорить о мире как некой совокупности объектов вне концептуальных схем [4, с. 73–74]. Такое видение вполне согласуется с концепцией «фюзиса» как некоего дообъектного бытия, по крайней мере не противоречит этому. Однако здесь Патнэма можно обвинить в антиреализме, поскольку, исходя из его логики, мы уже не имеем непо-

средственного доступа к реальности, и вопрос о способах подтверждения ее существовании становится очень острым, при этом Патнэм не дает на него ответа. Внутренний реализм Патнэма также постулирует неразрывность фактов и ценностей [4, с. 11–12], что как будто бы согласуется с идеей метафорической истины и метафорической референции. Правда, Рикёр все же строго отличает поэтический дискурс от дискурса умозрительного, в отношении которого он, по всей видимости, придерживается традиционного представления о мире как о совокупности объектов, выступающих референтами, определяющими значения. Хотя это нельзя утверждать однозначно, поскольку Рикёр нигде не говорит об этом напрямую, а косвенных признаков, указывающих на это, недостаточно.

Важно также отметить, что идея напряжения, являющаяся стержневой для концепции метафорической истины Рикёра, опирается на концепт диалектики, что в свою очередь является если не методологически чуждым философии Патнэма, то по крайней мере явно неродственно его методологии. При этом онтология Рикёра также опирается на эту идею. Как он пишет, напряженная истина поэзии выражает изначальную диалектическую связь между опытом принадлежности и способностью к дистанцированию, которая открывает пространство умозрительной мысли [10, с. 279–297]. Патнэм же концентрирует свое внимание исключительно на умозрительном дискурсе в терминах Рикёра, которому свойственно то самое дистанцирование. Оптика раннего Патнэма не настроена на различие связи между значениями ненаучного порядка и их референтами. Этого нельзя сказать об оптике Патнэма времен внутреннего реализма, где факты и ценности представляют собой неразрывное единство. Тем не менее на данном этапе проблематичной становится само наличие какой-либо онтологии.

Концепция референции. Многие о соотношении идей Рикёра и Патнэма может сказать нам сравнение их концепций референции. Рикёровская концепция референции прежде всего носит тотальный характер в том смысле, что является главным свойством языка. Рикёр считает, что язык всегда отсылает нас за пределы самого себя. Патнэм, хотя напрямую и не утверждал подобного, все же вполне согласился бы с Рикёром, по крайней мере в отношении научных высказываний, поскольку считал, что термины всегда отсылают нас к реальности, будучи неразрывно связанными с объектами. Однако такой подход свойственен раннему Патнэму, и в период внутреннего реализма он уже критикует концепцию референции как представление о том, что референты строго привязаны к значениям и их детерминируют. Патнэм обращается к идее языковых концептуальных схем, которые отражают неразрывную связь между языком и реальностью, в результате чего отношения языка и реальности становятся непрозрачными, поскольку четко их разделить становится невозможным. Он считает, что научные понятия не являются объективными отражениями мира, а содержат в себе также субъективную часть.

Однако стоит также отметить одно важное расхождение во взглядах на референцию раннего Патнэма и Рикёра. Если Патнэм раннего периода считал, что референция имеет место только тогда, когда высказанный термин находится в каузальной зависимости к вещи, которую говорящий имел намерение указать, то Рикёр, судя по его тезису о природной склонности языка к выходу за пределы самого себя, мыслил противоположным образом. Однако едва ли можно сказать об этом однозначно, ведь референция связывает как язык, так

и мир, и где начало, а где конец – определить трудно. Идея о семантической недостаточности как источнике концептуализации понятий также не дает ответа на вопросы, что является первичным в этом отношении между языком и миром и что находится в каузальной зависимости от другого. Тем не менее тот факт, что Рикёр в концепции «фюзиса» постулирует онтологические выводы, говоря о метафорическом в самом мире, позволяет, на наш взгляд, утверждать, что язык все же находится в каузальной зависимости от мира. Однако остается вопрос, насколько этот постулат Рикёра концептуально обоснован в рамках его же концепции?

Рикёр и его концепция метафорической референции явным образом относится к тому, что Патнэм периода внутреннего реализма называл магическими теориями референции, которым, как считал Патнэм, свойственно представление о способности сознания, благодаря чему слова и другие ментальные образования могут указывать на (или обозначать) определенные объекты. Примером такой способности является интенциональность [4, с. 15–16]. Магическую теорию референции Патнэм периода внутреннего реализма считал одной из составляющих метафизического реализма. Как пишет И. Д. Джохадзе, метафизический реализм в версии Патнэма обладает следующими признаками: 1) признание объективной реальности, независимой от человеческого сознания, как некоторой «устойчивой совокупности» объектов и свойств; 2) понимание истины как «отношения соответствия между словами или знаками-мыслями (thought-signs) и внешними вещами или множествами вещей»; 3) наличие одного исчерпывающе полного и достоверного описания мира – реальности «как она есть» [3, с. 112]. Рикёр как наследник идей феноменологии Гуссерля, конечно же, отчасти мыслит именно в этой парадигме. Однако в то же время Рикёр вслед за Хайдеггером преодолевает эту парадигму мышления через постулирование примата укорененности мышления в мире над актом установления дистанции по отношению к объектам, которые свойственны интенциональности [14, с. 82–83]. Это одновременно продолжает и переворачивает гуссерлевскую феноменологию, переводя ее в русло онтологии.

Эссенциализм значений. Представление о соотношении концепций Рикёра и Патнэма может дать то, как они определяют границы значения. Так, раннего Патнэма в этом отношении можно отнести к направлению эссенциализма. Он считал, что термины естественных видов детерминированы самими референтами, что предполагает наличие некоей постоянной сущности, природы, объединяющей все объекта того или иного вида. Патнэм строит свою концепцию референции, основанную на отрицании традиционной концепции, свойственной аналитической философии. Также он отрицает и традиционное понятие аналитической истины, которое предполагает, что аналитически истинным можно считать лишь необходимо истинное (справедливое для всех миров) и одновременно априорное суждение. Его соавтор Крипке, в свою очередь, показал, что необходимо истинными (истинными во всех возможных мирах) могут быть не только априорные суждения, но и суждения, полученные эмпирическим путем [15, с. 55]. Из этого следует, что ни внешние (феноменологические) признаки естественных видов, ни их внутренние свойства не могут считаться аналитическими истинами, поскольку не являются одновременно необходимо истинными и априорными. Поэтому, согласно Патнэму, естественные виды не имеют аналитических определений [16, с. 73]. Патнэм отрицает также и традиционную концепцию значения, которая отождествляет значение с экстенционалом, т. е. неким множеством объектов, относящихся

к виду, либо с интенционалом, т. е. функцией, определяющей экстенционал термина в зависимости от того, о каком из возможных миров мы говорим. Это значит, что традиционная концепция значения не учитывает наличия некоего смыслового излишка в составе значения [4, с. 40–44]. Рикёр, говоря об ошибке буквальной референции, вследствие которой происходит расщепление последней и формирование референции второго порядка, мыслит ошибку как приписывание признаков одних предметов совершенно другим. Значит ли это, что он полагает возможным указать свойства, обладание которыми явилось бы необходимым и достаточным условием для вхождения в экстенционал термина? По-видимому, это не совсем так, ведь Рикёр считал существование терминов, т. е. значений зависимым от контекста. Следовательно, можно сделать вывод, что Рикёр расходится с ранним Патнэмом-эссенциалистом, однако вполне сходится с Патнэмом в более поздний период, когда он отходит от позиции эссенциализма.

Реализм и антиреализм. Проблема реализма и антиреализма является одной из ключевых для понимания того, как рикёровская концепция метафорической истины соотносится с философией Патнэма. Несмотря на то, что Патнэм уже в период научного реализма отходит от позиции, сутью которой было представление о том, что корреспондентная теория истины есть очевидность, а не гипотеза, требующая соответствующего философского обоснования, он все же не отступает от своего главного принципа – принципа реализма, имеющего в рамках периода научного реализма свое выражение в корреспондентной теории истины, где последняя выходит за рамки отдельных научных теорий в противовес представлению об истине Фейрабенда и Куна, которых Патнэм на этом основании считает антиреалистами [4, с. 158–169]. Реалистическая интуиция сохраняется и в период внутреннего реализма, где Патнэм, однако, отходит от позиции, названной им «метафизическим реализмом», в основе которой лежит, по его мнению, корреспондентная теория истины [4, с. 70]. Таким образом, ранний Патнэм, как нам представляется, отчасти соответствует Рикёру, который также воспринимает теорию референции как теорию соответствия реальности и языка, в то время как Патнэм периода внутреннего реализма уже с трудом соотносится с концепцией Рикёра в этом аспекте, хотя реалистическая интуиция, как представление о том, что истина выходит за рамки отдельных теорий, по-прежнему объединяет Рикёра и Патнэма. Эта же интуиция сохраняется и в теории метафорической референции, несмотря на то, что структурная связь между языком и миром в случае последней является абсолютно непрозрачной, что делает эту концепцию схожей с видением соотношения языка и реальности Ричарда Рорти, который так же, как и Патнэм периода внутреннего реализма, отказался от концепции корреспондентной истины [5, с. 14]. В то же время Патнэм отвергает релятивизм Рорти и настаивает на несводимости истины к соглашению, а объективности к «солидарности» [6, с. 177], считая позицию Рорти самоопровергающейся, поскольку последний претендует на то, что его выводы истинны или как минимум оправданны не только для его субкультуры [7, с. 58].

Однако можно ли назвать Рикёра метафизическим реалистом, учитывая, что феноменология методологически явно противоречит первому признаку метафизического реализма, предполагающему признание реальности, независимой от нашего сознания? Хотя существует мнение спекулятивного реалиста Грэма Хармана о том, что Гуссерль с его интенциональными

объектами в действительности был реалистом [17, с. 104–105]. Кстати, в понимании, очень близком к метафизическому реализму Патнэма, все же это мнение не является общепризнанным. Рикёр, наследуя идеям Хайдеггера, очевидно, считает возможным познание истины, однако специфика онтологии Хайдеггера такова, что она не позволяет представить истину как некое соответствие между словами и вещами, поскольку такое возможно лишь в парадигме противопоставления субъекта и объекта. Мы также не можем четко заключить, считал ли Хайдеггер возможным существование объективной реальности, независимой от сознания. Такая позиция в принципе с трудом поддается идентификации по линии реализм–антиреализм, тем не менее очевидно, что Рикёр, разделяя ее, не может быть назван метафизическим реалистом в том виде, в каком его понимал Патнэм.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении Рикёр оказывается, скорее, похожим не на метафизического реалиста в терминологии Патнэма, а на внутреннего реалиста, поскольку явно стоит на гносеологической позиции, признающей истину как нечто внетеоретическое. Реальность представлена у Рикёра как неделимая на объекты, что уже несколько противоречит все тому же первому признаку метафизического реализма, согласно которому реальность состоит из некоторой фиксированной совокупности, независимой от сознания объектов. Такое видение Рикёра полностью соответствует взгляду концепции внутреннего реализма Патнэма.

Однако, как уже отмечалось, принятие Патнэмом выводов Нельсона Гудмена о том, что мы не можем сравнивать описания мира с реальностью вне этих описаний, влечет за собой последствие в виде отказа от понятия истины и замену его на понятия «когерентность», «правильность подгонки», «рациональная утверждаемость» и т. д. [1, с. 79]. Рикёровское понятие фюзиса, похоже, все же претендует на статус объективной реальности, независимой от сознания, что в свою очередь отдаляет позицию Рикёра от позиции Патнэма периода внутреннего реализма. Хотя все же надо учитывать, что Рикёр разделяет хайдеггеровскую идею «бытия в мире» [18] как изначальной онтологической укорененности сознания [19], следствием чего является отказ от идеи истины как субъект–объектного отношения, а следовательно, и от идеи объективной реальности, т. е. реальности, существующей независимо от сознания. В таком случае взгляд Рикёра выглядит схожим со взглядом внутреннего реализма, тем более, что Патнэм и в этот период отстаивал реалистическую направленность своей философии, что, на наш взгляд, отличает и позицию Рикёра, если к ней вообще применима дихотомия реализма–антиреализма.

Заключение. Синтез философских идей Хилари Патнэма с концепцией метафорической истины Поля Рикёра, безусловно, осложняется тем фактом, что идеи Патнэма в разные периоды эволюции его взглядов довольно радикально изменялись, порой на противоположные. Так, если ранний Патнэм придерживался идеи эссенциализма, считая необходимой строгую привязку понятия к объекту, то в период внутреннего реализма он отказывается от этой идеи, постулируя неразрывность фактов и ценностей, что в свою очередь ослабляет позиции философии Патнэма как реалистической. И здесь Рикёр действительно может предложить определенные пути синтеза, позволяющие укрепить позиции философского реализма, поскольку его методология сочетает в себе идею единства фактов и ценностей, что

отражается в его представлении о наличии эвристического вымысла в научных моделях, с идеей фюзиса, выражающей переход на уровень онтологии. Рикёровская онтология, предполагающая существование дообъектного бытия, хорошо сочетается с патнэмовской концепцией языковых концептуальных схем, в рамках которых невозможно четко определить границы объектов, при этом предлагает более обоснованный переход от субъективной реальности к объективной, чем патнэмовский внутренний реализм. В целом можно констатировать, что методология Рикёра оказывается действительно полезной для развития идей внутреннего реализма, в то время как с идеями научного, или естественного реализма у концепции Рикёра мало точек соприкосновения, хотя с последним концепцию Рикёра роднит идея существования различных дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макеева Л. Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФ РАН, 1996.
2. Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сб. пер. / под общ. ред. Б. С. Грязнова, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978.
3. Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма // Философские науки. 2011. № 4. С. 112–127.
4. Патнэм Х. Разум, истина и история / пер. с англ. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. М.: Практис, 2002.
5. Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / сост. А. А. Сыродеева; отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997.
6. Джохадзе И. Д. Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология & философия науки. 2011. № 4. С. 175–190.
7. Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
9. Putnam H. Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into Powers of the Human Mind // Journal of Philosophy. 1994. № 9. P. 445–517. DOI: <https://doi.org/10.2307/2940978>.
10. Рикёр П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии / пер., ред. и коммент. Ф. Станжевского и др. М.: РИПОЛ классик: Панглосс, 2019.
11. Derrida J. White Mythology: Metaphor in the Text of Philosophy // New Literary History. 1974. Vol. 6, № 1. P. 5–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/468341>.
12. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле / пер. с нем. Л. Завалишина // О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров. Утренняя заря: сб. Минск: Попурри, 1999. С. 361–377.
13. Руссо Ж.-Ж. Сочинения / пер. с фр. Н. И. Кареева. Калининград: Янтарный сказ, 2001.
14. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика / пер. с фр. М.: Academia, 1995.
15. Putnam H. Possibility and Necessity // Realism and Reason: Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. P. 46–68.
16. Putnam H. Reference and Truth // Realism and Reason: Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 69–86.
17. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А. А. Писарева. М.: РИПОЛ классик, 2019.
18. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
19. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / пер. с фр. И. С. Вдовина. М.: Искусство, 1996.

Информация об авторе.

Ильин Петр Александрович – аспирант (культурология) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; педагог-организатор школы № 636, наб. реки Мойки, д. 38, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор 2 научных публикаций. Сфера научных интересов: неопрагматизм, философский реализм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 11.05.2022; принята после рецензирования 02.11.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.

REFERENCES

1. Makeeva, L.B. (1996), *Filosofiya Kh. Patnema* [Philosophy of H. Putnam], IF RAN, Moscow, RUS.
2. Gryaznov, B.S. and Sadovskii, V.N. (eds.) (1978), *Boston Studies in Philosophy of Science*, Progress, Moscow, USSR.
3. Dzhokhadze, I.D. (2011), "Hilary Putnam's Pragmatic Realism", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 4, pp. 112–127.
4. Putnam, H. (2002), *Reason, Truth and History*, Transl. by Dmitriev, T.A. and Lebedev, M.V., Praxis, Moscow, RUS.
5. *Filosofskii pragmatizm Richarda Rorti i rossiiskii kontekst* [Philosophical pragmatism of Richard Rorty and the Russian context] (1997), Syrodeeva, A.A. (comp.), Rubtsov, A. (resp. ed.), Traditsiya, Moscow, USSR.
6. Dzhokhadze, I.D. (2011), "Putnam vs Rorty: the debate about pragmatism and relativism", *Epistemology & Philosophy of Science*, no. 4, pp. 175–190.
7. Dzhokhadze, I.D. (2001), *Neopragmatizm Richarda Rorti* [The neopragmatism of Richard Rorty], Editorial URSS, Moscow, RUS.
8. Aristotel' (1976), *Sochineniya* [Compositions], in 4rd vol., vol. 1, Mysl', Moscow, USSR.
9. Putnam, N. (1994), "Sense, Nonsense, and the Senses: An Inquiry into Powers of the Human Mind", *J. of Philosophy*, no. 9, pp. 445–517. DOI: <https://doi.org/10.2307/2940978>.
10. Ricoeur, P. and Gadamer, H.-G. (2019), *Fenomenologiya poezii* [Phenomenology of poetry], Trans., ed. and comment. Stanzhevskii, F. et al., RIPOL klassik, Pangloss, Moscow, RUS.
11. Derrida, J. (1974), "White Mythology: Metaphor in the Text of Philosophy", *New Literary History*, vol. 6, no. 1, pp. 5–74. DOI: <https://doi.org/10.2307/468341>.
12. Nietzsche, F. (1999), "On Truth and Lies in the Extramoral Sense", *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Sumerki kumirov. Utrennyaya zarya* [About the benefits and harms of history for life. Twilight of idols. Morning dawn], Transl. by Zavalishin, L., Popurri, Minsk, BLR, pp. 361–377.
13. Rousseau, J.-J. (2001), *Sochineniya* [Compositions], Transl. by Kareev, N.I., Yantarnyi skaz, Kaliningrad, RUS.
14. Ricoeur, P. (1995), *Germenevtika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Politics], Transl., Academia, Moscow, RUS.
15. Putnam, H. (1983), "Possibility and Necessity", *Realism and Reason: Philosophical Papers*, vol. 3, Cambridge Univ. Press, Cambridge, GBR, pp. 46–68.
16. Putnam, H. (1985), "Reference and Truth", *Realism and Reason: Philosophical Papers*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, GBR, pp. 69–86.
17. Harman, G. (2019), *Speculative realism: an introduction*, Transl. by Pisarev, A.A., Ripol klassik, Moscow, RUS.
18. Heidegger, M. (1997), *Sein und Zeit*, Transl. by Bibikhin, V.V., Ad Marginem, Moscow, RUS.
19. Ricoeur, P. (1996), *Le conflit des interprétations Essais d'herméneutique*, Transl. by Vdovin, I.S., Iskustvo, Moscow, RUS.

Information about the author.

Peter A. Ilyin – Postgraduate (Culturology), Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; teacher-organizer, school № 636, 38 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: neopragmatism, philosophical realism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 11.05.2022; adopted after review 02.11.2022; published online 22.02.2023.*

Оригинальная статья
УДК 17; 130.2; 378
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-43-52>

Философия коммунитаризма в миссии устойчивого университета

Татьяна Анатольевна Балмасова

*Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия,
Balmassowa@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0338-3620>*

Введение. Современность, характеризуемая рамками «неолиберальной доктрины мирового развития», определяет основные векторы развития высшего образования. «Угасание» гуманистического смысла образования, понимание миссии университета исключительно как вклада в общественное благополучие через технологические прорывы и бизнес – все это заставляет вернуться к осмыслению миссии университета. Новое изучение этой миссии определяется влиянием философии коммунитаризма на деятельность университета на треке устойчивого развития.

Методология и источники. Исследование проблем, с которыми сталкивается система высшего образования, изучение миссии университета в контексте устойчивого развития общества и влияние философии коммунитаризма и «capability approach» («подход, основанный на возможностях») опираются на системный подход, позволяющий рассматривать университет в качестве целостной, институционально организованной подсистемы общества. Социокультурный подход дает возможность рассматривать университетскую корпорацию как коллективный субъект образовательной, научной и других видов деятельности, ориентированных на ценности общественного и личного блага.

Результаты и обсуждение. Противостоять господству неолиберализма пытаются концепции коммунитаризма, главная идея которых заключается в моральном совершенствовании общества через возрождение традиционных ценностей и воспитание личности (А. Макинтайр). Схожими идеями по развитию моральных качеств личности, отрицанию «эгоцентричной сущности человека», утверждению приоритета общего над частным обладает философия «capability approach» (А. Сен, М. Нассбаум). Полноценное человеческое функционирование зависит от набора способностей и возможностей, например, способности получить образование, участвовать в общественной и политической жизни, реализовать собственную траекторию развития и т. д. Чем больше набор этих возможностей в жизни каждого человека, тем выше оценивается ее качество. Философия «возможностей» и философия коммунитаризма сопрягаются с концепцией устойчивого развития общества. Модели «устойчивых университетов», реализующие практики взаимодействия с обществом, пытаются воплотить на практике коммунитаристские идеи, создавая баланс интересов личности и общества, общественного блага и личной свободы.

Заключение. Соединение идей коммунитаризма с идеей устойчивого развития может дать новый импульс развитию университета и изменить содержание его миссии, усилить ее гуманитарную направленность.

© Балмасова Т. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: миссия университета, общественное благо, коммунитаризм, «capability approach», устойчивое развитие, философия образования

Для цитирования: Балмасова Т. А. Философия коммунитаризма в миссии устойчивого университета // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 43–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-43-52.

Original paper

The Philosophy of Communitarianism in the Mission of a Sustainable University

Tatjana A. Balmasova

*Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia,
Balmassowa@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0338-3620>*

Introduction. Modernity is characterized by the framework of the “neoliberal doctrine of world development”, and it defines the main vectors of the development of higher education. The “extinction” of the humanistic meaning of education, the understanding of the mission of the university solely as a contribution to public well-being through technological breakthroughs and business – all this forces us to return to the understanding of the mission of the university. The new study of the university's mission is determined by the influence of the philosophy of communitarianism on the university's activities on the track of sustainable development.

Methodology and sources. The study of the problems with which the higher education system is faced, the study of the university's mission in the context of sustainable development of society and the influence of the philosophy of communitarianism and the “capability approach” are based on a systematic approach that allows us to consider the university as an integral, institutionally organized subsystem of society. The sociocultural approach allows us to consider the university corporation as a collective subject of educational, scientific and other activities focused on the values of public and personal welfare.

Results and discussion. The concepts of communitarianism try to resist the dominance of neoliberalism. The main idea of these concepts is the moral improvement of society through the revival of traditional values and the education of the individual (A. McIntyre). The philosophy of “capability approach” (A. Sen, M. Nassbaum) has similar ideas on the development of moral qualities of the individual, the denial of the “egocentric essence of person”, the assertion of the priority of the general over the particular. Full-fledged human functioning depends on a set of abilities and opportunities, for example, the ability to get an education, the opportunity to participate in public and political life, to realize their own development trajectory, etc. The greater the set of these opportunities in each person's life, the higher its quality is evaluated. The philosophy of “opportunities” and the philosophy of communitarianism are interfaced with the concept of sustainable development of society. Models of “sustainable universities” that implement practices of interaction with society try to put into practice communitarian ideas, creating a balance of interests of the individual and society, public good and personal freedom.

Conclusion. Combining the ideas of communitarianism with the idea of sustainable development could give a new impetus to the development of the university and change the content of its mission, and strengthen its humanitarian orientation.

Keywords: the mission of the university, public welfare, communitarianism, “capability approach”, sustainable development, philosophy of education

For citation: Balmasova, T.A. (2023), "The Philosophy of Communitarianism in the Mission of a Sustainable University", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 43–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-43-52 (Russia).

Введение. Функционирование университета как одного из основных социальных институтов зависит от экономических, политических и социальных условий развития общества. По мнению исследователей, современность определяется рамками «неолиберальной доктрины мирового развития», начало которой заложили идеи свободы и гражданского общества, получившие распространение в странах Западной Европы. В конечном счете рыночная составляющая либерализма стала доминировать над социальной, и к началу XX в. либеральный комплекс идей сводился, по сути, к рыночным отношениям и узкому пониманию свободы предпринимателя [1]. Задачи общества стали заключаться в сохранении и совершенствовании правовой системы, которая, в свою очередь, поддерживала конкурентные экономические отношения. Общество стало представлять собой организацию индивидуальных предпринимателей, основная цель которых – производство товаров и оказание услуг [2].

Неолиберализм как идеологическая концепция распространился на все сферы жизни, его основными характеристиками стали: безоговорочное господство капитала; рыночные отношения, вышедшие далеко за рамки экономики; трансформация общества в «общество потребления»; ценностное обеднение людей – стремление к личной наживе любой ценой.

Университет все больше приобретает черты бизнес-сообщества с характерной для него предпринимательской культурой, забывая при этом о своей академической сущности. Человек, его интеллектуальное и моральное развитие, формирование этических основ профессиональной деятельности, гражданской позиции все в большей степени уходит на второй план и уступает место целям формирования человеческого капитала, востребованного для рынка труда.

Необходимость противостоять тенденциям технократизма в образовании – сокращению гуманитарного цикла дисциплин, отношению к гуманитарному знанию как ненаучному и ненужному, формализации воспитательной функции, недооценке практик участия университета в социальной и культурной жизни общества – обусловила актуальность дискуссии о гуманитарной компоненте¹ миссии университета в постиндустриальном обществе и его значении для обучения, проведения научных исследований, трансфера инновационных технологий и иных функций, которые он выполняет.

Методология и источники. Последние два десятилетия университет подвергается существенной трансформации, связанной с поисками новых смыслов его деятельности. Р. Барнетт в своей работе «Осмысление университета» утверждает, что понимание высокой миссии служения университета оказалось утерянным в современном мире. Эта трансформация получила свое концентрированное выражение в идее и дискурсе «третьей миссии»,

¹ Под гуманитарной компонентой миссии мы понимаем системообразующее идейное основание для развития и функционирования университета, ориентированное на генерирование и трансляцию ценностей и культурных кодов. И ключевой институционально запрограммированной миссией университета является формирование человека как «социального и культурного агента общества», как «созидателя природной и социокультурной среды», стремящегося к совершенствованию себя и окружающего мира.

которая существенно усилила значимость социальной функции – направленности деятельности университетской корпорации на приращение блага общества и человека. Осознанная гуманитарность в деятельности университета, выраженная в его стратегических целях и сформулированная в дискурсе миссии, становится обязательным условием позиционирования университета в обществе как института по формированию «человечного человека» для устойчивого развития общества, другими словами, формирования творческой и моральной, социально ориентированной личности, а не просто образованного профессионала.

Результаты и обсуждения. Противостоять господству неолиберализма пытаются коммунитаристские концепции социальной жизни. Основоположники коммунитаризма видят свою задачу в поиске необходимого баланса между правами личности и правами сообществ, индивидуальной свободой и социальными обязательствами.

В противовес неолиберальной теории коммунитаристы доказывают, что в основе человеческого существования находятся сообщества. Они являются естественной средой, лежащей в основе человеческого бытия. Чувство принадлежности к сообществу более свойственно человеку, нежели стремление к буржуазному индивидуализму. Культу потребительства должен противостоять нравственный проект. Основа нравственного проекта, по мнению А. Макинтайра, в «воспитании благородных качеств человека» [3, с. 375]. Коммунитаристы выступают за «идею морального совершенствования общества на основе возрождения традиционных ценностей» и воспитание благородных качеств человека.

А. Макинтайр в своей работе «После добродетели», описывая состояние современной морали, характеризует ее как «катастрофическое». «Катастрофа морали» выражается в отсутствии у современных людей, молодежи каких-либо моральных принципов и ценностей, даже тех, которые всегда казались непреложными и вечными. По мнению ученого, это произошло в ходе исторического развития в XVII–XVIII вв. и связано с «выходом продукции за пределы дома», увеличением производства и возникновением приобретательства. На смену традиционным добродетелям пришло индивидуалистически понимаемое благо, которое выражалось исключительно материалистически. И известная концепция утилитаристов «максимального блага для максимально возможного числа людей» позволила суммировать блага разного качества и количества безотносительно вопросов морали.

Кроме того, «изобретение индивида», «изобретение Я» привело к изменению «традиционного социального устройства». Многие традиционные надындивидуальные понятия справедливости, великодушия, уважения и долга утрачивают свое значение для современных людей.

Неотделимость свободы и самоидентичности от понятия общего блага является основной идеей в философии коммунитаризма. Принадлежность индивида к социальной группе, наличие общей цели обуславливает его поступки и поведение. Оторвавшись от коллектива, не имея общей цели, индивид, с одной стороны, имеет неограниченные возможности для самореализации и саморазвития. Но, с другой стороны, он становится более подверженным к навязываемому извне выбору и чужому влиянию. Поэтому А. Макинтайр считал коммунитарность необходимостью, которая способна компенсировать чрезмерный индивидуализм.

Особое место в работах ученых – теоретиков коммунитаризма уделяется вопросам морали и ценностям, без которых невозможно достижение частных и общественных благ.

Одним из ключевых понятий коммунитаризма является добродетель. Добродетели по А. Макинтайру – это те качества, «без которых человеческая жизнь не может достичь своей цели (telos)». Опираясь на моральную концепцию Аристотеля, которую тот изложил в «Политике», ученый приходит к заключению, что «добродетели – это те блага, ссылкой на которые, <...> мы определяем наше отношение с теми людьми, с которыми мы разделяем наши цели и стандарты, наполняющие практику» [3, с. 375]. Получается, что достичь коллективных и личных благ можно только участвуя в общественной жизни. Признание важности общего блага, по мнению О. Б. Давыдова, в том, что оно «обладает значительным потенциалом для конструирования гармоничной социальной архитектуры современности» [4, с. 23].

Похожим подходом, который основывается на развитии моральных качеств личности, обладает философия «capability approach». Авторы и идеологи данной концепции Амартия Сен и Марта Нассбаум. Идея полноценного функционирования человека тесно соприкасается с философией коммунитаризма. Основными функциональными векторами, или параметрами человеческого бытия, выступают высоко ценимые людьми блага, такие как здоровье (способность вести здоровую жизнь), образование (способность получить его), материальная обеспеченность, возможность участия в общественной и политической жизни, способность к социальному выбору и реализации своей стратегии жизни, нравственный потенциал личности [5].

Качество жизни человека зависит от того, какими способностями и возможностями она наполнена. Чем их больше, тем выше ее качество. По мнению М. Нассбаум, изменения в обществе могут быть достигнуты, если у людей будут достаточно развиты такие качества, как сострадание, справедливость, стремление к общности и взаимопомощи. М. Нассбаум убеждена в несостоятельности идеологии неолиберализма, так как цели человеческой жизни не сводятся исключительно к личному обогащению, а понятие счастья не ограничивается суммой денег [6]. Философия коммунитаризма опровергает теорию неолиберализма об эгоцентризме и утверждает ценности коммуны и сотрудничества людей.

Ряд исследований в области общественных наук свидетельствуют о том, что «стратегия сотрудничества и солидарности» является главным условием для устойчивого развития человеческих сообществ и выживания человечества. Элинор Остром, лауреат Нобелевской премии, предложила теорию «кооперативного коммунитаризма», в которой доказала, что для устойчивого развития общества необходимо институционализировать нравственные нормы и правила коллективных действий [7].

Особую роль коммунитаристы отводят образованию. Основными ценностями современного образования, за которые ратуют представители коммунитаризма, выступают идеи национального и культурного своеобразия как основы консолидации сообщества, толерантное отношение к другой культуре, установка на преодоление предрассудков и предрешений с целью достижения общего блага. Кроме того, коммунитаристы выступают с критикой крайнего индивидуализма, отдают приоритет идеям общего блага и неутилитарного социального взаимодействия.

Образовательная среда университета представляет собой «пространство морального опыта» (А. Этциони), в котором «субъекты воспитательного пространства вырабатывают и культивируют “свои” традиции, кодекс поведения, включающий отношение к старшим и

младшим, “своим” и “чужим”, моральные заповеди» [8]. Включение в учебные планы предметов гуманитарного цикла, развитие студенческих движений и акций, волонтерского движения содействуют активизации деятельности на благо сообщества, выстраиванию коммуникации с окружающим миром. Целью образования, считают Т. В. Сохраняева и Т. П. Волкова со ссылкой на А. Макинтайра, должно быть развитие таких способностей, которые позволят стать достойными членами общества, способными мыслить и самостоятельно действовать, и воспитание таких добродетелей, которые способны привести к достижению личных и общественных благ [9].

Практическое воплощение теории коммунитаризма можно увидеть в практиках восточных университетов. Так, авторы исследования «Перспективы коммунитаристского движения в странах Восточной Азии», рассматривая влияние коммунитаристских идей, основывающихся на азиатских ценностях, связывают с ними модернизационный прорыв в этих странах после 1990-х гг. [10]. Именно господство азиатских ценностей и конфуцианской этики обеспечивало процветание таким разделяющим общие ценности странам, как Корея, Япония, Сингапур. Ли Куан Ю, сингапурский политический деятель, один из создателей сингапурского «экономического чуда», утверждал, что общество, основанное на коммунитаристских ценностях, в котором интересы общества выше интересов отдельно взятого человека, предпочтительнее индивидуалистского американского общества.

Так, Токийский университет твердо верит, что стал учреждением, которое служит мировой общественности, а это является лучшим способом оправдать доверие японского народа и тем самым послужить японскому обществу в эту новую эпоху. Поэтому университет посвящает себя поиску истин и универсальных реалий, преодолевающих национальные, этнические и языковые барьеры. Через образование и исследования Токийский университет также полон решимости внести свой вклад в мир во всем мире и благосостояние человека, сосуществование человека с природой, создание безопасной окружающей среды, сбалансированное устойчивое региональное развитие, развитие науки и техники, критическую оценку традиционной культуры и создание новой культуры.

Сеульский национальный университет нацелен на социальное служение и взаимодействие с обществом и общинами. Студенты могут изучать возможности различных видов социальной деятельности, познавать истинную ценность волонтерской работы, глобального гражданства и прав человека, участвуя в образовательной программе, которая имеет непосредственное отношение к социальному служению. О важности данного направления в деятельности университета говорит тот факт, что в 2011 г. была учреждена премия «Служба обществу» в честь преподавателей, которые занимаются социальными проблемами и стремятся помогать другим людям.

Национальный университет Сингапура, являясь крупнейшим (по количеству студентов и программ обучения) и старейшим университетом в стране, заявляет о приоритетности целей своего развития для блага общества, ориентации на устойчивое развитие, приверженности общественному служению, сильное управление и лидерство, а также культуры сотрудничества и партнерства. Важность взаимодействия с сообществом, использование ресурсов во благо общества, «стремление оставаться верными идеалу основания, создавая ценности для сообществ, которым мы служим», подчеркивается во всех направлениях

работы университета. Лейтмотивом взаимодействия с обществом служит утверждение: «Знание в сочетании с сопереживанием преобразуется в действие для большего блага».

Философия подхода, основанного на возможностях, и философия коммунитаризма тесным образом сопрягаются с концепцией устойчивого развития общества, которая была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

Согласно данной концепции, важнейшей целью устойчивого развития общества становится непрерывное расширение человеческих возможностей, которые каждый человек использует для улучшения качества своей жизни. Х. А. Барлыбаев исследует концепцию устойчивого развития общества как одну из форм солидарных отношений. По мнению исследователя, солидарные отношения «сыграли решающую роль в формировании человеческой цивилизации и сегодня способны вывести ее из тяжелого кризисного состояния» [11, с. 3].

Х. А. Барлыбаев, в отличие от многих исследователей, которые рассматривают концепцию устойчивого развития преимущественно в экологическом ракурсе, определяет более широкий подход к обозначению ее сущности и дает такое определение: «Это симбиоз всемирного и локального развития; гармоничное и неразрывное единство экономического, экологического и социального развития; полное экологически безопасное социоприродное развитие; формирование безотходной, энерго- и материалосберегающей, экологически безвредной, социально эффективной экономической системы; стремление к справедливому распределению социальных благ, удовлетворению базовых социальных потребностей в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении; нравственное “перерождение” людей; появление поколений, руководствующихся вновь созданной системой гуманистических ценностей; сохранение Земли, пригодной для будущих поколений; обеспечение безопасности через устойчивое развитие; обеспечение сохранности языка, культуры, традиций и верований всех народов» [11, с. 96]. Примечательно, что, выстраивая эти параметры в порядке их первоочередной значимости, на первое место выносятся «нравственное возрождение людей как исходное обязательное условие» и только потом – вопросы экологического, экономического и политического развития [11, с. 211].

В. В. и Л. В. Мантатовы утверждают, что переход общества к устойчивому развитию невозможен без изменения общественного сознания, «нахождения правильного баланса между конкурентными (рыночными) и солидарными отношениями, между экономической эффективностью капитализма и социальной справедливостью социализма» [12, с. 5].

Модель «устойчивых университетов», основанная на концепции устойчивого развития общества, получила распространение во всем мире. Разделяя общие ценности и цели, университеты присоединяются к международным декларациям по внедрению принципов устойчивого развития и объединяются в сети и ассоциации для лучшего взаимодействия. «Ассоциация за продвижение устойчивости в высшем образовании» (AASHE) объединяет более 900 вузов из США, Канады, Швейцарии, ОАЭ и других стран. «Международный альянс исследовательских университетов» (IARU) – сеть из 11 международных исследовательских университетов Австралии, Швейцарии, Сингапура, Китая и других стран. «Международная сеть устойчивых кампусов» (ISCN) объединяет образовательные учреждения из 30 стран, которые видят свою миссию в том, чтобы, используя «свои общие способности, энтузиазм и интеллектуальный капитал, внести свой вклад в устойчивое развитие».

Университеты, выбравшие путь устойчивого развития, стремятся внести изменения в систему управления своего учебного заведения, в направления научных исследований, а также усилить сотрудничество с внешней средой. Содержание исследований и обучения, а также концепции учебных курсов включают по меньшей мере три элемента: инновации, сохранение и дальнейшее развитие социальных ресурсов, бережное обращение с природными экосистемами.

Университеты способствуют устойчивому развитию региона присутствия. Через консультационные услуги ученые могут облачать знание фактов в моральный контекст. Через общественно-гражданский аспект обучения передаются ценности, знания и способы поведения, самосознание, которые открывают глаза выпускникам на устойчивое развитие и формируют у них способности эффективно участвовать в процессах принятия решений. Выпускники несут эти ценности, знания, взгляды в общество, выражая и оправдывая его потребности в контексте устойчивого развития и содействуя увеличению последователей этой точки зрения.

Но основной своей миссией устойчивые университеты считают «изменение образа жизни, правил поведения и мышления» всех субъектов университетского сообщества. Вовлечение обучающихся в общественную деятельность через реализацию «третьей миссии», различные практики взаимодействия с обществом способствуют воспитанию мотивированных, заинтересованных молодых людей, способных разбираться с непредвиденными проблемами завтрашнего дня. В современном мире важно не просто обладать определенной суммой навыков и знаний, а уметь распорядиться полученным знанием и применить его. Различные практики общественного участия развивают креативность и критическое мышление, учат общаться и сотрудничать, дают актуальные знания, понимание происходящих процессов. И еще одна немаловажная цель: развитие индивидуальных качеств. Ключевые качества, необходимые для жизни в современном мире, с точки зрения Ч. Фадель, М. Бялик, Б. Триллинга, авторов книги «Четырехмерное образование: компетенции, необходимые для успеха», – это «Осознанность, Любознательность, Решительность, Устойчивость, Нравственность, Лидерство, которые помогают жить и вместе работать, строя устойчивое человеческое общество» [13, с. 25].

Заключение. Необходимость нахождения баланса интересов личности и общества, общественного блага и личной свободы, личных и общественных интересов, общих ценностей и обоюдной ответственности продиктована современными условиями жизни. Соединение идей коммунитаризма со своим пониманием блага как ценности с практикой устойчивого развития может дать новый импульс развитию университета и изменению содержания его миссии – усилению гуманитарной направленности деятельности. Миссия устойчивого университета заключается в формировании социально-ответственного человека, способного к личностному росту и самореализации в общем контексте социального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шабага А. В. Эссе о неолиберализме // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 553–562. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-553-562.
2. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству / пер. с англ. М. Гнедовского, И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2005.

3. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
4. Давыдов О. Б. Очевидность блага: этика коммунитаризма // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 18–25.
5. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. Е. Полецкой; под ред. Р. М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004.
6. Nussbaum M. *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Cambridge: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2013.
7. Остром Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия / пер. с англ. Т. Монтян. Киев, 2013.
8. Шалыгина И. В. Парадигма коммунитаризма для открытой образовательной среды вуза // Совет ректоров. 2012. № 9. С. 36–40.
9. Сохраняева Т. В., Волкова Т. П. Проблема целей образования в контексте парадигмы коммунитаризма // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 45–48.
10. Грановская О. Л., Давыдов О. Б., Ячин С. Е. Перспективы коммунитаристского движения в странах Восточной Азии // Ойкумена. 2018. № 3. С. 18–26.
11. Барлыбаев Х. А. Солидарология. Философия солидарности. Уфа: Китап, 2016.
12. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. На пути к устойчивому развитию мира: коммунитаристская стратегия жизнеустройства сообществ людей // Вестн. БГУ. Сер. Философия. 2020. Вып. 1. С. 4–12. DOI: 10.18101/1994-0866-2020-1-4-12.
13. Фадель Ч., Бялик М., Триллин Б. Четырехмерное образование: компетенции, необходимые для успеха / пер. с англ. М.: Точка, 2018.

Информация об авторе.

Балмасова Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка Сибирского государственного университета путей сообщения, ул. Дуси Ковальчук, д. 191, Новосибирск, 630049, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.12.2022; принята после рецензирования 28.12.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Shabaga, A.V. (2019), "An essay on neoliberalism", *RUDN J. of Sociology*, vol. 19, no. 3, pp. 553–562. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-553-562.
2. Hayek, von F.A. (2005), *The Road to Serfdom*, Transl. by Gnedovskii, M. and Pil'shchikov, I., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.
3. Macintyre, A. (2000), *After Virtue: a study of moral theory*, Transl. by Tselishchev, V.V., Akademicheskii proekt, Delovaya kniga, Moscow, Ekaterinburg, RUS.
4. Davydov, O.B. (2017), "Evidence of the Good: Ethics of Communitarianism", *Voprosy Filosofii*, no. 4, pp. 18–25.
5. Sen, A. (2004), *Development as Freedom*, Transl. by Poletskaya, E., in Nureev, P.M. (ed.), Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.
6. Nussbaum, M. (2013), *Creating Capabilities: The Human Development Approach*, Belknap Press of Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.
7. Ostrom, E. (2013), *Governing the Commons. The evolution of institutions for collective action*, Transl. by Montyan, T., Kiev, UKR.
8. Shalygina, I.V. (2012), "The paradigm of communitarianism for the open educational environment of the university", *Sovet rektorov*, no. 9, pp. 36–40.

9. Sokhranyaeva, T.V. and Volkova, T.P. (2017), "Problem of education aims in the context of communitarianism paradigm", *Sociopolitical Sciences*, no. 6, pp. 45–48.

10. Granovskaya, O.L., Davydov, O.B. and Yachin, S.E. (2018), "Prospects of the communitarian movement in East Asian countries", *Ojkumena. Regional Researches*, no. 3, pp. 18–26.

11. Barlybaev, H.A. (2016), *Solidarologiya. Filosofiya solidarnosti* [Solidarology. Philosophy of solidarity], Kitap, Ufa, RUS.

12. Mantatov, V.V. and Mantatova, L.V. (2020), "Towards sustainable development of the world: a communitarian strategy of the life order of communities", *BSU bulletin. Philosophy*, iss. 1, pp. 4–12. DOI: 10.18101/1994-0866-2020-1-4-12.

13. Fadel, Ch., Bialik, M. and Trilling, B. (2018), *Four-dimensional education. The Competencies Learners Need to Succeed*, Transl., Tochka, Moscow, RUS.

Information about the author.

Tatjana A. Balmasova – Senior Lecturer at the Department of English, Siberian Transport University, 191 Dusi Kovalchuk str., Novosibirsk 630049, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, philosophy of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.12.2022; adopted after review 28.12.2022; published online 22.02.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.614
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68>

Актуальные задачи социологической диагностики (на примере «Очерков военного времени» К. Мангейма)

Александра Вениаминовна Щербина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Введение. В статье анализируются актуальные возможности диагностики социума в военное время, опирающейся на предметное содержание и методы социологии, как нетривиальной задачи для социологов-преподавателей высшей школы.

Методология и источники. Теоретическими источниками исследования послужили труды классиков социологии (О. Конт, К. Маркс, Э. Фромм, К. Мангейм) и современных российских социологов (М. К. Горшков, С. А. Кравченко, Ж. Т. Тощенко, В. Я. Фетисов), определяющих задачи социологической диагностики. В качестве исторического образца их постановки анализируется «Диагноз нашего времени» К. Мангейма. Эмпирическую базу составили официальные документы Российской Федерации, результаты опросов ВЦИОМ, материалы публичных дискуссий в российских медиа, экспертные оценки и примеры аналитики динамики гражданского общества в условиях специальной военной операции (СВО). Используются методология социокультурного анализа, социального конструктивизма, типологический метод как специфическая исследовательская стратегия, позволяющая формулировать комплексные оценочные суждения.

Результаты и обсуждение. На основе опыта К. Мангейма в статье обсуждаются актуальные возможности социологической диагностики, опирающейся на сущностные характеристики общества. В противоположность технократическим подходам утверждается, что социологический рационализм не сводится к научно-экспериментальному. Он включает в анализ социальной динамики проблематику естественного закона как свой методологический принцип. На этой основе формулируются задачи социологической диагностики: исследование процесса оценивания как фактора социальных изменений, воспроизводящего «кризис оценок». Рассмотрены его механизмы (перенос, преобразование, замена нетрадиционными эквивалентами, создание новых ценностей) и способы обоснования (утилитарное оправдание, вера в лидера, класс, расово-этническая общность). Показано, что целостное понимание сдвигов в системе оценок достигается посредством конструирования идеально-типических понятий, опирающихся на аксиологическое сознание исследователя. Намечается исследовательская стратегия социологической диагностики: собирание образцов, моделей самоопределения в условиях военного времени и их публичный дискурс. Практическое применение социологического знания связывается с созданием ценностно-вероятностных сценариев развития общества как стимулов социально-экономических и политических преобразований.

© Щербина А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Социологический диагноз обществу военного времени требует конструирования концептуальных идей, собирающих образы будущего, которые отвечают приоритетам безопасности, личных свобод и инновационности. Весьма перспективной представляется идея «собирающей», в идеале – соборной демократии.

Ключевые слова: социологическая диагностика, социальные технологии, ценности, кризис оценок, естественный закон, идеально-типические конструкции, модели поведения, образы будущего

Для цитирования: Щербина А. В. Актуальные задачи социологической диагностики (на примере «Очерков военного времени» К. Манхейма) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 53–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68.

Original paper

Actual Tasks of Sociological Diagnostics (on the Example of “Wartime Essays” by K. Manheim)

Alexandra V. Shcherbina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
ashcherbina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>*

Introduction. The article analyzes the current possibilities of diagnosing the society of wartime, based on the subject content and methods of sociology, as a non-trivial task for sociologists-teachers of higher education.

Methodology and sources. The theoretical sources of the research were the works of classics of sociology (O. Comte, K. Marx, E. Fromm, K. Manheim) and modern Russian sociologists (M.K. Gorshkov, S.A. Kravchenko, J.T. Toschenko, V.Y. Fetisov), who defined the tasks of sociological diagnostics. The "Diagnosis of Our Time" by K. Manheim is analyzed as a historical example of their formulation. The empirical base was made up of official documents of the Russian Federation, the results of VTSIOM surveys, materials of public discussions in the Russian media, expert assessments and examples of analysis of the dynamics of civil society in the conditions of SVO. The methodology of socio-cultural analysis, social constructivism, typological method is used as a specific research strategy that allows to formulate complex value judgments.

Results and discussion. Based on the experience of K. Manheim, the article discusses the current possibilities of sociological diagnostics based on the essential characteristics of society. In contrast to technocratic approaches, it is argued that sociological rationalism is not reduced to scientific and experimental. He includes the problems of natural law as his methodological principle in the analysis of social dynamics. On this basis, the tasks of sociological diagnostics are formulated: the study of the assessment process as a factor of social change reproducing the “crisis of assessments”. Its mechanisms are considered, – transfer, transformation, replacement with non-traditional equivalents, creation of new values, and ways of justification, – utilitarian justification, faith in the leader, class, racial and ethnic community. It is shown that a holistic understanding of shifts in the evaluation system is achieved by constructing ideal-typical concepts based on the axiological consciousness of the researcher. A research strategy of sociological diagnostics is outlined: collecting samples, models of self-determination in wartime conditions and their public discourse. The practical application of sociological knowledge is associated with the creation of value-probabilistic scenarios for the development of society as incentives for socio-economic and political transformations.

Conclusion. The sociological diagnosis of wartime society requires the construction of conceptual ideas that collect images of the future that meet the priorities of security, personal freedoms and innovation. The idea of a “gathering”, ideally a conciliar democracy, seems very promising.

Keywords: sociological diagnostics, social technologies, values, crisis of assessments, natural law, ideal-typical constructions, behavioral models, images of the future

For citation: Shcherbina, A.V. (2023), “Actual Tasks of Sociological Diagnostics (on the Example of “Wartime Essays” by K. Manheim)”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 53–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-53-68 (Russia).

Введение. Каким может быть вклад социологии в диагноз (от греч. *diagnosis* – «распознавание, различение, определение, решение») нашего военного времени? Социальная теория – не самоцель, «общество как “досадный факт” приходится постигать и в теории, и для практики» [1, с. 50]. В «минуты роковые», во время экстраординарных событий и стремительных социальных изменений потребность в диагнозах и «планах лечения» общества возрастает и в той или иной мере удовлетворяется в условиях острой конкуренции, в меняющемся правовом поле управленцами, лидерами общественного мнения, экспертами, журналистами, блогерами и... преподавателями социологии.

Преподаватель социологии – не проповедник и не политический трибун, но во взаимодействии со студентами в границах предметного содержания социологии и ее способа постановки проблем он неизбежно сталкивается с запросом студенческой аудитории на оценку актуальных событий и не может избегать диагноза «нашего времени» – предположительного, требующего уточнения, но все же содержащего определенность и направляющего ход самостоятельных размышлений студентов, в том числе в контексте их учебной работы, на основе базовых понятий и концептов социологии, ее методов и средств. У социолога есть известное преимущество перед идеологом: критичность, рефлексивность социологического способа мышления (достаточно сравнить интерпретации либерализма в идеологических построениях и в социологическом анализе). Социолог в отличие от идеолога не может демонстрировать свою субъективную убежденность и ссылаться на некую «идею» и веру в нее как на решающий аргумент.

Обратимся к хрестоматийному образцу – опыту диагностики общества военного времени социологом К. Мангеймом и попробуем извлечь из него актуальные для нас уроки. В 1941–1942 гг. К. Мангейм в своих статьях и публичных выступлениях делает попытку «применить метод и запас знаний научной социологии к нашей действительности» [2, с. 28]. Для социологов, работающих в образовательных общественно-государственных структурах, этот опыт поучителен именно тем, что «диагноз нашего времени» адресован молодежи. В гиперинформационном обществе на молодежь обрушивается бесконечное многообразие точек зрения в разных формах подачи. Значение традиционных образовательных институтов (отношения учитель–ученик, способы постановки проблем, привлекаемые средства анализа, формат коллективной работы) в этих условиях особенно возрастает: молодежь должна получать ответы на волнующие ее вопросы не в пропагандистских лозунгах, а в форме знаний о существенных характеристиках эпохи, опирающихся на всемирно-исторический опыт. Задача диагноза «нашего времени», адресованного преимущественно молодежи, – раскрыть

закономерный ход событий, определить тенденции и движущие силы социальных изменений, удержать для социальных представлений молодых вырисовывающийся «образ будущего».

Методология и источники. Социология как особая аналитическая перспектива, сформировавшаяся на пересечении идей утопического коммунизма, политической экономии и философии права, с начала своего возникновения самоопределялась в качестве диагностики современного индустриального, капиталистического общества (с его «болезнями роста»), формирующегося в общественных образованиях традиционного типа и в противоположность им.

Основоположника социологии О. Конта прежде всего интересовало, насколько функциональны (здоровы) основные институты общества, обеспечивающие социальный порядок и прогресс. При этом лечение социальной патологии и прогнозы на будущее ученый связывал с переориентацией всех институтов общества на выработку альтруистических мотивов поведения. К. Маркс рассматривал отчуждение и дегуманизацию человеческих отношений как болезнь капиталистического общества, преодоление которой он видел в его революционном преобразовании и возвращении человека «к своему человеческому, т. е. общественному бытию» [3, с. 237]. Понимание социологической науки как диагностики отразилось в характерных названиях работ выдающихся социологов XX в.: «Диагноз нашего времени» К. Манхейма, «Здоровое общество» Э. Фромма.

С. А. Кравченко отмечает, что большинство социологов – как классиков, так и представителей современной социологической науки, в том числе российской, – считают, что «главной функцией социологии является диагностика общества, раскрытие его очевидных и латентных болезней в виде форм социальной патологии с предложением конкретных средств лечения и прогнозами перспектив укрепления общественного здоровья и утверждения нормальной жизнедеятельности людей [4, с. 184].

На метатеоретическом уровне «контуры диагноза для социологии» определяет В. Я. Фетисов [5]. М. К. Горшков в труде «Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики)» обобщает результаты многочисленных социологических исследований и формулирует задачу социологической диагностики: выявить и объяснить переходные явления и процессы, показать тенденции, динамику их развития в современном российском обществе [6]. Ж. Т. Тощенко сравнивает социолога с социальным врачом, «который проводит анализ и диагностику состояния общественных процессов и на этой основе делает выводы, а если необходимо, и предложения, как поступать в сложившейся ситуации» [7, с. 10]. Возможности социологической диагностики как исследования рисков, уязвимостей, доверия в обществе развивает С. А. Кравченко [8], средства социологической диагностики систем управления исследуются В. В. Щербиной [9].

Претензии социологии на высокий статус и полноту диагностики опираются на ее предметное содержание и метод. Ее предмет – «общество», охватывающее всю совокупность человеческих действий, из которых сплетается ткань общественной реальности. А проблема метода и шире – рациональности обретает полноту смысла именно в социологии, потому что сама идея рациональности рассматривается в ней как социальная проблема. Очевидно, что реализоваться это притязание в принципе может только в коллективной работе,

с разделением труда, в определенных институциональных (аналитические центры при правительствах и корпорациях) и коммуникативных условиях, на основе совершенствующейся техники и преимущества эмпирических исследований.

Согласно данным главы ВЦИОМ, социологическими опросами у нас в стране занимается около 600 компаний, из них государственная – только одна (ВЦИОМ). Слышит ли социологов власть? В. Федоров отвечает: «Конечно, власть учитывает данные опросов населения. Я бы даже сказал, что за последние, наверное, 20 лет я вижу непрерывный рост интереса со стороны властей к данным опросов общественного мнения. Но говорить о том, что сейчас решения принимаются на базе опросов... – нет, этого нет» [10].

Как отечественная социология осуществляет диагностику состояния и тенденций общественных процессов в текущий момент? В традиционной сфере социологических исследований – мониторинге общественного мнения – оперативно накапливается массив информации (результаты массовых опросов, интервью фокус-групп, экспертные оценки) об отношении граждан России к СВО. Отношение интерпретируется как поддержка (планов, решений, лидера), одобрение, доверие, ожидания. Появилась и соответствующая аналитика корреляции показателей поддержки, одобрения, ожиданий с возрастом, полом, местом проживания, уровнем дохода, образования, профессиональным статусом. Интересно, что результаты, полученные (условно) проправительственными и оппозиционными аналитиками, сходны: большинство россиян поддерживают СВО [11–15]. После объявления частичной мобилизации уровень поддержки снизился: социологи зафиксировали неготовность большинства граждан к мобилизации. При этом сохраняется одобрение большинством действий власти в ее геополитическом противостоянии с Западом и в СВО против киевского режима [16, 17].

Каков запас прочности у этой поддержки и как его использовать в качестве ресурса для достижения общественно значимых целей в настоящий момент и в перспективе? В военное время власть и граждане активно предлагают варианты социально-экономической поддержки определенных групп населения, обсуждают культурно-политические образцы и модели индивидуального и группового поведения, приоритеты социальной политики. Позиции артикулируются. Социологии, тестирующей гражданское общество, еще только предстоит выяснить, как актуализируются гражданские позиции различных страт российского общества в условиях СВО. Это область социальной психологии, в которой без неких модельных, идеально-типических понятий (образы войны и мира) и нормативных суждений (что такое гражданская позиция) не обойтись.

Об актуальности «типологического поворота» в социологии, о типологическом методе, трактуемом как специфическая исследовательская стратегия, средство концептуализации и способ диагностики социальной реальности, своевременно рассуждают отечественные социологи [18]. Примером плодотворной постановки задачи в этом плане представляется попытка связать специфику отношения россиян к специальной военной операции на Украине с базовыми моделями социального поведения в российском обществе [19].

Для социологической диагностики *нашего времени* недостаточно представить срезы общественного мнения. Диагноз предполагает выявление тенденций трансформации российского общества в данной уникальной общественно-исторической ситуации, породившей войну и порожденной войной. Специфика диагностики общества военного времени такова,

что анализ объективных факторов социума (рисков) должен быть доведен до анализа субъекта (угроз), способного удержать общественный контроль над этими трансформациями.

Разумеется, задачей социологии не может быть создание идеалов и норм, из которых выводятся рецепты для практической деятельности. От еще более опасного самообмана «будто можно получить практические нормы, обладающие научной значимостью, посредством синтезирования ряда партийных точек зрения или построения их равнодействующей» предостерегал еще Вебер [20, с. 353]. Но это не значит, что оценочные суждения не должны присутствовать в научной дискуссии. Согласно Веберу, как раз «объективно значимым» в социокультурных и политических исследованиях может быть только комплексное оценочное суждение, принимающее во внимание множественность и вариативность культурных значений, которыми руководствуются действующие в истории люди, и базирующееся на ценностном сознании и идеалах самого исследователя.

Результаты и обсуждение. Что побуждает социолога высказывать, рискуя ошибиться, свой диагноз обществу в военное время? Убежденность в том, что военное время – это уникальное стечение обстоятельств, создающее объективные возможности (субъективно значимые для аксиологического сознания исследователя), которые могут быть упущены навсегда, если целеполагание общественного субъекта не реализует их, и гипотеза о становлении общественного субъекта, способного осознать в качестве миссии (целеполагание, соответствующее нравственному выбору общественного субъекта) задачу превращения этой возможности в действительность – создать общество нового типа. Своего рода синергия миссии и возможности, субъективной и объективной тенденций – вот что позволяет исследователю разрабатывать социологические идеально-типические понятия (*laissez faire*, планируемое общество) и включать социологический дискурс в обсуждение жгучих проблем современности.

Опираясь на заданный Вебером способ конструирования типологических понятий, Манхейм поясняет: идеальные типы нужны социологу для понимания противоречивых тенденций, они «не обозначают точно реальность так, как она есть или была, а сознательно подчеркивают черты, соответствующие целям изложения и господствующим в нем оценкам» [2, с. 236].

Война обнажает основные противоречия для общества, групп, индивидов. Все процессы социальной дифференциации ускоряются: распадаются привычные «мысленные связи» и возникают движения общественного мнения, объединяющие вчерашних оппонентов, разрушаются групповые консенсусы и создаются новые, иногда неожиданные, союзы, возникают новые формы самоорганизации и размежевания на уровне первичной социальности. Происходит переоценка ценностей. А практическая необходимость заставляет принимать решения быстро и без колебаний, что требует упрощения ценностных суждений и приводит к их поляризации. Люди оказываются в ситуациях, когда обсуждения откладываются в сторону и возможен только один ответ: «да» или «нет».

Логика борьбы создает (впрочем, на время) естественный консенсус, единство целей, но угроза социального и экономического хаоса на исходе войны (независимо от того, кто будет победителем) и понимание того, что на концептуальном и идейном уровне война не закончится после прекращения боевых действий, диктует необходимость выделять тенденции и описывать сценарии и модели возможных форм, которые примет общество, уже сегодня.

Задача диагноза – не пророчество, а выяснение оснований выдвигаемых в нем утверждений и анализ факторов, определяющих ход событий. Масштаб социальных сдвигов, стремительно происходящих на наших глазах, таков, что именно социологический диагноз (охватывающий все общество) обретает особую злободневность. Манхейм утверждает: «Мы живем в век перехода от *laissez faire* к планируемому обществу. Планируемое общество будущего примет одну из двух возможных форм: либо это будет диктатура с правлением меньшинства, либо новая форма правления, которая, несмотря на сильную власть, будет демократической» [Там же. С. 31]. Отметим молчаливо предполагаемый Манхеймом традиционный контекст реализации этой новой формы власти: гражданское общество и национальное государство.

Первый факт, которому социолог придает огромное культурное значение, – мы живем в массовом обществе. Концепт «массовое общество» начиная с Г. Лебона, Г. Тарда, Х. Ортеги-и-Гассета имеет солидную историю интерпретаций и в различных версиях используется в современном дискурсе глобального, информационного, сетевого и тому подобных типов общества. Формы массового общества исторически индивидуальны. Манхейм употребляет этот концепт нейтрально, обращая внимание на эмпирически наблюдаемые свойства и проявления массового общества, поддающиеся количественной оценке, и формулирует самоочевидный вывод: управление массами потребовало усовершенствования имеющихся и изобретения новых экономических, политических и социальных технологий.

Социальная технология трактуется Манхеймом широко, как совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих средством социального контроля в руках управляющего субъекта. Сегодня эти методы усовершенствованы и благодаря развитию цифровых технологий частично алгоритмизированы. Тенденции в развитии социальных технологий (возрастание их мощи, скорости, концентрация, централизация управления и контроля, массовое производство, в том числе мнений, социальных представлений и идей) создают предпосылки и увеличивают шансы правления меньшинства и перехода от демократической формы правления к тоталитарной диктатуре. В XIX в. социальные технологии были еще недостаточно эффективны, а потому правящие элиты (землевладельческая аристократия) вынуждены были вступать в союз с низшими классами, чтобы реализовывать свои интересы. Сегодня такой необходимости нет...

Манхейм выдвигает тезис, который впоследствии неоднократно воспроизводился в различных технократических концепциях общества (Д. Бэлл, О. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт): изменения в принципах и методах управления обществом, основанные на достижениях науки и технологий, модифицируют экономическую структуру и социальную стратификацию в значительно большей степени, нежели «изменение идей в умах человечества».

В отличие от исследователей, приверженных технократической вере и разделяющих идею замены политической власти управлением на основе рационального научного знания, Манхейм показывает, что рациональность, в том числе научная, сама по себе не является социальной категорией и синонимом справедливости. Он предпринимает социологический анализ типов рационализма, конкурирующих в притязаниях на универсальность. Так называемый томистский рационализм, рассматривающий социальные институты с точки зрения их общественно значимых (в противоположность частному или групповому интересу) функций,

имеет свои достоинства. Его преимущества – в строгости, системности, но он демонстрирует теоретическую и практическую беспомощность перед новыми формами коллективизма и интеграции в эпоху, когда иерархия уступает место взаимосвязанности и взаимозависимости. Ему противоположен индивидуалистический (динамический) рационализм, претендующий на объяснение мира, исходящее из личного опыта. Собственно научный, экспериментальный рационализм, готовый изменить гипотезу, если новые факты и опыт не укладываются в старую схему. Направленный на практическое приложение, обеспечивающий развитие технологий и инновационные процессы в обществе, он имеет свои границы в сфере социогуманитарного знания. Манхейм предостерегает позитивистски ориентированных исследователей. Научный метод (как воплощение рациональности), как «приспособление всей нашей системы мыслей к все расширяющейся сфере опыта, становится, будучи примененным к человеческим делам и вопросам морали, самым большим затруднением для современного человека» [2, с. 164]. В сфере морали это ведет к утрате идеи обязывающего нравственного закона, бездумному поведению, требованию все новых ощущений.

После утраты фундаментального значения естественного закона (единства духовных оснований) само по себе познание законов природы и развитие технологий несет угрозу человеческому существованию. Понимание закона тройко: естественный закон (как божественная печать в человеке, его нравственная природа), закон природы, познаваемый с помощью экспериментального метода, который мы пытаемся применить к познанию социальной жизни, общества, личности (место теологии заняла социология, «человекобог» Конта отменил «Богочеловека»), и, наконец, законы государства, правовые механизмы (как некий слепок естественного закона). Познание, не требующее опоры на нравственную (общественно-политическую) природу человека, втягивает его во внешние и внутренние войны. Человек создает технологии, которые всегда (даже если это сначала неочевидно) имеют двойное назначение: познавая внешний мир, человек одновременно производит средства производства и средства уничтожения. Законы и их применение (правовые механизмы) позволяют согласовывать общественные интересы, но не указывают на перспективу для общества и личности.

Социологический рационализм в отличие от естественно-научного не может не включать в анализ текущих тенденций социальной динамики проблематику естественного закона как постоянное условие исследования, как условие самого субъекта. В культурно-исторических традициях естественный закон представлен имманентно, а в рефлексии мы должны возвести его в методологический принцип. В противном случае в анализе утрачиваются ценностное ядро и «сакральная» роль государства и его институтов как способов развития социальных групп и личностей.

В современном обществе истощилась главная интегрирующая сила – духовное (морально-религиозное) единство. Секулярные конкуренты религии – либерализм и коммунизм, – тотальные, в терминологии Манхейма, идеологии, предлагающие обществу псевдорелигиозную интеграцию посредством общей цели и устремленные в будущее, сами столкнулись с выросшими на их основе расистскими, фашистскими, националистическими идеологиями. Их авторы и адепты разжигают конфликты в обществе и, используя социальные технологии, создают эффективные стратегии (например, «групповая стратегия»

нацизма, проанализированная Манхеймом), мотивирующие дезорганизованную личность. Картина болезни современного общества описывается Манхеймом как кризис оценок. Терпимый в мирное время хаос оценок препятствует идейной консолидации, столь необходимой обществу в войне.

Социология, возникшая на пересечении утопического социализма и политической экономии, смогла поставить вопрос о влиянии различных социальных условий, включая изменения экономического строя, технологического уклада, классовой структуры, социальных технологий, на создание и распространение ценностей. Социологу интересно, как ценности, опосредованные индивидуальным и групповым опытом, становятся нормами, действующими в исторически индивидуальных практических обстоятельствах. Как они актуализируются в индивидуальных (и групповых) оценках, которые частично выражают ценности как субъективные ориентации индивида, его предпочтения в ситуации выбора, а частично – объективные нормы. В оценках выражается некий баланс желаний индивида (или группы) и требований общества. Процесс оценивания в этом смысле сам является аспектом социальных изменений и способом социального контроля, а социология, изучая его условия и движущие силы, вносит вклад в возможность управлять им.

Манхейм выделяет основные социальные изменения, повлиявшие на механизмы оценочной процедуры, и главные факторы, дезорганизуя систему оценок. При разрушении социальных образований традиционного типа происходит создание новых ценностей, полная реформа ценностной системы, перенос традиционных ценностей в новую форму социальной организации, их преобразование, замена их нетрадиционными эквивалентами. Анализируя сам процесс оценивания, автор следует сложившейся в социологии традиции различения первичных и вторичных групп (Ф. Теннис, Ч. Кули). Он развивает анализ процессов социальной дифференциации, начатый Г. Зиммелем. Последний много внимания уделял тому, как чисто количественное расширение группы порождает объективную и субъективную дифференциацию ее членов и влияет на всю систему оценок, трансформируя социальные представления об индивидуальной и коллективной вине и ответственности [21].

Первый фактор, выделяемый Манхеймом, – это быстрое бесконтрольное расширение общества, заставляющее переносить ценности из одной сферы соотнесения в другую. Возникновение институтов, воплощающих абстрактные принципы, соответствующие первичным добродетелям (равные политические права граждан в современных государствах – это абстрактные эквиваленты конкретных первичных добродетелей симпатии и братства), «заставляют систему ценностей функционировать еще раз». Вместе с тем этот перенос может иметь и негативные последствия: ценности, приспособленные для ориентации поведения индивида в группах первичной социальности, неадекватны большому обществу. Образование, необходимое личности для семейной жизни и добрососедства, недостаточно для того, чтобы быть гражданином своей страны и ориентироваться в мире. Одна и та же тенденция, которая при небольших размерах социального круга была положительной, с расширением его оказывается отрицательной, что влечет трансформацию всей системы оценок. Характерный пример – идея частной собственности. Когда-то «это было справедливое и творческое средство», в докапиталистических обществах закон собственности означал лишь защиту орудий труда человека, делающего общественно-полезную работу. Напротив, в эпоху

промышленного капитализма и НТП частная собственность на средства производства подразумевает эксплуатацию большинства меньшинством. Надвигающийся так называемый инклюзивный капитализм вновь заставляет нас проводить переоценку ценностей, переосмыслить понятия и частной, и общественной собственности.

В массовом обществе возникают новые формы коллективной и личной ответственности. Размываются границы между ареалами ценностей, рушатся иерархии и сами шкалы оценок. В одной социокультурной среде сосуществуют противоречащие мировоззренческие идеи религии любви и всеобщего братства, либеральные идеи свободы как автономии личности, социалистические идеи планирования и социального равенства, идеи этнорасового и национального превосходства. Различия в оценках касаются принципов добродетельной жизни, желаемых форм общественной организации. Стремительно меняются эстетические критерии, представления о значимости труда и досуга. Отсутствует нормативная модель человеческого поведения и воспитания (дилеммы ориентации на успех или служение обществу, на аскезу или самовыражение – узнаваемые примеры). При таком хаосе ценностных ориентаций невозможно создать общепринятые представления о войне и мире, о соотношении свободы и дисциплины, труда и досуга, о семье, сексе, детях, о принципах и целях социальной политики... «У нас нет даже единого мнения относительно того, хорошо это или плохо, что его у нас нет», – восклицает Манхейм [2, с. 48]. Отметим характерную динамику: возобладавшее одно время одобрение ценностного нейтралитета на наших глазах сменяется воинствующими притязаниями меньшинств.

Межкультурное взаимодействие, возросшая социальная мобильность, информационные технологии – все это перемешивает и изменяет ценности. «Сегодня наша система ценностей включает самые разнородные влияния, причем нет ни техники посредничества между ценностями, ни времени на реальное их усвоение» [Там же. С. 56]. Индивид оказывается в парадоксальном положении: на него возлагается «личная ответственность», необходимость даже в простейших ситуациях выбирать между различными моделями поведения и оценок. Это психологически переживается как неуверенность, страх и питает «мольбу о диктате ценностей».

В социальной сфере, полагает Манхейм, произошел своеобразный коперниканский переворот: теперь создание ценностей, их принятие основаны на сознательной оценке. Индикаторами этого переворота стал дискурс ценностей, их широкое обсуждение, но его последствия неоднозначны и не продуманы нами. Одновременное действие множества ценностных перспектив ориентации поведения приводит к тому, что они взаимно нейтрализуют свое влияние на индивида. Лишившись возможности предвидения, индивиды погружаются в социальную слепоту. Наступает эпоха мировоззрений, переоценки ценностей, нигилизма. Этика ответственности (предвидение последствий своих действий и сознание ответственности за них) может быть жизненной этикой только в определенных социальных условиях. В эпоху расширения обществ, изменения их границ, возросшей социальной мобильности, смешения культур, гиперинформации она сменяется этикой мировоззрения, востребованным оказывается оправдание ценностного выбора (или отказа от него) ссылкой на констелляцию мотивов.

Когда нет признанной системы ценностей, власть рассеивается, методы оправдания ее решений становятся произвольными и никто не несет ответственности. Отказ от естественного (божественного) закона, а затем и расщепление просветительского «рацио» вызвало к жизни новые способы обоснования ценностей, допускающие бесконечные произвольные притязания. Тоталитарное оправдание ценностей, ссылающееся на их полезность, соседствует с верой в лидера, класс, расово-этническую группу и опирается на социал-дарвинистские теории вечной борьбы между классами, расами, элитами.

Тщательное исследование факторов, определяющих спонтанность оценок в данной исторически индивидуальной (конечной) ситуации, – задача и социологии, и психологии. Благодаря достижениям социальной психологии XX в. мы понимаем, что невозможно обосновать ценности только рациональными аргументами. Ценности транслируются в ритуалах и образах, в «парадигмальном опыте». Субъективно значимое обоснование ценностей – это психологический, а не логический процесс, он опирается на веру, убеждения, представления, чувства и иррациональные (бессознательные) силы. Социолог в своих аналитических конструкциях (позволяющих делать эмпирические обобщения) воспроизводит это обоснование в «чистом виде», в мысленных логических связях. Во время войны баланс сознательных и бессознательных сил, действующих в обществе, нарушается. Тем более возрастает роль рационального социологического анализа.

Война обнажает переходный характер нашего времени. Старые механизмы, которые автоматически регулировали процедуру оценок, сломаны. Они могут технически использоваться в «стратегических действиях» (типология Ю. Хабермаса), в «групповых стратегиях» (расизма, нацизма, фашизма, сегодня – в стратегиях самопродвижения меньшинств). Таким образом создается видимый групповой корпоративный фасад, маскирующий правление меньшинства. Невмешательство в процедуру оценки, уклонение от дискуссии о «материальном» содержании общих целей и ценностей, вменяемая толерантность ведут к пассивности и создают почву для диктатуры, которая легитимизирует себя, ссылаясь на то, что мобилизованное войной общество особенно нуждается в согласованности действий. В противоположность *laissez faire* воинствующая демократия откажется от нейтралитета в вопросах о ценностях, она «будет откровенно высказывать свое мнение в отношении некоторых общих для всех ценностей и, с другой стороны, она предоставит отдельным индивидам свободу выбора и решений» [Там же. С. 92].

Обсуждая дилемму тоталитаризма и демократии и отдавая симпатии последней, Мангейм приводит социологические аргументы в пользу планирования («ради свободы») самого процесса оценивания. Вклад (и задача) социологии состоит в изучении условий, при которых прерывается процесс усвоения ценностей, возникают разногласия, нарушаются групповое приспособление и примирение ценностей, затрудняется стандартизация поведенческих моделей. Социолог исследует методы, которые позволяют снизить разногласия, наметить перспективы, совмещающие категории разных миров опыта. Фиксируя сдвиги в системе индивидуальных и групповых оценок (во время войны они происходят стремительно), осуществляя сравнительный анализ, социолог пытается выяснить, что именно является в этих системах общим и потенциально движущимся, обеспечивает устойчивость обществу в целом, имеет потенциал роста и субъектности, – кто именно способен выстраивать перспективу для согласованной политики в отношении ценностей.

Смысловое ядро этих «общих для всех ценностей» содержится, согласно Манхейму, в культурной традиции западной цивилизации. В этом пункте наглядно проявляется идеологическая ограниченность самого Манхейма. Третий путь как возможность не поддаться крайностям тотальной регламентации, с одной стороны, и полной дезинтеграции системы, с другой, прокладывается гегемоном (Великобритания), «разрабатывается в англо-саксонских демократиях», а затем в качестве образца продвигается для всего мира.

Современный исследователь имеет дело с уникальным объектом, – с фундаментальным историческим (геополитическим, антропологическим) переходом. Завершается традиционный человек (антропологическое обоснование устройства мира), завершается история (С. Хантингтон недавно заявил о подтверждении правильности своего прогноза 30-тилетней давности о наступлении конца истории [22]). Способна ли социология в этих условиях перехода не только собрать факты, но и получить целостную эмпирическую информацию, выяснить, насколько многообразие социальных феноменов, включая преобладающие ценности, зависит от меняющегося социального процесса, и предложить синтетическую картину нашей исторически индивидуальной ситуации, которая покажет, «где мы находимся» и «куда мы идем»?

Манхейм на вопрос о том, «может ли социологический диагноз внести свой вклад в формирование общей политики», отвечает утвердительно. Социологический диагноз (психология тоже важна) включает анализ социальной динамики личности, общества, государства – условий, средств, технологий, потребностей, мотивов и целей. В результате соотнесения и интеграции разных аспектов частичного индивидуального и группового опыта возникает сложная аналитическая картина, но целостное понимание ситуации достигается только в конструктивном поиске нового направления развития событий (тенденции), на основе новых конструктивных идей (идеально-типических понятий). В век перехода социология сохраняет свое задание собирать и описывать социальные факты, но сталкивается с вызовом: нужно прояснить, насколько средства анализа и язык, выработанные в уходящую эпоху, адекватны для описания перехода. И здесь не обойтись без философии, дающей логико-методологические средства такой рефлексии.

Противоречий и конфликтов за истекшие после размышлений К. Манхейма 80 лет меньше не стало, а взаимозависимость конфликтующих субъектов внутри обществ и в межгосударственных отношениях значительно возросла. Технологическое развитие, усовершенствования социальной технологии, глобальный информационный контур несут новые угрозы, а хаос оценок, о котором говорил Манхейм, стал намного глубже. Тем настоятельнее потребность в духовном единстве. Война предельно обнажает политическую природу человека (как ее понимал Аристотель). Для современного сознания эта природа не выводима однозначно ни из нравственного закона, ни из форм правления. Хаос оценок сегодня не преодолевается их поляризацией и победой одной из сторон. Расколы (и объединения) многомерны, и интегрирующие силы должны действовать одновременно по нескольким направлениям. Синтез проблематичен, идейный синкретизм и эклектизм неизбежны. Искомое духовное единство как смысловое ядро ценностно-нормативного порядка возможно определить только как сложное многообразие. В социологии оно описывается суждениями (связанными с аксиологическим сознанием исследователя) об общественно-исторической сущности человека и возможных формах социально-экономического и социально-политического устройства его жизни.

Манхейм сформулировал очень актуальную для нашей социологии методологическую идею. Социолога, в отличие от философа и теолога, интересует, как разделяемые в обществе базовые ценности (добродетели, этические нормы) действуют в исторически индивидуальных конкретных обстоятельствах. Нравственные принципы истолковываются в социологии не как «должно» и «запрещено», а в некоторых ценностно значимых образцах формирования личности, в моделях поведения, в парадигмах самоопределения в совокупности складывающихся обстоятельств. Уникальность военного времени в том, что эти образцы в инициативном порядке публично предъявляются обществу (герои нашего времени и антигерои), становятся предметом обсуждения и оценки, ориентированной на образ будущего. «Собирание» таких моделей, своего рода маркетинг моделей личностного и группового самоопределения и их дискурс – актуальная задача социологии нашего военного времени. Социологическое знание при таком подходе становится методом создания ценностно-вероятностных сценариев развития общества как стимулов для социально-экономических и политических преобразований.

Заключение. Сегодня мы исходим из того, что «третьих путей» много и они своеобразны и уникальны, что историческое время нелинейно, что разные модели демократии существуют в одном социальном пространстве, наконец, что иерархия уступает место взаимозависимости. Современные (как западные, так и незападные общества) уже не описываются только дилеммами *laissez faire* и планируемого общества, тоталитарной диктатуры и воинствующей демократии. Сбываются прогнозы Ф. Полака об опасности, угрожающей западным либеральным обществам: «Уникальная последовательность поражающих воображение образов будущего иссякнет и перестанет пополняться» [23, р. 11]). Нам нужны новые понятия и новый язык описания актуального перехода. И освобождение от «дискурсивного подчинения» (М. Фуко). Впечатляющие примеры такого рода попыток демонстрирует Китай: «китайская мечта», «пояс и путь», «социализм с китайской спецификой». Заметим, что авторство этих концепций приписывают «наставнику трех императоров» Ван Хунину. Занимаясь научно-педагогической и исследовательской деятельностью (включая полевую социологию), он уже в 80-е гг. XX в. настаивал на поиске новых интегративных идей, которые объединят традиционные китайские ценности с западным и марксистским мировоззрением и позволят в перспективе совместить традиционную высокую культуру, эффективную экономику и сильное государство [24].

Социологический диагноз обществу военного времени требует конструирования концептуальных идей, собирающих образы будущего, которые отвечают приоритетам Безопасности, личных свобод и инновационности, и их публичного обсуждения. Весьма перспективной в этом контексте представляется идея собирательной, собирающей, в идеале – соборной демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социол. журн. 1994. № 4. С. 50–68.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. Очерки военного времени, написанные социологом / под ред. С. Я. Левит, П. С. Гуревича; пер. с англ. С. В. Карпушиной. М.: ИНИОН, 1992.
3. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Социология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 177–325.

4. Кравченко С. А. Социологическая диагностика М.К. Горшкова: достоверное знание о российском обществе // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.13>.
5. Фетисов В. Я. Контуры диагноза для социологии // Социол. исслед. 2022. № 9. С. 14–28. DOI: [10.31857/S013216250022304-7](https://doi.org/10.31857/S013216250022304-7).
6. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011.
7. Тощенко Ж. Т. Социология как наука // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 10–12.
8. Кравченко С. А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО, 2016.
9. Щербина В. В. Средства социологической диагностики в системе управления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
10. Федоров В. Об отношении россиян к СВО, эффекте объединения вокруг флага // ВЦИОМ. 18.05.2022. URL: <https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedinenija-vokrug-flaga> (дата обращения: 27.10.2022).
11. Информационная война вокруг специальной военной операции // ВЦИОМ. 08.04.2022. URL: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voina-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 27.10.2022).
12. Россияне и СВО // Полит.ру. 10.04.2022. URL: <https://polit.ru/news/2022/10/04/svo/> (дата обращения: 27.10.2022).
13. Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации // РБК. 18.05.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718abe8560f> (дата обращения: 27.10.2022).
14. Эксперты обсудили трансформацию образа героя в сознании граждан страны // Лента.ру. 21.07.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/21/geroi/> (дата обращения: 27.10.2022).
15. Всероссийский опрос патриотических слоев общества об отношении к СВО // Харьков.ру. 19.09.2022. URL: <https://news-kharkov.ru/society/2022/09/19/18427.html> (дата обращения: 27.10.2022).
16. Федоров В. Наш народ одинаково готов и к взятию Киева, и к мирным переговорам // ВЦИОМ. 24.10.2022. URL: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-valerii-fedorov-nash-narod-odinakovo-gotov-i-k-vzjatiju-kieva-i-k-mirnym-peregovoram> (дата обращения: 27.10.2022).
17. Конфликт с Украиной: октябрь 2022 года // Левада-центр. 27.10.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/10/27/konflikt-s-ukrainoj-oktyabr-2022-goda/> (дата обращения: 27.10.2022).
18. Татарова Г. Г., Кученкова А. В. Востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии // Социол. исслед. 2022. № 7. С. 28–40. DOI: [10.31857/S01321625019758-6](https://doi.org/10.31857/S01321625019758-6).
19. Громакова В. Г. Специфика отношения к специальной военной операции на Украине как проявление базовых моделей социального поведения в российском обществе // Гуманитарий юга России. 2022. Т. 11 (54), № 2. С. 68–77. DOI: [10.18522/2227-8656.2022.2.5](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.5).
20. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
21. Зиммель Г. О коллективной ответственности // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 322–348.
22. Fukuyama F. More Proof That This Really Is the End of History // The Atlantic. 17.10.2022. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/> (дата обращения: 27.10.2022).
23. Polak F. The Image of the Future. Leyden: Sythoff; NY: Oceana Publ., 1961.

24. Федотов А. Товарищ Ван Хунин. Ответственный за съезд «наставник трех императоров» // RTVI. 20.10.2022. URL: <https://rtvi.com/stories/tovarishh-van-hunin-otvetstvennyj-za-sezd-nastavnik-treh-imperatorov/> (дата обращения: 27.10.2022).

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.11.2022; принята после рецензирования 10.11.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Archer, M. (1994), "Realism and morphogenesis", *Sociological J.*, no. 4, pp. 50–68.
2. Mannheim, K. (1992), *Diagnosis of our time: wartime essays of a sociologist*, in Levit, S.Ya. and Gurevich, P.S. (eds.), Transl. by Karpushina, S.V., INION, Moscow, RUS.
3. Marx, K. (2000), "Economic and philosophical manuscripts of 1844", *Sociology*, Kanon-press-TS, Kuchkovo pole, Moscow, RUS, pp. 177–325.
4. Kravchenko, S.A. (2017), "Sociological diagnostics by Mikhail Gorshkov: valid knowledge of Russian society, prognoses of its future", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.13>.
5. Fetisov, V.Ya. (2022), "Contours and Strokes to a Portrait of Sociology", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 14–28. DOI: 10.31857/S013216250022304-7.
6. Gorshkov, M.K. (2011), *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics)], Novyi khronograf, Moscow, RUS.
7. Toshchenko, Zh.T. (2009), "Sociology as a science", *Tezaurus sotsiologii. Tematicheskii slovar'-spravochnik* [Thesaurus of sociology. Thematic dictionary-reference], in Toshchenko, Zh.T. (ed.), YUNITI-DANA, Moscow, RUS, pp. 10–12.
8. Kravchenko, S.A. (2016), *Sotsiologicheskaya diagnostika riskov, uyazvimostei, doveriya* [Sociological diagnostics of risks, vulnerabilities, trust], MGIMO, Moscow, RUS.
9. Shcherbina, V.V. (1993), *Sredstva sotsiologicheskoi diagnostiki v sisteme upravleniya* [Means of sociological diagnostics in the management system], Izd-vo Moskovs. un-ta, Moscow, RUS.
10. Fedorov, V. (2022), "About the attitude of Russians to their own, the effect of unification around the flag", *VCIOM*, 18.05.2022, available at: <https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedineniya-vokrug-flaga> (accessed 27.10.2022).
11. "Information war around a special military operation" (2022), *VCIOM*, 08.04.2022, available at: <https://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnaja-voyna-vokrug-specialnoi-voennoi-operacii> (accessed 27.10.2022).
12. "The Russians and the Special Military Operation" (2022), *Polit.ru*, 10.04.2022, available at: <https://polit.ru/news/2022/10/04/svo/> (accessed 27.10.2022).
13. "Sociologists have compiled portraits of supporters and opponents of the special operation", (2022), *RBC*, 18.05.2022, available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718a6e8560f> (accessed 27.10.2022).
14. "Experts discussed the transformation of the image of the hero in the minds of citizens of the country" (2022), *Lenta.ru*, 21.07.2022, available at: <https://lenta.ru/news/2022/07/21/geroi/> (accessed 27.10.2022).

15. "All-Russian survey of patriotic strata of society about the attitude to a special military operation" (2022), *Kharkov.ru*, 19.09.2022, available at: <https://news-kharkov.ru/society/2022/09/19/18427.html> (accessed 27.10.2022).

16. Fedorov, V. (2022), "Our people are equally ready for the capture of Kiev and for peace negotiations", *VCIOM*, 24.10.2022, available at: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-valerii-fedorov-nash-narod-odinakovo-gotov-i-k-vzjatiju-kieva-i-k-mirnym-peregovoram> (accessed 27.10.2022).

17. "Conflict with Ukraine: October 2022", (2022), *Levada Center*, 27.10.2022, available at: <https://www.levada.ru/2022/10/27/konflikt-s-ukrainoj-oktyabr-2022-goda/> (accessed 27.10.2022).

18. Tatarova, G.G. and Kuchenkova, A.V. (2022), "The demand for the "typological turn" in empirical sociology", *Sociological Studies*, no. 7, pp. 28–40. DOI: 10.31857/S013216250 019758-6.

19. Gromakova, V.G. (2022), "The specifics of the attitude to the special military operation of the Russian federation in Ukraine as a manifestation of basic models of social behavior in Russian society", *Humanities of the South of Russia*, vol. 11 (54), no. 2, pp. 68–77. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.5.

20. Weber, M. (1990), "The objectivity of socio-scientific and socio-political cognition", *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Transl. by Davydov, Yu.N., Progress, Moscow, USSR, pp. 345–415.

21. Simmel, G. (1996), "On collective responsibility", *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Favorites. Contemplation of life], vol. 2, Yurist, Moscow, RUS, pp. 322–348.

22. Fukuyama, F. (2022), "More Proof That This Really Is the End of History", *The Atlantic*, 17.10.2022, available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/> (accessed 27.10.2022).

23. Polak, F. (1961), *The Image of the Future*, Sythoff; Oceana Publ., Leyden, NY, USA.

24. Fedotov, A. (2022), "Comrade Van Hunin. Responsible for the congress "mentor of the three emperors", *RTVI*, 20.10.2022, available at: <https://rtvi.com/stories/tovarishh-van-hunin-otvetstvennyj-za-sezd-nastavnik-treh-imperatorov/> (accessed 27.10.2022).

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy, 1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.11.2022; adopted after review 10.11.2022; published online 22.02.2023.

Оригинальная статья

УДК 316.77

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-69-83>

Виртуальный социальный капитал молодых ученых

Екатерина Александровна Поддячая

Новосибирский государственный университет экономики и управления,

Новосибирск, Россия,

katepo2d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2490-9377>

Введение. Статья посвящена изучению того, как ученые формируют в Интернете свой социальный капитал. В академической среде всегда высоко оценивалось его значение, однако тема «оцифровки» социального капитала остается слабо раскрытой в современных исследованиях. Цель статьи заключается в том, чтобы оценить опыт формирования виртуального социального капитала молодыми учеными.

Методология и источники. Методологической базой для исследования стали работы «классиков» в области социального капитала (П. Бурдье, Р. Патнема, Дж. Нахапиеца) и тех современных ученых, кто сейчас формирует теорию виртуального социального капитала (Н. Эллисон, С. Стейнфилд, С. Лэмп) и закладывает принципы его измерения (К. Лин, Д. Уильямс, С. Чиу). Опрос методом анкетирования был проведен в январе–апреле 2022 г. Эмпирической базой стало исследование молодых ученых НГТУ (аспиранты, кандидаты наук до 35 лет, доктора наук до 45 лет и сотрудники без степени до 35 лет, занимающиеся научно-исследовательской или научно-педагогической деятельностью). Выборочная совокупность при N = 361 составила 186 респондентов. Тип выборки – стратифицированная, с квотированием по факультетам.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показывают, что молодые ученые в большей степени переносят в онлайн-среду паттерн офлайн-поведения, где в академических сообществах важны научные достижения и академические связи. Респонденты формируют виртуальный социальный капитал закрытого типа, переносят в интернет-пространство существующие сети академических связей, в большей степени используют академические интернет-платформы для самопрезентации и поиска информации, демонстрируют асимметричную модель поведения, игнорируя нормы взаимности при распределении ресурсов внутри социальной группы.

Заключение. При всех технологических возможностях, социальных предпосылках и ожидаемых выгодах от формирования виртуального социального капитала молодые ученые с осторожностью и не в полной мере реализуют имеющийся в интернет-среде потенциал для его увеличения и использования в научной деятельности.

Ключевые слова: виртуальный социальный капитал, молодые ученые, академические социальные сети

Для цитирования: Поддячая Е. А. Виртуальный социальный капитал молодых ученых // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 69–83. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-69-83.

© Поддячая Е. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Virtual Social Capital of Young Academics

Ekaterina A. Poddyachaya

*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia,
katepo2d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2490-9377>*

Introduction. The article is devoted to the study of the formation by scientists of their social capital on the Internet. The importance of social capital has always been highly appreciated in the academic environment, however, the “digitization” of social capital as a phenomenon remains poorly disclosed. The purpose of the article is to explore how do young scientists form virtual social capital.

Methodology and sources. The methodological basis for the study is formed by “classics” in the field of social capital (P. Bourdieu, R. Putnam, J. Nahapieta) and those modern scientists who have been forming the theory of virtual social capital (N. Ellison, S. Steinfeld, S. Lamp) and have been laying down principles of its measurement (K. Lin, D. Williams, S. Chiu) for the last few years. The questionnaire survey was conducted in January-April 2022. Young scientists of Novosibirsk State Technical University (graduate students, candidates of science up to 35 years old, doctors of science up to 45 years old and employees without a degree up to 35 years old, engaged in research or scientific and pedagogical activities) became the empirical base. The sample with N = 361 was 186 respondents.

Results and discussion. The results of the study show that young scientists are more likely to transfer the offline behavior pattern to the online environment, where scientific achievements and academic connections are important in academic communities. Respondents form a virtual social capital of a closed type, transfer existing networks of academic connections to the Internet space, use academic Internet platforms to a greater extent for self-presentation and information search, demonstrate an asymmetric behavior pattern, ignoring the norms of reciprocity in the distribution of resources within a social group.

Conclusion. With all the technological opportunities, social prerequisites and expected benefits from the formation of virtual social capital, young scientists are cautious and do not fully realize the potential available in the Internet environment for its increase.

Keywords: virtual social capital, young academics, academic social networks

For citation: Poddyachaya, E.A. (2023), “Virtual Social Capital of Young Academics”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 69–83. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-69-83 (Russia).

Введение. С момента появления концепции социального капитала в 80-х гг. XX в. ученые начали говорить о его значении для академической среды как явления, объясняющего особенности коммуникации, и основы формирования академических сообществ. Примерно на это же время приходится старт развития инфраструктуры и роста аудиторного состава Интернета. Однако о том, что в виртуальном пространстве тоже может формироваться социальный капитал, заговорили значительно позже, когда стало очевидно, что на имеющихся интернет-платформах могут существовать и развиваться социальные структуры, отношения и процессы. Изначально риторика исследователей содержала негативные оценки влияния Интернета на социальный капитал: «кибер-пессимисты» считали, что Интернет сокращает социальный капитал за счет того, что отвлекает людей от офлайн-общения [1, p. 437].

Впоследствии риторика сдвинулась в сторону идей о положительном влиянии Интернета на социальный капитал в контексте преодоления географических, языковых, культурных различий и препятствий.

Появившиеся неспециализированные и академические интернет-платформы позволили ученым перенести практически все виды профессиональной деятельности в Интернет. Интернет-ресурсы дополняют коммуникационную инфраструктуру научной среды и формируют виртуальное социальное пространство ученых. Это придало новый импульс изучению социального капитала применительно к научной сфере. Однако очевидно, что цифровой характер коммуникации, многоплатформенность присутствия и прочие особенности отразились на том, как в Интернете формируется социальный капитал и какими характеристиками он обладает. Исследование особенностей формирования виртуального социального капитала ученых актуально и значимо на разных уровнях. На макроуровне виртуальный социальный капитал является основой стабильного и долгосрочного существования системы социально-коммуникативных связей в академической среде в условиях подвижной инфраструктуры интернет-платформ, геополитических трансформаций и идей открытой безбарьерной науки. На микроуровне виртуальный социальный капитал связан с академической мобильностью отдельных ученых, их доступом к ресурсам. В исследованиях виртуального социального капитала возраст, академический статус, научная область, принадлежность к организации упоминаются как переменные, влияющие на его формирование. При этом ни в зарубежной, ни в отечественной исследовательской практике не изучается специфика формирования виртуального социального капитала на такой социальной общности, как молодые ученые.

Данное исследование направлено на то, чтобы разработать и протестировать исследовательский инструментарий, при помощи которого можно будет изучить особенности формирования социального капитала молодых ученых в интернет-среде. Виртуальный социальный капитал молодых ученых играет важную роль в их интеграции в академическое сообщество, что влияет на старт научной карьеры, закладывает поведение, способствующее повышению индивидуальной продуктивности, карьерному росту, доступу к ресурсам академического сообщества, а на уровне государства и научной организации способствует воспроизводству эффективных и вовлеченных научных кадров, реализации идей открытой безбарьерной науки, равного доступа к информации, преодоления информационного неравенства. Молодые ученые по возрастному критерию являются активными пользователями Интернета и обучались этому на всех уровнях своего образования. Исследовательский интерес к выбранной социальной общности связан с желанием выяснить, насколько эффективно молодые ученые используют свои цифровые компетенции и опыт для формирования академического социального капитала в Интернете.

Методология и источники. Исследователи виртуального социального капитала, которые считают, что интернет-среда является лишь каналом коммуникации и не добавляет социальному капиталу новых свойств и характеристик, развивают свои концепции на основных положениях теорий П. Бурдьё, Р. Патнема, Дж. Нахапиета. Такой традиционный подход позволяет без адаптации заимствовать у «классиков» теории социального капитала и определение, и методы измерения. В частности, П. Бурдьё на индивидуальном уровне понимал социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных

с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [2, с. 66].

Р. Патнем заложил традицию в типологизации социального капитала, в основе которой лежит идея о том, что социальный капитал складывается в результате преодоления разрывов в социальных сетях через слабые связи или в результате укрепления внутригрупповых сильных связей [3]. Кроме типов связей вид социального капитала определяется такими характеристиками, как частота взаимодействия, однородность состава участников социальной сети. Комбинация этих характеристик дает представление о разных видах социального капитала: в сетях с формальными крепкими связями формируется социальный капитал закрытого типа (*bonding social capital*, или связующий социальный капитал), а в сетях с неформальными слабыми связями – социальный капитал открытого типа (*bridging social capital*, или соединяющий социальный капитал).

Дж. Нахапиев и С. Гошал сгруппировали такие элементы социального капитала, как доверие, нормы, ценности, убеждения, и ввели традицию выделять три формы социального капитала в зависимости от доминирующих элементов: структурную, реляционную и когнитивную [4, р. 248].

Однако все чаще ученые отказываются от идей автономного существования онлайн и офлайн социальных пространств и развивают идеи взаимной дополняемости и взаимного влияния офлайн- и онлайн-пространств. Виртуальный социальный капитал – это совокупность реальных или потенциальных ресурсов, заложенных в сети отношений, которые формируются и поддерживаются индивидами на социотехнических интернет-платформах (сайтах социальных сетей, в мессенджерах). Социальный капитал приобретает в Интернете дополнительные характеристики, обеспеченные особенностями виртуального социального пространства. В Интернете появились новые типы связей (латентные или скрытые), новый тип социального капитала – «поддерживающий» [5, р. 1155]. Основные труды, раскрывающие данные идеи, принадлежат Н. Эллисон, С. Стейнфилду, С. Лэмпу [6]. Современные исследователи считают, что социальный капитал онлайн по отношению к офлайн можно охарактеризовать как медиатизированный, многомерный и более зависимый от информации [7, с. 101].

Исследовательский опыт упомянутых авторов показал, что можно измерять «объективный» или/и «воспринимаемый» виртуальный социальный капитал. Оценка объективного социального капитала происходит через измерение автоматически собранных серверных данных об интернет-пользователях и их поведении. Оценка воспринимаемого социального капитала происходит через измерение субъективного восприятия индивидом элементов его социального капитала. Такое разделение оправдано, потому что в природе виртуального социального капитала сильной является его социально-психологическая составляющая, и только лишь объективными серверными данными ее сложно зафиксировать. Измерение воспринимаемого виртуального социального капитала остается актуально еще и потому, что «путем механического сложения индивидуальных уровней социального капитала невозможно оценить социальный капитал группы или общества как единой системы» [8, с. 4].

В данном исследовании производилось измерение только «воспринимаемого» виртуального социального капитала. Это произошло из-за того, что в исследовании ставились

задачи измерить совокупный виртуальный социальный капитал общности, которая присутствует на разных интернет-платформах. Пока нет возможности получать достоверные кросс-платформенные данные об интернет-пользователях и их поведении из-за различающегося функционала каждой интернет-площадки, разных наборов данных и методик их сбора. В таких условиях измерение воспринимаемого виртуального социального капитала позволяет оценить общие принципы поведения в ситуации многоплатформенности и подвижного ландшафта интернет-платформ, а измерение «объективного» виртуального социального капитала возможно применять только к отдельной интернет-платформе. В условиях разнообразия социальных интернет-платформ, законодательных изменений приоритетным становится изучение (особенно в долгосрочной перспективе) воспринимаемого виртуального социального капитала, так как он может показать заложенные индивидуальные паттерны поведения ученого в Интернете по отношению к своему социальному капиталу, в частности, насколько гибко и быстро молодые ученые могут адаптироваться к новым условиям.

Анализ опыта измерения виртуального социального капитала на индивидуальном уровне показал, что в современной практике существует большое разнообразие методик измерения социального капитала либо через компоненты (вовлеченность в социальные сети, взаимность, доверие, социальные нормы, социальная активность), либо через комплексные опросные модели, например, трехкомпонентную модель социального капитала К. Лина [9], шестикомпонентную модель С. Чиу [10]. Часто именно эти модели без адаптации используются для измерения виртуального социального капитала. Исключением является авторская двухкомпонентная модель Д. Уильямса, который разработал инструментарий, фиксирующий социальный капитал открытого (bridging) и закрытого (bonding) типа обособленно для офлайн- и онлайн-сред [11].

Данные модели позволяют с разной степенью детализации оценить виртуальный социальный капитал на определенных интернет-площадках или для специфических социальных общностей. Соотношение содержания опросных моделей схематически представлено на рис. 1.

Трехкомпонентная модель К. У. Лин (2011)	Шестикомпонентная модель С.-М. Чиу (2006)	Модель D. Williams (2006)
взаимодействие	взаимодействие	онлайн социальный капитал закрытого типа социальный капитал открытого типа
доверие	доверие	
разделяемые ценности	ожидание	офлайн социальный капитал закрытого типа социальный капитал открытого типа
	идентификация	
	язык	
	общие взгляды	

Рис. 1. Опросные модели, измеряющие виртуальный социальный капитал
Fig. 1. Survey models measuring virtual social capital

При разработке инструментария данного исследования были учтен опыт упомянутых авторов, а разработанные ими опросные модели использованы с адаптацией под особенности академической среды и возможности Интернета как пространства профессиональной деятельности и коммуникации молодых ученых. Оценка таких элементов, как характер взаимодействия, доверие, общий язык и взгляды, идентификация и ожидания, важна для определения вида формируемого виртуального социального капитала и стратегий его формирования. Дополнительно был включен блок вопросов, оценивающих представленность и активность молодых ученых на академических и неспециализированных интернет-сервисах в рамках научной деятельности. Учитывая многоплатформенность академической интернет-среды, данный блок позволил выявить приоритетные площадки формирования социальных сетей ученых, рассмотреть основные виды деятельности, которые используют ученые при взаимодействии и формировании виртуального социального капитала. Вопросы о социально-демографических и профессиональных характеристиках респондентов использовались для того, чтобы выявить зависимые переменные при формировании виртуального социального капитала определенного вида.

Тестирование инструментария проводилось на базе Новосибирского государственного технического университета в январе–апреле 2022 г. Эмпирической базой исследования стали молодые ученые следующих групп: аспиранты всех лет обучения, ППС без ученой степени в возрасте до 35 лет, ППС со степенью кандидата наук в возрасте до 35 лет и ППС со степенью доктора наук в возрасте до 45 лет. Генеральная совокупность для проведения опроса с участием ППС и аспирантов НГТУ на момент проведения исследования составила 361 чел. Для проведения репрезентативного исследования была определена выборочная совокупность в количестве 186 чел. (погрешность 5 %). Тип выборки – стратифицированная, с квотированием по факультетам. Обработка данных, полученных количественным методом, осуществлялась с помощью программы «SPSS».

Результаты и обсуждение. Согласно результатам опроса соотношение мужчин и женщин в исследовании примерно одинаковое (51 % и 49 % соответственно). Распределение респондентов по академическому статусу показало, что наибольший сегмент – это молодые ученые без научной степени (67,7 %). Доля кандидатов наук составляет 28 %, а докторов наук – 4,3 %. Наибольший сегмент по научной области сформирован представителями технических наук (50 %), что соответствует профилю вуза. Доля представителей общественных наук – 21 %, естественных наук – 18 %, а гуманитарных – 11 %. Средний возраст респондентов – 30 лет.

Представленность и активность молодых ученых в Интернете. Далее рассмотрим результаты количественного анализа присутствия молодых ученых на специализированных и неспециализированных интернет-площадках. Заранее необходимо отметить, что в других исследованиях состава академической интернет-аудитории выявлялось, что молодые ученые не являются ни самым многочисленным, ни самым активным сегментом, проявляя сдержанность в поведении [12, с. 128]. Этот факт противоречит устойчивому представлению, что более молодые поколения легче, быстрее и качественнее осваивают доступные интернет-технологии и интернет-сервисы. В данном исследовании стояла задача подтвердить эти результаты, для чего был оценен аудиторный состав академических интернет-платформ.

На рис. 2 показано, какими социальными интернет-платформами пользуются молодые ученые НГТУ с разной частотой для поддержания профессиональных связей.

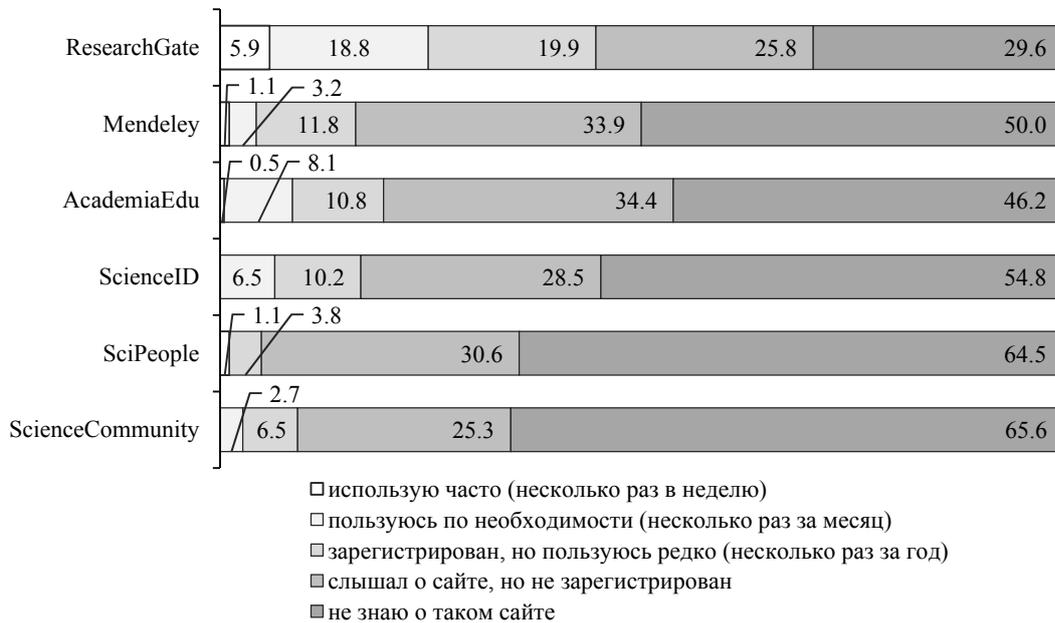

Рис. 2. Использование академических интернет-платформ молодыми учеными НГТУ (%)
Fig. 2. Academic Internet platforms used by young scientists of NSTU (%)

Молодые ученые больше всего осведомлены о существовании и активно используют в научной деятельности сайт ResearchGate. Такие высокие показатели связаны с тем, что этот сайт индексируется поисковыми системами и используется как репозиторий научных публикаций. Также это иллюстрирует сложившуюся ситуацию, когда прикладная составляющая сайта важнее коммуникативной. Меньше всего молодые ученые НГТУ осведомлены о существовании российских академических социальных сетей.

Как показано на рис. 3, среди неспециализированных интернет-платформ сайты социальных сетей не являются приоритетными, а уступают электронной почте и мессенджерам.

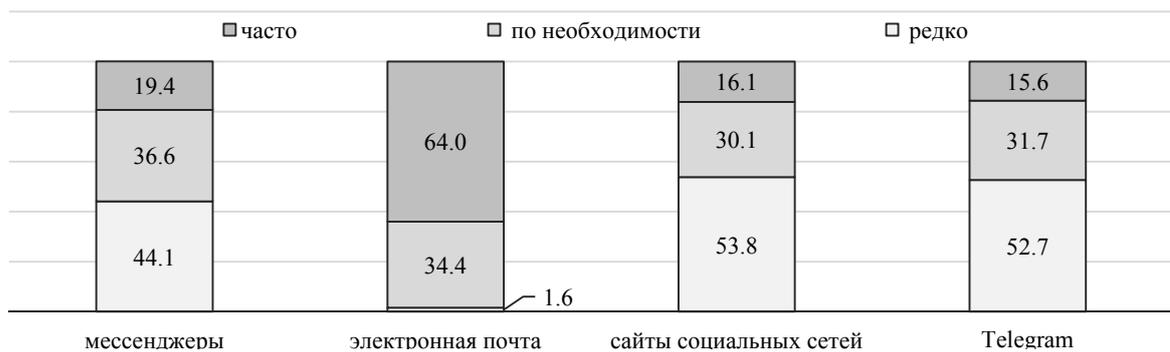

Рис. 3. Использование неспециализированных интернет-сервисов молодыми учеными НГТУ для научной деятельности (%)
Fig. 3. Non-specialized Internet services used by young scientists of NSTU for scientific activities (%)

Молодые ученые, учитывая специфику коммуникации на данных сайтах, выбирают личную прямую коммуникацию с использованием крайне традиционного для академической среды канала коммуникации – электронной почты.

Для анализа активности использования всех предложенных респондентам в опросе интернет-платформ в ходе снижения размерности методом факторного анализа было выявлено два больших компонента: специализированные академические (Mendeley, Academia.Edu, ScienceId, SciPeople, Scientific Community) и неспециализированные (сайты социальных сетей, например, ВКонтакте, мессенджеры и электронная почта). ResearchGate вошел во вторую группу: его воспринимают и используют не как академическую социальную сеть, а как универсальную интернет-платформу. Сравнение двух компонентов (их средних значений) показало, что в своей научной деятельности молодые ученые больше используют неспециализированные интернет-сервисы, чем академические интернет-платформы.

Для формирования виртуального социального капитала важно то, насколько активны молодые ученые в Интернете и какие действия они совершают. Основные поведенческие практики молодых ученых в Интернете связаны со сбором информации. Такое поведение характеризует их как «пользователей-интровертов»: они практически полностью игнорируют коммуникацию с коллегами (практикуют только 5,4 % респондентов) в пользу поиска информации о возможностях публикации статей и участия в мероприятиях (характерно для 64 % респондентов), поиска и сохранения чужих научных статей, монографий (характерно для 52,6 % респондентов).

При выявлении факторов, которые влияют на деятельность молодых ученых на академических и неспециализированных интернет-платформах, были выявлены следующие статистически значимые закономерности. Ученая степень влияет на коммуникационные практики респондентов (характерно для ученых без степени – 60 %), желание делиться своими работами, публикациями (характерно для кандидатов наук – 53 %) и искать и использовать чужие (характерно для ученых без степени – 56 %). Обнаружена связь между научной областью и использованием интернет-сервисов для проведения исследований (характерно для представителей наук технических – 44 % и общественных – 38 %) и поиска информации о возможности публикации статей и участия в мероприятиях (характерно для технических наук – 48 %). Чем «старше» молодой ученый, тем выше вероятность вступления в дискуссии и использования академических связей для проведения исследований.

Самопрезентация ученого как вид деятельности важна в Интернете для формирования социального капитала, так как позволяет идентифицировать ученого, сформировать ожидания от взаимодействия и прогнозировать его поведение. Для неспециализированных интернет-платформ первостепенен сам факт самопрезентации интернет-пользователя как ученого, а для академических платформ – характер и интенсивность самопрезентации. Как показано на рис. 4, более половины респондентов считают, что по тому, как сейчас они представлены в Интернете (на неспециализированных интернет-платформах), нельзя понять, что они связаны с наукой, хотя они используют интернет-платформы в научной деятельности, например для поиска информации, участия в интернет-сообществах.

Переменные «самопрезентационная деятельность в Интернете» и «ученая степень» являются статистически значимыми: самопрезентация ученого увеличивается по мере получения более высокого академического статуса. Это означает, что самопрезентационное поведение не является базовой характеристикой всего научного интернет-сообщества, это приобретаемый в ходе профессиональной деятельности стандарт поведения.

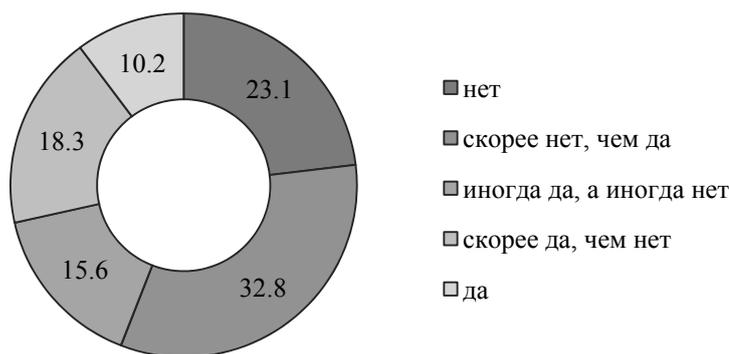

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «По Вашим аккаунтам на сайтах многопрофильных социальных сетей можно понять, что Вы занимаетесь научной деятельностью?» (%)
Fig. 4. Answers to the question «Is it clear according to your accounts on the multidisciplinary SNS that you are engaged in scientific activities?» (%)

Вид формируемого социального капитала. Согласно одной из гипотез исследования молодые ученые формируют виртуальный социальный капитал закрытого типа. Следует отметить, что разделение на «открытый» и «закрытый» социальный капитал не стоит воспринимать по аналогии с «хороший, эффективный» и «плохой, неэффективный». Предположение основано на идее о том, что академическое сообщество является закрытым для чужаков по разным основаниям (принадлежность к научной школе, научной области или организации). Подтверждают это такие явления, как «туземная наука» [13], «академический имбридинг» [14], даже в условиях глобализации и продвигаемых ценностей открытой науки. Предположение состоит в том, что молодые ученые принимают эти правила игры ценой своего вступления и принятия в академическую среду.

Основываясь на существующих теоретических подходах для разделения социального капитала на открытый и закрытый виды, в основу расчетов показателей для каждого вида мы взяли следующие параметры: сила связи, частота общения, дублирование социальных сетей на множестве платформ, ориентация на сохранение или расширение сети связей, наличие чувства принадлежности к большим социальным общностям, практики обращения с собственными и чужими ресурсами, нормы взаимности и доверие.

Количество молодых ученых НГТУ, формирующих виртуальный социальный капитал закрытого вида (62,9 %), превышает количество молодых ученых, формирующих виртуальный социальный капитал открытого вида (37,1 %). Связи между видом социального капитала и возрастной группой, научной областью и ученой степенью являются незначимыми. Зато было найдена значимая связь ($p < 0,05$) между видом социального капитала и полом: женщины формируют социальный капитал закрытого вида, а мужчины – открытого.

Источники формирования сети и ее состав. Молодые ученые НГТУ реализуют в Интернете такое поведение, при котором источником связей для структуры виртуального социального капитала выступают офлайн-сети взаимодействий. Можно сказать, что сила офлайн-связей значительно больше онлайн-связей, она дополнительно укрепляется в интернет-среде, а все социальные интернет-платформы используются как дополнительный канал коммуникации, а не как социальная среда и пространство возможностей для расширения научных контактов.

У 55,8 % респондентов виртуальные социальные сети сформированы интернет-пользователями, чей научный статус выше их собственного, у 40,8 % – равен, а у 3,4 % ниже.

Более 60 % респондентов отметили, что круг их научного общения в Интернете составляет не более 10 чел. Размер социальной сети ученого незначительно увеличивается с возрастом и получением кандидатской степени. Переломным этапом является получение степени доктора наук. Как показано на рис. 5, у большинства респондентов круг общения формируется из офлайн-знакомых, с которыми есть постоянный контакт вне Интернета (63 %), или офлайн-знакомых, с которыми нет возможности взаимодействовать вне Интернета (29 %).

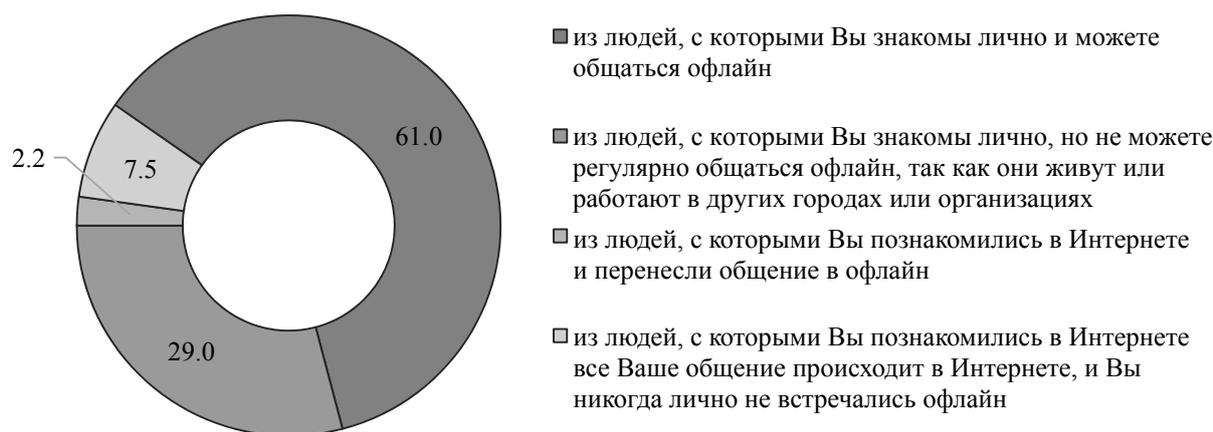

Рис. 5. Источники формирования сети связей ученых (%)
Fig. 5. Sources for the formation of scientists' network (%)

Показатель источника формирования социальной сети зависит от возраста. Молодые ученые среднего возрастного сегмента чаще остальных переносят свои социальные связи из офлайн в онлайн. Судя по размеру социальной сети, опыту офлайн-взаимодействия, соотношению статусов, молодые ученые «оцифровывают» в Интернет свою академическую офлайн-сеть, при этом этот же сегмент в большей степени осознает свою принадлежность к глобальной науке благодаря Интернету.

Анализ компонентов, которые выступают в качестве основы выстраивания отношений в Интернете, выявил, что показатели доверия к людям, ожидание взаимности находятся на высоком уровне, зависимы от показателя виртуального социального капитала. Показатель доверия важен в условиях происходящих глобальных инфраструктурных перемен, реформ, когда социальные отношения постоянно существуют в ритме маятника: от конфликтов к конвенциям и наоборот [15, с. 256]. Это доказывает наличие готовности, предрасположенности к взаимодействиям в интернет-среде. Однако при высоком уровне ожиданий взаимно выгодного поведения, многие респонденты (57 %) указали, что доверие к информации зависит от контекста и информация нуждается в перепроверке. Раздельное изучение аспектов доверия особенно важно в академической среде, поскольку специфично в отношении разных объектов: информации, людей, аккаунтов, интернет-сообществ и так далее [16, с. 265].

Кроме построения эго-сетей, современные социальные интернет-платформы позволяют ученым создавать сообщества или вступать в них. На рис. 6 показано распределение ответов на вопрос о том, в каких интернет-сообществах состоят респонденты.

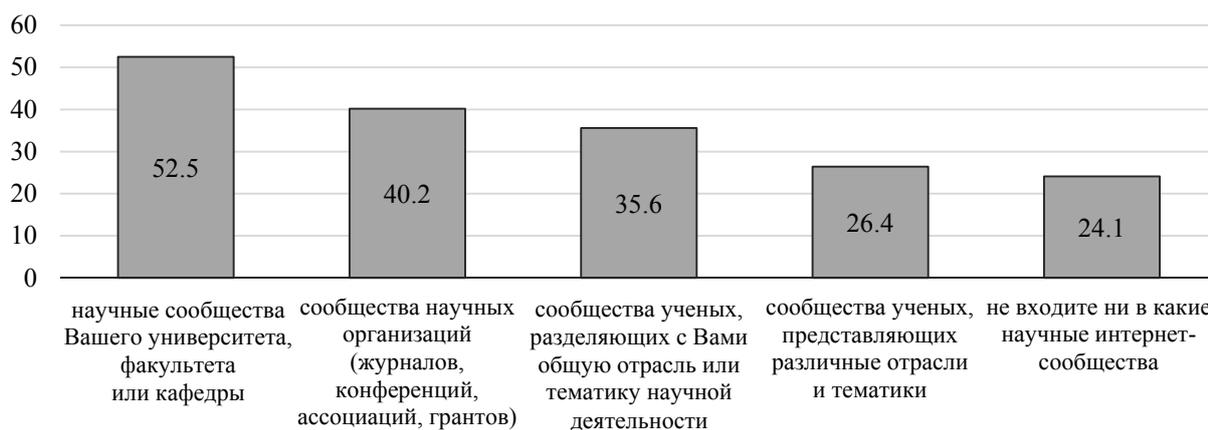

Рис. 6. Участие молодых ученых в интернет-сообществах (% от общего числа респондентов)
Fig. 6. Participation in internet communities (% of all respondents)

Чуть больше половины респондентов вступают в научные интернет-сообщества организации (подразделения), к которым принадлежат. Основными критериями, по которым молодые ученые принимают решение о вступлении в сообщество, являются следующие параметры: соответствие научному направлению или теме, потенциальная возможность найти полезные материалы (публикации, информацию о мероприятиях, ссылки на интернет-ресурсы). Только треть респондентов утверждает, что при выборе интернет-сообщества им важны рекомендации знакомых, возможность установить «полезные» социальные связи.

Обращение с ресурсами. Содержание взаимодействия строится на распределении разнообразных ресурсов – от времени и эмоциональной поддержки до материальных выгод, поэтому поведенческие паттерны, связанные с обращением ресурсов, активно изучаются при объяснении процесса формирования социального капитала и распоряжения им. Для академической среды специфичным является то, что на процесс и условия обмена, в частности, готовность предоставлять, потреблять ресурсы, в большей степени влияют не индивидуальные установки, а нормы и ценности социальных сетей, в которые вовлечены ученые. Учитывая виды академической деятельности и виды необходимой информации, а также технические возможности интернет-среды для передачи этой информации, процессы информационного обмена в академической виртуальной среде могут включать в себя следующие формы: обмен информацией о релевантных объектах (документах, мероприятиях); обмен информацией о содержании соответствующих объектов; обмен информацией о новых и эффективных способах поиска соответствующих объектов или источников информации; обмен соответствующими объектами (файлами, гиперссылками). Формы информационного обмена представлены в порядке усиления их значения для ученого. Для передачи наиболее ценной формы – самого объекта – необходимы высокий уровень доверия между учеными, взаимные договоренности или ожидание ответного действия с сопоставимым уровнем значимости. Для интернет-среды возрастающее значение обмениваемых ресурсов будет еще означать выбор более персонализированного, приватного канала передачи, например, личных сообщений, а не публикации для массового доступа.

На вопрос «Как Вы думаете, сколько людей из Вашего научного круга общения в Интернете будут готовы помочь Вам в научной деятельности?» 31,7 % респондентов ответили,

что значительная часть, 35,8 % – незначительная часть, а 23,3 % – примерно половина. Больше половины опрошенных молодых ученых НГТУ демонстрируют позитивные ожидания от участия в научных интернет-сообществах.

Молодые ученые демонстрируют асимметричную модель поведения, игнорируя нормы взаимности при распределении ресурсов внутри социальной группы, что показано на рис. 7.

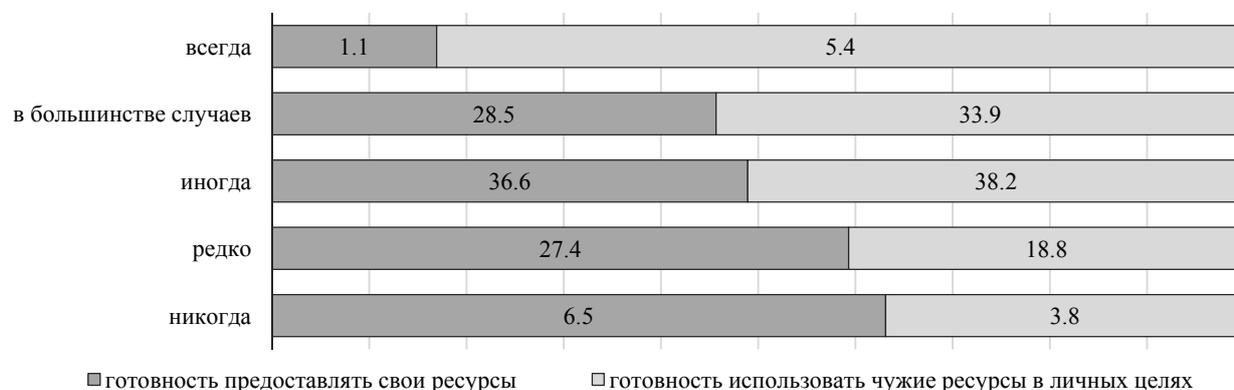

Рис. 7. Стратегии обращения со своими и чужими ресурсами (%)
Fig. 7. Strategies for handling own and others resources (%)

Альтруистическое поведение в отношении предоставления ресурсов демонстрируют самый старший и младший сегменты молодых ученых. Однако средний сегмент крайне негативно относится к возможности предоставления своих ресурсов другим. При этом вне зависимости от возраста, академического статуса молодые ученые готовы использовать чужие ресурсы.

Заключение. Оценка теоретической базы показала, что данная тема находится в фазе формирования, наследуя традиционные представления «классиков» в области изучения социального капитала и дополняя их специфическими для интернет-пространства свойствами. В отечественной и зарубежной практике сформировался незначительный опыт измерения виртуального социального капитала, особенно специфических социальных общностей, к которым относятся ученые. Проведенная работа была направлена на создание инструментария, способного зафиксировать черты поведения при формировании социального капитала в Интернете, и использование его для измерения виртуального социального капитала молодых ученых. Перспективность проделанной работы связана с тем, что разработанный инструментарий может быть использован для управления (диагностики, оптимизации, планирования) в интересах как отдельного ученого, так и научной организации или государства.

Измерение виртуального социального капитала молодых ученых НГТУ проводилось по нескольким направлениям. Прежде всего выявлялись социально-демографические и профессиональные характеристики, которые в дальнейшем выступали в роли факторов, влияющих на поведение по отношению к формированию виртуального социального капитала. Была проведена оценка представленности и активности респондентов на академических и неспециализированных интернет-сервисах в рамках научной деятельности. Для определения вида формируемого виртуального социального капитала и выявления стратегий формирования виртуального социального капитала оценивались источники формирования лич-

ных сетей контактов в Интернете, практики вступления в интернет-сообщества, формирование доверия, принятие норм поведения, готовность инвестировать время, усилия и иные ресурсы для получения ожидаемых выгод.

Согласно результатам опроса молодые ученые НГТУ реализуют асимметричную стратегию в обращении с ресурсами (готовы больше потреблять, чем инвестировать), не практикуют самопрезентацию, расширение социальных контактов в Интернете. Молодые ученые НГТУ реализуют такое поведение, при котором источником связей для онлайн-структуры социального капитала выступают офлайн-сети взаимодействий. При такой стратегии можно говорить о том, что сила офлайн-связей значительно больше онлайн-связей, она дополнительно укрепляется в интернет-среде, а все социальные интернет-платформы используются как дополнительный канал коммуникации, а не как социальная среда и пространство возможностей для научной деятельности.

Такое поведение молодых ученых НГТУ определяется не категорией возраста, а, скорее, академическим статусом, иногда принадлежностью к определенной дисциплине. Разрушается представление, что более молодые ученые проявляют большую заинтересованность и компетентность в использовании возможностей интернет-платформ для построения социального капитала. В этом случае можно говорить скорее о навыке формирования виртуального социального капитала, который появляется в ходе профессиональной деятельности, общения с коллегами и наблюдения за их поведением. Как и любой профессиональный навык, он требует освоения, закрепления на практике, интеграции в профессиональную деятельность.

Социальный капитал молодых ученых имеет нереализованный потенциал роста в Интернете. Для дальнейших исследований актуальным становится изучение причин, барьеров, мотивации в формировании виртуального социального капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vergeer M., Lim Y. S., Park H. W. Mediated relations: new methods to study online social capital // *Asian J. of Communication*. 2011. Vol. 21, iss. 5. P. 430–449. DOI: 10.1080/01292986.2011.592203.
2. Бурдые П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
3. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. NY: Touchstone book by Simon & Schuster, 2000.
4. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23, № 2. P. 242–266. DOI: 10.2307/259373.
5. Ellison N. B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of facebook «friends»: social capital and college students' use of online social network sites // *J. of Computer-Mediated Communication*. 2007. Vol. 12, iss. 4. P. 1143–1168. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x.
6. Ellison N. B., Steinfield C., Lampe C. Connection strategies: social capital implications of Facebook-enabled communication practices // *New Media & Society*. 2011. Vol. 13, iss. 6. P. 873–892. DOI: 10.1177/1461444810385389.
7. Игнатъев В. И., Кузин С. А. «Дополненное» социальное пространство: сети и структуры «Second Life» // *Идеи и идеалы*. 2014. Т. 6, № 4 (22). С. 100–114. DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-100-114.
8. Татарко А. Н. *Социальный капитал как объект психологического исследования*. М.: Макс-пресс, 2011.

9. Lin K. Y., Lu H. P. Intention to continue using Facebook fan pages from the perspective of social capital theory // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2011. Vol. 14, no. 10. P. 565–570. DOI: 10.1089/cyber.2010.0472.
10. Chiu C.-M., Hsu M.-H., Wang Eric E. T. Understanding knowledge sharing in virtual communities: an integration of social capital and social cognitive theories // *Decision Support Systems*. 2006. Vol. 42, iss. 3. P. 1872–1888. DOI: 10.1016/j.dss.2006.04.001.
11. Williams D. On and off the 'net: scales for social capital in an online era // *J. of Computer-Mediated Communication*. 2006. Vol. 11, iss. 2. P. 593–628. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2006.00029.x.
12. Душина С., Хватова Т., Николаенко Г. А. Интернет-сети: платформа научного обмена или Инстаграм для ученого? (на примере ResearchGate) // *Социол. исслед.* 2018. № 5. С. 121–131. DOI: 10.7868/S0132162518050112.
13. Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. 2013. № 19. С. 239–275.
14. Сивак Е. В., Юдкевич М. М. Академический имбридинг: за и против // *Вопросы образования*. 2009. № 1. С. 170–188. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2009-1-170-187>.
15. Осьмук Л. А. Конфликты и конвенции: инверсии социальных отношений // *Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: материалы Сибирс. социол. форума с междунар. уч., Новосибирск, 24 ноября 2017 г. / Новосибир. гос. ун-т экон. и упр. «НИНХ». Новосибирск, 2017. С. 255–259.*
16. Харламов А. В. Феномен доверия в научной коммуникации и его влияние на репутацию вуза // *Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 26–28 апреля 2017 г. / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2017. С. 262–267.*

Информация об авторе.

Поддьячая Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления, ул. Каменская, д. 56, Новосибирск, 630099, Россия. Автор 14 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальный капитал, сетевой анализ, сайты социальных сетей, интернет-коммуникация, репутация, маркетинг, связи с общественностью.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.10.2022; принята после рецензирования 30.11.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Vergeer, M., Lim, Y.S. and Park, H.W. (2011), "Mediated relations: New methods to study onlinesocial capital", *Asian J. of Communication*, vol. 21, iss. 5, pp. 430–449. DOI: <https://doi.org/10.1080/01292986.2011.592203>.
2. Bourdieu, P. (2002), "Forms of capital", Transl. by Dobryakova, M.S., *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74.
3. Putnam, R.D. (2000), *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, Touchstone book by Simon & Schuster, NY, USA.
4. Nahapiet, J. and Ghoshal, S. (1998), "Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage", *Academy of Management Review*, vol. 23, no. 2, pp. 242–266. DOI: <https://doi.org/10.2307/259373>.
5. Ellison, N.B., Steinfield, C. and Lampe, C. (2007), "The benefits of facebook «friends»: social capital and college students' use of online social network sites", *J. of Computer-Mediated Communication*, vol. 12, iss. 4, pp. 1143–1168. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x.

6. Ellison, N.B., Steinfield, C. and Lampe, C. (2011), "Connection strategies: Social capital implications of Facebook-enabled communication practices", *New Media & Society*, vol. 13, iss. 6, pp. 873–892. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x>.

7. Ignatyev, V.I. and Kuzin, S.A. (2014), "Augmented" social space: nets and structures of second life", *Ideas and Ideals*, vol. 6, no. 4 (22), pp. 100–114. DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-100-114.

8. Tatarko, A.N. (2011), *Sotsial'nyi kapital kak ob'ekt psikhologicheskogo* [issledovaniya Social capital as an object of psychological research], Maks-press, Moscow, RUS.

9. Lin, K.Y. and Lu, H.P. (2011), "Intention to continue using Facebook fan pages from the perspective of social capital theory", *Cyberpsychology, Behaviour, and Social Networking*, vol. 14, no. 10, pp. 565–570. DOI: 10.1089/cyber.2010.0472.

10. Chiu, C.-M., Hsu, M.-H. and Eric Wang, T.G. (2006), "Understanding knowledge sharing in virtual communities: an integration of social capital and social cognitive theories", *Decision Support Systems*, vol. 42, no. 3, pp. 1872–1888. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dss.2006.04.001>.

11. Williams, D. (2006), "On and off the 'net: scales for social capital in an online era", *J. of Computer-Mediated Communication*, vol. 11, iss. 2, pp. 593–628. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.00029.x>.

12. Dushina, S.A., Khvatova, T.Y. and Nikolaenko, G.A. (2018), "Academic internet networks: a platform for scientific exchange or Instagram for scientists? (The case of ResearchGate)", *Sociological Studies*, no. 5, pp. 121–131. DOI: 10.7868/S0132162518050112.

13. Sokolov, M.M. and Titaev, K.D. (2013), "Provincial and native science", *Forum for Anthropology and Culture*, no. 19, pp. 239–275.

14. Sivak, E.V. and Yudkevich, M.M. (2009), "Academic Inbreeding: Pro and Contra", *Educational Studies Moscow*, no. 1, pp. 170–188. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2009-1-170-187>.

15. Osmuk, L.A. (2017), "Conflicts and conventions: inversions of social relations", *Sotsial'nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sotsiologii* [Social practices and management: a problematic field of sociology], Novosibirsk, RUS, November 24 2017, pp. 255–259.

16. Kharlamov, A.V. (2017), "The phenomenon of trust in scientific communication and its impact on the reputation of the university", *Sovremennoe kommunikatsionnoe prostranstvo: analiz sostoyaniya i tendentsii razvitiya* [Modern communication space: analysis of the state and development trends], Novosibirsk, RUS, April 26–28 2017, pp. 262–267.

Information about the author.

Ekaterina A. Poddyachaya – Senior Lecturer at the Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management, 56 Kamenskaya str., Novosibirsk 630099, Russia. The author of 14 scientific publications. Area of expertise: social capital, network analysis, social networking sites, Internet communication, reputation, marketing, public relations.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.10.2022; adopted after review 30.11.2022; published online 22.02.2023.

Оригинальная статья
УДК 316.022
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-84-96>

Социальная интеграция польского национального меньшинства в Литве

Снежана Сергеевна Старовойтова¹, Любовь Александровна Лебединцева²✉

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹snezka370@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9702-5786>

²✉l.lebedintseva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>

Введение. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть социальную интеграцию национальных меньшинств в Литве. Научная новизна данного исследования заключается в выявлении основных социальных механизмов интегрирования национальных меньшинств. Авторы фокусируют свое внимание на интеграции представителей польского национального меньшинства ввиду их многочисленности и активной политической позиции.

Методология и источники. В ходе исследования большое внимание было уделено работам литовских социологов, благодаря которым изучались понимание термина «социальная интеграция» применительно к кейсу Литвы, идентичность проживающих в Литве поляков, а также интеграция национальных меньшинств в литовское общество посредством системы образования. В рамках исследования были проведены экспертные и нарративные интервью с представителями польского национального меньшинства для более глубокого понимания ситуации.

Результаты и обсуждение. На основании данных, полученных в ходе исследования, авторы приходят к выводу, что существующее в Литве законодательство создает благоприятные условия для защиты прав национальных меньшинств, а также способствует сохранению их идентичности и развитию культур. Однако несмотря на это, представители национальных меньшинств изъявляют желание обладать отдельным законом о национальных меньшинствах, который бы четко определял и регулировал их права. Важным показателем интегрированности национальных меньшинств является владение литовским языком.

Заключение. Система образования создает возможности для национальных меньшинств приобрести необходимые компетенции и хорошо овладеть государственным литовским языком. А коммуникация способствует совершенствованию языковых навыков. Именно хорошее владение государственным литовским языком способствует обогащению круга общения и интеграции в литовскую социальную систему.

Ключевые слова: национальные меньшинства, Литва, интеграция, польское национальное меньшинство, литовский язык, идентичность

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-311-90025 «Социально-экономические механизмы интеграции национальных меньшинств в Литве»).

Для цитирования: Старовойтова С. С., Лебединцева Л. А. Социальная интеграция польского национального меньшинства в Литве // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 84–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-84-96.

© Старовойтова С. С., Лебединцева Л. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Social Integration of the Polish National Minority in Lithuania

Snezana S. Starovoitova¹, Liubov A. Lebedintseva²

^{1,2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*snezka370@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9702-5786>*

²*l.lebedintseva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>*

Introduction. This article aims to examine social integration of national minorities in Lithuania. The scientific novelty of this study represents identification of the main social mechanisms that influence the integration of national minorities. The author focuses on the integration of Polish minority due to their large number and active political position.

Methodology and sources. Throughout the study, big attention was paid to the scientific articles and monographs of Lithuanian sociologists, thanks to which the term “social integration” in relation to the Lithuanian case, the identity of the Poles living in Lithuania, as well as the integration of national minorities into Lithuanian society through the education system were studied. Moreover, expert and narrative interviews with representatives of the Polish minority were conducted in order to better understand the situation.

Results and discussion. Based on the data, the authors came to the conclusion that current legislation creates favorable conditions for the protection of the rights of national minorities, contributes to the preservation of their identity and development of culture. However, representatives of national minorities express the desire to have a separate law on national minorities that would clearly define and regulate their rights. Lithuanian language skills are seen as an important indicator evaluating integration of national minorities.

Conclusion. The education system creates opportunities for national minorities to acquire necessary competencies and learn Lithuanian language. Communication contributes to the improvement of language skills. Good knowledge of Lithuanian language contributes to the expansion of the circle of contacts and integration into the Lithuanian social system.

Keywords: national minorities, Lithuania, integration, Polish national minority, Lithuanian language, identity

Source of financing: the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-311-90025 “Socio-Economic Mechanisms of the Integration of National Minorities in Lithuania”).

For citation: Starovoitova, S.S. and Lebedintseva, L.A. (2023), “Social Integration of the Polish National Minority in Lithuania”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 84–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-84-96 (Russia).

Введение. Интеграция национальных меньшинств в современном многонациональном мире является одной из наиболее актуальных тем, особенно для государств, где проживают различные национальные меньшинства. Таким государством является Литовская Республика. Национальные меньшинства в Литве играют немаловажную роль, так как по данным переписи населения 2021 г. 13,6 % населения Литвы идентифицируют себя как представители национальных меньшинств и лица нелитовского происхождения; 84,6 % населения Литвы считают себя литовцами [1]. Польское национальное меньшинство является самым многочисленным и составляет 6,5 % от общего населения Литвы [1]. Польское национальное меньшинство компактно проживает в юго-восточной части Литвы, а именно на территории Вильнюсского местного и районного самоуправлений и в Шальчининкайском районе. Поляки составляют численное большинство в Шальчининкайском районе – 76 % от общего

населения; в Вильнюсском местном и районном самоуправлениях их число также является весьма значительным – 15 % и 47 % [1]. Польское национальное меньшинство представляется как политически активная, хорошо мобилизованная группа, требующая и отстаивающая определенные права, связанные с использованием польского языка в общественных сферах, а также в школах, где обучение ведется на языках меньшинств. Учитывая сплоченность литовских поляков, а также компактность их проживания в Шальчининкайском и Вильнюсском местном и районном самоуправлениях, в данном исследовании выдвигается гипотеза о присущей польской этнической группе замкнутости, которая не позволяет полноценно участвовать в межкультурной коммуникации. Для сохранения устойчивости жизнедеятельности литовского общества с его многообразием национальных групп особенно необходимо обеспечить «позитивный» интеграционный процесс, а именно гармоничное взаимодействие и сосуществование различных культур, традиций и языков в рамках единого литовского общества. Поэтому вопрос интеграции польского национального меньшинства в Литве требует внимания со стороны научного сообщества, так как является важным для стабильной жизнедеятельности социальной системы Литвы.

Основной целью исследования является выявление основных социальных механизмов интегрирования польского национального меньшинства в Литве. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: уточнить понимание социальной интеграции этнических групп в доминирующий этнос применительно к кейсу Литвы; выявить отличительные особенности социальной группы польского этноса; определить основные механизмы, обеспечивающие социальную интеграцию представителей польской этнической группы. Полученные результаты будут способствовать определению основных социальных механизмов, используемых для анализа процессов интегрирования национальных меньшинств в принимающее общество.

Методология и источники. В современной социологической литературе понятию социальной интеграции уделяется недостаточное внимание [2]. Чаще всего современные социологи определяют социальную интеграцию как процесс включения индивида в социальную жизнь общества, а также усвоение им общественных ценностей и норм [3]. Однако социальная интеграция предполагает движение не только индивида к обществу, но и общества к индивиду [4]. По мнению З. Т. Голенковой и Е. Д. Игитханян, наиболее жизнеспособная разновидность социальной интеграции формируется за счет совпадения интересов и целей [5]. Такого же мнения придерживаются социологи Б. Г. Жогин, Т. Ф. Маслова, В. К. Шаповалов, они утверждают, что социальная интеграция выступает в качестве характеристики меры совпадений интересов и целей индивидов и социальных групп [6]. Однако с точки зрения Ю. В. Селивановой и Д. В. Зайцева, представление единства убеждений, целей, ценностей и взглядов индивидов как одного из основных факторов, обеспечивающих социальную интеграцию, следует считать недостаточно правомерным [7]. У каждого индивида имеется собственная система предпочтений, взглядов и ценностей, поэтому интеграцию необходимо рассматривать в качестве совместной активности на базе межличностного взаимодействия. Следовательно, социальная интеграция предполагает процесс включения индивида в социокультурные отношения путем организации совместной интерперсональной деятельности для удовлетворения комплекса потребностей [Там же].

Процесс интеграции разнородных элементов в одно целое способствует приросту качеств и закономерностей к ранее существующим исходным качествам интегрирующихся объектов. Это говорит о том, что в результате соединения целое становится больше суммы входящих в него частей. Другими словами, в процессе интеграции национальных меньшинств в литовское общество в результате образуется новое состояние общества, в котором литовское общество в целом превышает сумму элементов, а именно национальных меньшинств и титульного населения (литовцев).

Вопросу интеграции польского меньшинства в литовское общество посвящены работы литовских социологов Н. Касаткиной, Т. Леончикаса, А. Марцинкявичюса, К. Шлявайте, М. Фреюте-Ракаускене и др. Работы Н. Касаткиной и Т. Леончикаса посвящены изучению теоретического осмысления социальной интеграции национальных меньшинств. Авторы приходят к выводу, что под социальной интеграцией в Литве понимается процесс, в ходе которого сохранение этнической идентичности сочетается с удовлетворением достигнутым социальным статусом [8, 9]. Социальная интеграция предполагает установление оптимальных связей между относительно самостоятельными индивидуумами, группами и дальнейшее их превращение в единую, целостную систему, в которой части согласованы и взаимозависимы на основе общих целей и интересов. А. Марцинкявичюс акцентирует внимание на изучении интеграции национальных меньшинств в контексте современного этнополитического дискурса Литвы. Согласно его мнению, только в последние два десятилетия литовские исследователи стали писать о значимости культурного многообразия Литвы как в современной действительности, так и в историческом контексте [10].

Важный вклад в изучение сферы образования национальных меньшинств в Литве внесла К. Шлявайте. Исследователь фокусирует внимание на интеграционном аспекте национальных меньшинств посредством системы образования и утверждает, что литовский язык является одним из основных элементов социальной интеграции, а школы с литовским языком обучения часто позиционируются как важные структуры, обеспечивающие приобретение компетенций владения государственным языком на самом высоком уровне. Средние образовательные учреждения с языком обучения национальных меньшинств выполняют функцию поддержания национальной идентичности той или иной национальной группы, проживающей в Литве, обеспечивают интеграцию выпускников в разных регионах Литвы (в том числе и в тех регионах, где компактно проживают национальные меньшинства) [11, 12].

Работы М. Фреюте-Ракаускене посвящены изучению этнической составляющей и идентичности национальных меньшинств Литвы, в частности, польского национального меньшинства. Согласно ее мнению, религиозный аспект (католицизм) для поляков играет одну из наиболее важных ролей с точки зрения их этнической идентичности и воспринимается как один из самых ярких аспектов польскости [13]. Исследователь акцентирует внимание на большой финансовой поддержке польскому национальному меньшинству со стороны Польши. Эта поддержка направлена на финансирование деятельности различных польских общественных организаций, СМИ на польском языке в Литве, а также проведение развлекательных мероприятий (экскурсий, лагерей) для детей, обучающихся в школах с польским языком обучения и др. [14]. Исследованию вопроса интеграции польского национального меньшинства в социальную систему Литвы посвящены работы Г. Казенаса,

А. Якубаускаса, И. Гайжаускайте, Р. Кацевичюса, А. Висоцкайте, Д. Даукшаса, в которых изучаются структура идентичности литовских поляков, а также выражение их политической идентичности [15, 16].

Теоретико-методологическая база исследования опирается на результаты научных трудов теоретиков структурного функционализма и неофункционализма. Отправной точкой для исследования выступает концепция Т. Парсонса, который рассматривает социальную систему как совокупность четырех подсистем (социетальное сообщество, фидуциарная подсистема, политика и экономика), выполняющих определенные функции для поддержания стабильности и функциональности общества. Так, функцией социетального сообщества является интеграция, фидуциарной подсистемы – поддержание существующего в обществе культурного образца, который в свою очередь является базисом и предпосылкой интеграции, политической подсистемы – целедостижение, экономической – адаптивная функция через роли, выполняемые индивидами в обществе. Посредством выполнения данных функций происходит социальная интеграция [17].

Последователь идей Т. Парсонса Р. Мертон развивал идеи структурного функционализма. Однако в отличие от Парсонса, который наделяет все структуры социальной системы исключительно позитивными функциями, Мертон придерживается мнения, что некоторые действия могут носить деструктивный характер и негативным образом влиять на систему. Теоретик полагал, что наибольшим влиянием обладают культурные и социальные силы, которые корректируют направление действий человека в нужном для социальной интеграции направлении. Также Р. Мертон выдвинул идею о существовании уровней функционального анализа, поэтому согласно его позиции общество необходимо изучать не только как единое целое, но и как отдельные институты, группы, функционирующие в нем, по отдельности [18]. Несмотря на популярность идей структурного функционализма, в адрес данной теории поступало немало критики. Принимая во внимание критику, Дж. Александер и П. Коломи возродили и модернизировали данную теорию. Теоретики неофункционализма уделяли равное внимание как исследованиям макроуровневых источников и процессов упорядоченности системы, так и микроуровневым моделям поведения. Интеграция в данном случае воспринималась не как свершившийся факт, а как социальная возможность [19].

Большое влияние на интеграцию национальных меньшинств оказал мультикультуральный подход. Основными характеристиками данного направления являются соблюдение прав человека и равенство. А. Веретевская определяет мультикультурализм как подход к решению проблемы поликультурности, для которого основной целью выступает культурный компромисс в качестве фундамента для формирования общего блага. Основными принципами решения вопроса поликультурности выступают: понимание важности культурной составляющей в жизни индивида и общества; равнозначное включение представителей всех культурных групп в жизнь общества; достижение общего блага (мультикультурного компромисса) посредством частичной добровольной культурной трансформации; наилучший способ достижения компромисса – широкий мультикультурный диалог [20]. Благодаря появлению мультикультурального подхода национальные меньшинства почувствовали себя увереннее на международной арене. Основываясь на мнении Н. Глейзера, появление мультикультурализма произошло ввиду неспособности других идей принести ожидаемые

результаты по инкорпорации определенных групп в социальную систему [21]. Основатель концепции мультикультурального подхода У. Кимлика отождествляет данные идеи с процессом либерализации, при котором в обществе будут происходить трансформации, фокусом которых станут развитие идентичности и этнокультурное разнообразие [22].

В современных исследованиях по социальной интеграции большое внимание отводят концепции интеркультурализма. Интеркультурализм подразумевает под собой набор дискурсивных практик, с помощью которых основной упор делается на открытый диалог в обществе. С помощью данного диалога решаются вопросы трансформации общества, а также использования форм культуры и социальности, выраженных в деятельности различных акторов (культурных, этнических). В данном случае во главу угла ставится многомерность различий, и с помощью взаимного диалога множественных акторов достигается консенсус [23].

Результаты и обсуждение. При проведении исследования использовался качественный метод, благодаря которому представилось возможным глубже изучить исследовательский вопрос. Эмпирическое исследование проводилось при помощи интервью с экспертами, осуществляющими трудовую деятельность в области интеграции национальных меньшинств в Литве, и с самими представителями польского национального меньшинства. Интервью проводились в период с января по сентябрь 2021 г. В целом было проведено 18 интервью: 8 экспертных полустандартизированных интервью и 10 нарративных интервью с представителями национальных меньшинств, проживающими в Вильнюсе. Поскольку тематика исследования носит узконаправленный характер, при осуществлении поиска респондентов использовался метод снежного кома. Особенностью при выборе респондентов являлось то, что, за исключением первого шага, выбор каждого последующего участника интервью совершался по указанию респондентов, включенных в выборку на предыдущем шаге. Метод снежного кома полностью оправдал себя, так как способствовал поиску нужных лиц, вовлеченных в узкую исследуемую тематику (особенно экспертов).

Экспертные интервью. В ходе интервью с экспертами было выявлено, что основным инструментом интегрирования национальных меньшинств в Литве является система образования. По словам сотрудника неправительственной организации «Padėk Pritapti»: «Система образования создает основу. Школа – это то учреждение, где все дети независимо от национальности получают одинаковые возможности и знания, которые впоследствии помогут им найти работу, интегрироваться в гражданскую жизнь. Система образования подготавливает специалистов для рынка труда. Важно обладать нужными компетенциями, достигнуть определенного языкового уровня». Литовский язык является ключевым элементом интегрирования как в социальную, так и в экономическую сферы. Благодаря хорошему знанию государственного литовского языка легче найти нужную информацию, коммуницировать, легче найти работу, создать бизнес и т. д. Следовательно, интегрирование рассматривается в качестве создания возможностей для человека хорошо овладеть государственным литовским языком.

В Литве на данный момент отсутствует закон о национальных меньшинствах, в связи с этим отсутствует определение понятия «национальное меньшинство». Дискуссии относительно необходимости принятия такого закона, а также статей, которые должны быть вклю-

чены в данный документ, ведутся с 2011 г. Мнения опрошенных экспертов в данном случае расходятся: некоторые из них полагают, что нормативная база является достаточной, так как положение национальных меньшинств регулируют общие законы и нет необходимости принимать отдельный документ. Другие эксперты придерживаются мнения, что отсутствие отдельного закона затрудняет интеграцию представителей национальных меньшинств. Существующая нормативная база является недостаточной, так как не позволяет реализовать те или иные права при отсутствии законодательной основы. Поэтому новый закон необходим с целью урегулировать существующие противоречия, и самим меньшинствам он придаст чувство защищенности. Расхождение экспертов в данном вопросе свидетельствует об отсутствии единого мнения в обществе о нужности принятия нового закона о национальных меньшинствах. Поэтому его решение может затянуться еще на неопределенное время.

Рассматривая социальную интеграцию представителей польского национального меньшинства, опрошенные эксперты акцентировали внимание на том, что поляки как социальная группа отличаются от других групп национальных меньшинств своей активностью. Это можно наблюдать по количеству функционирующих в Литве польских общественных организаций и реализуемой польским меньшинством деятельности. Немалую финансовую поддержку польским общественным организациям в Литве оказывает Польша, что способствует тому, что данные организации становятся более сильными. Помимо этого, определенную уверенность полякам в Литве придает наличие польской политической партии «Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей», которая активно отстаивает их интересы. Однако учитывая наличие данной партии, а также яркую личность ее лидера, польское меньшинство часто воспринимается однообразно. Согласно мнению сотрудника Института социологии Литовского центра социальных наук, «польская этническая группа не является однородной. Просто обстоятельства так сложились, что в общественной среде доминирует именно такое изображение этой группы». Для решения этого вопроса необходимо создать условия для расширения возможностей литовского общества по созданию более широкого представления о польской этнической группе.

Акцентируя внимание на интеграционном процессе польского национального меньшинства в Литве, следует отметить, что концентрация членов этой общины на юго-востоке Литвы позволяет польскому сообществу оставаться относительно независимым, что можно охарактеризовать как фактор, снижающий мотивацию к участию в жизни остального общества. Одной из особенностей, характерных для представителей польского национального меньшинства в Литве, является свободное владение ими русским языком. В целом польская молодежь зачастую владеет четырьмя языками – литовским, польским, русским и английским. Как утверждал сотрудник Департамента национальных меньшинств, «это связано с историческим прошлым. Поляки знают русский язык лучше, чем русские – польский. Поэтому при общении представителей русского и польского меньшинств часто выбирается русский язык». Однако одним из проблемных вопросов польского национального меньшинства является недостаточно хороший уровень владения польским языком. По мнению сотрудника Департамента национальных меньшинств, данная проблема заключается в «нехватке педагогов, университеты не успевают их подготовить, особенно педагогов начальных классов. Во-вторых, нюанс заключается в том, что сложно правильно выучить язык, если

в окружении отсутствует правильная речь. Поэтому особую важность представляет трансляция польских каналов на телевидении, чтобы была возможность послушать правильную польскую речь». Принимая во внимание существующий вопрос, необходимо продолжать уделять большое внимание сохранению культурных особенностей национальных меньшинств, повышая их уровень владения родным языком.

Некоторые литовские эксперты отмечают важность осведомленности литовцев начиная с детства о проживании в Литве различных национальных меньшинств, что будет способствовать пониманию, что литовское общество является многокультурным и многоязычным. Данный аспект также представляет важность для обеспечения взаимодействия между различными национальными группами, что приведет к их интегрированию в единое литовское общество.

Нарративные интервью с представителями польского национального меньшинства. В ходе проведения нарративных интервью было выявлено, что литовские поляки в целом положительно оценивают процесс интеграции национальных меньшинств в Литве. Они подчеркивают важность коммуникации на литовском языке. Чем больше общения в повседневной жизни на литовском языке, тем, как правило, лучше индивид интегрирован. В этом отношении отмечается, что польское меньшинство склонно замыкаться и существовать в рамках своего круга. У представителей польского национального меньшинства часто друзьями или знакомыми являются поляки. Особенно это характерно для лиц польского происхождения, проживающих в Шальчининкайском районе. Так, например, респондент, который вырос в Шальчининкайском районе, где преобладают представители польского меньшинства, утверждал: «Люди думают, что в своем районе мы можем сделать многое, но если уезжать в другие города Литвы, то нас там не любят. Однако на своем примере убедился, что это не так. Для многих я представлял большой интерес, что я представитель польского меньшинства и так хорошо говорю на литовском языке».

Одна из основных причин, по которым поляки склонны замыкаться в своем круге, – большая финансовая поддержка со стороны Польши. Польша активно поддерживает инициативы литовских поляков, литовские СМИ на польском языке и культурные проекты, однако в то же время у людей возникает вопрос, почему их поддерживает другое государство, а не то, в котором они родились, живут и работают. По этой причине у представителей польского меньшинства появляются апатия, чувство ненужности государству, которые приводят к мысли о раздельном сосуществовании этнических групп (литовской и польской) в рамках единого социального пространства. Поэтому в данном случае особенно важно найти способ совместить литовскую национальную идентичность и идентичность национальных меньшинств для того, чтобы одна дополняла другую, а также расширять взаимодействие между государственными структурами и группами меньшинств, увеличивать финансирование на реализацию их инициатив.

К положительным сторонам интегрирования национальных меньшинств следует отнести наличие в Литве детских садов и школ, в которых преподавание ведется на языке меньшинств, таким образом, представители крупнейших национальных меньшинств могут полностью получить среднее образование на своем родном языке. Помимо этого, в Литве функционируют различные культурные организации и НПО, созданные националь-

ными меньшинствами, которые реализуют культурные проекты, организуют выставки, концерты и другие мероприятия. Особую важность для представителей других национальностей представляет Департамент национальных меньшинств при Правительстве Литовской Республики, так как деятельность данного института направлена на сохранение и поддержание их культурных особенностей.

Согласно результатам нарративных интервью большинство представителей польского меньшинства выучили литовский язык благодаря общению со сверстниками, школьному образованию или посещению различных кружков (неформальное образование) в детстве. Поэтому процесс их интегрирования выглядел очень натурально. У литовских поляков, проживающих в Вильнюсе, достаточно разнообразный круг общения, так как в нем присутствуют как литовцы, так и поляки, и русские. При общении в семье представители польского меньшинства чаще всего используют польский язык. Однако при общении в социальной среде – литовский язык, за исключением общения с друзьями или знакомыми – представителями национальных меньшинств. Некоторые из опрошенных представителей польского меньшинства, которые выросли в городах, где компактно проживает то или иное национальное меньшинство, сталкиваются с трудностями при переезде в Вильнюс. Данные трудности в основном связаны с языковыми и культурными отличиями: «Проживая в своем родном городе, я чувствовала себя как рыба в воде. Но переехав в Вильнюс, я ощущала себя некомфортно, ввиду наличия акцента, общаясь на литовском языке. А влиться в литовское общество без владения литовским языком практически невозможно. Когда мой круг общения пополнился литовцами, им трудно было понять, как я могу говорить на другом языке. Но сейчас я живу в Вильнюсе уже 10 лет и мое окружение полностью поменялось. Я начала много общаться, работать в литовско говорящей среде, и это на меня подействовало. Я перенимала правила, при этом не забывая о своих корнях. Я начала интересоваться литовской культурой, музыкой, чтобы поддержать разговор с друзьями-литовцами, с коллегами по работе. И сейчас я чувствую себя комфортно».

Рассматривая вопрос законодательной базы, регулирующей положение представителей национальных меньшинств в Литве, опрошенные представители польского меньшинства не чувствуют себя неуверенно ввиду отсутствия отдельного закона о национальных меньшинствах. Однако все же выступают за принятие такого закона, который бы четко регулировал их положение и права. Согласно мнению литовских поляков, особую важность в данном законе следует уделить вопросу образования на языке национальных меньшинств, так как именно это позволяет национальным меньшинствам развивать свою национальную идентичность, проживая в Литве (узнать историю Польши, совершенствовать родной язык, познакомиться с произведениями польских писателей). Все участвовавшие в интервью представители польского меньшинства единогласно подтвердили, что сохраняют свою национальную идентичность, проживая в Литве. Они употребляют польский язык при общении в семье, с друзьями или знакомыми, читают литературу на польском языке, слушают польское радио, читают польские СМИ, у многих респондентов польского меньшинства друзья проживают в Польше, в связи с чем они часто бывают в этой стране. Для поляков особенно важны религиозные праздники – католическое Рождество и Пасха, которые широко отмечаются в Литве. Однако нельзя не отметить, что, поддерживая свою националь-

ную идентичность, представители польского меньшинства также активно вовлечены в культурное пространство Литвы, например, они празднуют как литовские, так и польские государственные праздники. Как утверждала представительница польского национального меньшинства: «Для меня польская культура очень важна. Я читаю литературу и смотрю фильмы на польском языке, посещаю польские спектакли, при их наличии. В целом, я чувствую себя между двумя культурами: литовской и польской. Если я еду в Польшу, то там я не полька, а в Литве – не литовка. В этом состоянии я чувствую себя комфортно».

Заключение. Таким образом, обобщая сказанное, можно подытожить: Литва богата своим этнокультурным разнообразием. Литовские социологи определяют социальную интеграцию как процесс, в ходе которого сохранение этнической идентичности сочетается с удовлетворением достигнутым социальным статусом. На индивидуальном уровне социальная интеграция понимается как совокупность ощущений, когда индивид позитивно относится как к своему происхождению (идентичности), так и к группе этнического большинства. В стране созданы хорошие условия для интеграции национальных меньшинств: функционируют детские сады и школы, в которых преподавание ведется на языке национальных меньшинств; Департамент национальных меньшинств реализует деятельность и поддерживает инициативы этнических групп, способствуя сохранению их культурных особенностей; многочисленные общественные организации национальных меньшинств способствуют коммуникации данных представителей между собой и поддержанию их национальной идентичности. Обучаясь в школе и взаимодействуя в обществе, национальные меньшинства приобретают навыки владения литовским языком, который выступает в качестве важного показателя их интегрированности в литовское общество. Система образования создает возможности для национальных меньшинств приобрести необходимые компетенции и овладеть государственным литовским языком. Коммуникация на литовском языке способствует совершенствованию языковых навыков и интеграции в литовское общество.

Литовские поляки не чувствуют себя неуверенно из-за отсутствия отдельного закона о национальных меньшинствах, однако выступают за принятие такого документа, который бы четко регулировал их положение и права. Польское национальное меньшинство отличается от других групп меньшинств своей активностью. Несмотря на то, что поляки, проживающие в Вильнюсе, достаточно хорошо интегрированы в социальную систему, этническая закрытость данной группы все же существует. Она в большой степени объясняется отсутствием должного финансирования польских инициатив, что приводит к получению большой финансовой поддержки со стороны Польши. Следовательно, важно расширять взаимодействие между государственными структурами и группами представителей других национальностей путем увеличения финансирования реализации инициатив национальных меньшинств, в частности, польского.

Таким образом, в статье обобщены и проявлены в анализе социальные механизмы, касающиеся процессов интегрирования национальных меньшинств. Мы отмечаем важность наличия в современном обществе социальных институтов, способствующих поддержанию культурной идентичности малочисленных этнических групп и облегчающих процессы их включения в социальное пространство государства. Выводы и результаты проведенного анализа практик межэтнического социального взаимодействия на примере польского наци-

онального меньшинства позволяют более комплексно и широко осмысливать процессы, происходящие в Литве. Полученные результаты способствуют приращению социологического знания по исследуемой тематике и могут быть распространены на другие страны, в которых присутствуют идентичные процессы интеграции. В дальнейшем возможно проведение повторного исследования с целью замера новой ситуации, определения степени решенности ранее поставленных вопросов и выявления новых элементов в процессе интегрирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Petrauskienė J. Lietuvos Respublikos 2021 metų gyventojų ir būstų surašymo rezultatai // Lietuvos statistika. 10.03.2022. URL: <https://storymaps.arcgis.com/stories/d7ac6efa3e99480992e956f440a1b3ec> (дата обращения: 10.08.2022).
2. Табылгинова Л. А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» // Ученые записки ЗабГГПУ. 2011. № 4. С. 196–201.
3. Швецова А. Д. Исследование феноменологии социальной интеграции в отечественной и зарубежной науке // Актуальные проблемы психологии личности. 2017. Вып. 14. С. 182–186.
4. Ларионова Г. И. Социальная интеграция личности: понятие, сущность, направления // Евразийский научный журн. 2016. № 11. С. 223–228.
5. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // Социол. исслед. 1999. № 9. С. 27–34.
6. Жогин Б. Г., Маслова Т. Ф., Шаповалов В. К. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество: опыт практической и исследовательской деятельности. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002.
7. Селиванова Ю. В., Зайцев Д. В. Социальная интеграция личности: социологический подход к анализу понятия // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, № 2. С. 41–44.
8. Kasatkina N., Leončikas T. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius: Eugrimas, 2003.
9. Kasatkina N. Etniškumo tyrimai: tendencijos ir esminės sąvokos // Filosofija. Sociologija, 2007. T. 18, Nr. 4. P. 1–11.
10. Марцинкявичюс А. Интеграция этнических меньшинств в контексте современной этнополитики Литвы (2010–2015 гг.) // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 39–53.
11. Šliavaitė K. Kalba, tapatumas ir tarpetniniai santykiai Pietryčių Lietuvoje: daugiakultūriškumo patirtys ir iššūkiai kasdieniniuose kontekstuose // Lietuvos etnologija. 2015. No. 15 (24). P. 27–51.
12. Šliavaitė K. Kalba, tautinis tapatumas ir lygios galimybės švietime: mokyklų lietuvių, lenkų ir rusų mokomosiomis kalbomis bendruomenių požiūriai // Kultūra ir visuomenė: socialinių tyrimų žurnalas. 2019. No. 10 (2). P. 31–58. DOI: 10.7220/2335-8777.10.2.2.
13. Frėjutė-Rakauskienė M. Etninių mažumų grupių religinės organizacijos Lietuvoje: etninio ir religinio identiteto aspektai ir jų sąsajos // Kultūra ir visuomenė: socialinių tyrimų žurnalas. 2020. No. 11 (2). P. 31–53. DOI: <https://doi.org/10.7220/2335-8777.11.2.2>.
14. Frėjutė-Rakauskienė M. Lenkų etninės grupės pilietinio dalyvavimo aspektai Pietryčių Lietuvoje // Filosofija. Sociologija. 2015. P. 146–154.
15. Lenkų tautinės mažumos Lietuvoje identiteto tyrimas / G. Kazėnas, A. Jakubauskas, I. Gaižauskaitė ir kt. Vilnius: Mykolo Romerio universitetas, 2014.
16. Daukšas D. Lietuvos lenkai: etninio ir pilietinio identiteto konstravimas ribinėse zonose // Lietuvos etnologija. 2012. No. 12 (21). P. 167–193.
17. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.

18. Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. NY: The Free Press, 1968.
19. Alexander J. C., Colomy P. Toward neo-functionalism // *Sociological Theory*. 1985. Vol. 3, no. 2. P. 11–23.
20. Веретевская А. В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. М.: МГИМО-Университет, 2018.
21. Glazer N. *We are All Multiculturalists Now*. Harvard: Harvard Univ. Press, 1998.
22. Kymlicka W. *The Rise and Fall of Multiculturalism. New Debates on Inclusion and Accommodation in Diverse Societies* // *The Multiculturalism Backlash: European Discourse, Politics, and Practices*, ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. NY: Routledge, 2010. P. 97–112.
23. Куропятник А. И., Куропятник М. С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // *Вестн. РУДН. Сер. Социология*. 2018. Т. 18, № 2. С. 250–261. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261.

Информация об авторах.

Старовойтова Снежана Сергеевна – аспирантка факультета социологии, стажер-исследователь факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, ул. Смольного, д. 1/3, Санкт-Петербург, 191124, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: интеграционные процессы национальных меньшинств в странах Балтии, миграционные процессы.

Лебединцева Любовь Александровна – доктор социологических наук (2012), доцент (2016), профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, ул. Смольного, д. 1/3, Санкт-Петербург, 191124, Россия. Автор 130 научных публикаций. Сфера научных интересов: экономическая социология, социология интеллектуального труда, развитие современных университетов и предпринимательство.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.10.2022; принята после рецензирования 23.11.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Petrauskienė, J. (2022), "Results of the 2021 population and housing census of the Republic of Lithuania", *Lietuvos statistika*, 10.03.2022, available at: <https://storymaps.arcgis.com/stories/d7ac6efa3e99480992e956f440a1b3ec> (accessed 10.08.2022).
2. Tabyginova, L.A. (2011), "The Main Scientific Approaches to the Concept of "Social Integration", *Scholarly Notes of Zabaikalsky State Humanitarian-Pedagogical Univ. named af. N.G. Chernyshevsk*, no. 4, pp. 196–201.
3. Shvetsova, A.D. (2017), "A research of the phenomenology of social integration in local and foreign science", *Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti* [Actual problems of personality psychology], iss. 14, pp. 182–186.
4. Larionova, G.I. (2016), "Social integration: the concept, the essence, the direction", *Evraziiskii nauchnyi zhurnal* [Eurasian scientific J.], no. 11, pp. 223–228.
5. Golenkova, Z.T. and Igitkhanyan, E.D. (1999), "Processes of integration and disintegration in the social structure of Russian society", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 27–34.
6. Zhogin, B.G., Maslova, T.F. and Shapovalov, V.K. (2002), *Integratsiya vynuzhdennykh migrantov v mestnoe soobshchestvo: opyt prakticheskoi i issledovatel'skoi deyatel'nosti* [Integration of Forced Migrants into the Local Community: Practical and Research Experience], Stavropol'servisshkola, Stavropol', RUS.
7. Selivanova, Yu.V. and Zaytsev, D.V. (2014), "Social Integration of the Personality: Sociological Approach to Analysis of the Concept", *Izvestia of Saratov Univ. New series. Ser.: Sociology. Politology*, vol. 14, no. 2, pp. 41–44.
8. Kasatkina, N. and Leonchikas, T. (2003), *Adaptation of Lithuanian ethnic groups: context and process*, Eugrimas, Vilnius, LTU.

9. Kasatkina, N. (2007), "Ethnicity studies: tendencies and main concepts", *Philosophy. Sociology*, vol. 18, no. 4, pp. 1–11.
10. Marcinkevičius, A. (2017), "Integration of ethnic minorities in the context of ethnic policies in Lithuania (2010–2015)", *Ethnographic Review*, no. 2, pp. 39–53.
11. Šliavaitė, K. (2015), "Language, Identity and Inter-Ethnic Relations in Southeastern Lithuania: Experiences and Challenges of Multiculturalism in Everyday Contexts", *Lithuanian ethnology*, no. 15 (24), pp. 27–51.
12. Šliavaitė, K. (2019), "Language, Ethnic Identity and Equal Opportunities in Education: The Perspectives of Schools with Lithuanian, Polish and Russian Language of Instruction in Lithuania", *Culture and Society: A J. of Social Research*, no. 10 (2), pp. 31–58. DOI: 10.7220/2335-8777.10.2.2.
13. Freyute-Rakauskienė, M. (2020), "Religious Organizations of Ethnic Minority Groups in Lithuania: Some Aspects of Ethnic and Religious Identity and Their Interaction", *Culture and Society: A J. of Social Research*, no. 11 (2), pp. 31–53. DOI: <https://doi.org/10.7220/2335-8777.11.2.2>.
14. Freyute-Rakauskienė, M. (2015), "Some aspects of civic participation of the Polish ethnic group in Southeast Lithuania", *Philosophy. Sociology*, no. 2, pp. 146–154.
15. Kazenas, G., Jakubauskas, A., Gaizhauskaite, I., Kacevichius, R. and Visockaite, A. (2014), *Lenku tautines mazhumos Lietuvoje identiteto tyrimas* [Research on the identity of the Polish national minority in Lithuania], Mykolas Romeris Univ., Vilnius, LTU.
16. Daukshas, D. (2012), "Lithuanian Poles: Constructing Ethnic and National Identity in Border Areas", *Lithuanian ethnology*, no. 12 (21), pp. 167–193.
17. Parsons, T. (1998), *The system of modern societies*, Transl. by Sedov, L.A. and Kovalev, A.D., in Kovaleva, M.S. (ed.), Aspekt Press, Moscow, RUS.
18. Merton, R.K. (1968), *Social Theory and Social Structure*, The Free Press, NY, USA.
19. Alexander, J.C. and Colomy, P. (1985), "Toward neo-functionalism", *Sociological Theory*, vol. 3, no. 2, pp. 11–23.
20. Veretevskaia, A.V. (2018), *Mul'tikul'turalizm, kotorogo ne bylo: analiz evropeiskikh praktik politicheskoi integratsii etnokul'turnykh men'shinstv* [Multiculturalism that never existed: Analysis of European practices of political integration of ethno-cultural minorities], MGIMO-Univ., Moscow, RUS.
21. Glazer, N. (1998), *We are All Multiculturalists Now*, Harvard Univ. Press, Harvard, USA.
22. Kymlicka, W. (2010), "The Rise and Fall of Multiculturalism. New Debates on Inclusion and Accommodation in Diverse Societies", *The Multiculturalism Backlash: European Discourse, Politics, and Practices*, Vertovec, S. and Wessendorf, S. (eds.), Routledge, NY, USA.
23. Kuropjatnik, A.I. and Kuropjatnik, M.S. (2018), "Interculturalism: postmulticultural discourse of social integration", *RUDN J. of Sociology*, vol. 18, no. 2, pp. 250–261. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261.

Information about the authors.

Snezana S. Starovoitova – Postgraduate at the Faculty of Sociology, Trainee Researcher at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 1/3 Smolny str., St Petersburg 191124, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: integration processes of national minorities in the Baltic countries, migration processes.

Liubov A. Lebedintseva – Dr. Sci. (Sociology, 2012), Docent (2016), Professor at the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University, 1/3 Smolny str., St Petersburg 191124, Russia. The author of 130 scientific publications. Area of expertise: economic sociology, sociology of intellectual work, development of modern universities and entrepreneurship.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.10.2022; adopted after review 23.11.2022; published online 22.02.2023.*

Оригинальная статья

УДК 316.614

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-97-115>

Мотивационный портрет абитуриента цифрового поколения

Елена Витальевна Строгецкая¹, Ирина Борисовна Бетигер²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹avs1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5304-2613>

²ssps@etu.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена потребностью в разработке принципов и методов социологического сопровождения процесса профессионального самоопределения молодежи в цифровой среде. В статье представлены результаты исследований социально-профессиональных устремлений, ценностных ориентаций и мотивации к получению профессии у современных абитуриентов. Проведен анализ некоторых когнитивных особенностей выпускников школ, влияющих на их выбор специализации и вуза.

Методология и источники. Методологическая база включала деятельностные теории мотивации А. Н. Леонтьева и Л. С. Выготского, психологию установки Д. Н. Узнадзе, современные социологические исследования рационального выбора вуза абитуриентами (Л. Абдрахманова, Э. Никонова, J. Kinzie, M. Palmer, J. Hayek, D. Hossler, S. A. Jacob и др.). Для решения задач анализа конструирования реальности высшего образования с помощью зрительных образов авторы опирались на традиции визуальной социологии.

Результаты и обсуждение. Эмпирической базой при написании статьи стали результаты семилетнего мониторинга (2015–2021 гг.) «Мотивы и факторы выбора вуза абитуриентами технических специальностей» (N = 3700 чел.) одного из ведущих вузов России – Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Анализ динамики ценностно-мотивационного портрета молодежи продемонстрировал, что абитуриентов, принадлежащих поколению Z, отличают мобилизационная мотивация и прагматические ценности. Подтвердилась гипотеза о влиянии принципа получения результата «здесь и сейчас» на решения, принимаемые будущими инженерами цифрового поколения. Полученные результаты приводят к выводу о том, что для повышения уровня профессиональной мотивации и привлечения к поступлению в вуз поколения Z необходима кардинальная смена поля коммуникативного взаимодействия с офлайн на онлайн.

Заключение. В заключении авторы статьи на основании результатов своих исследований предлагают некоторые направления развития коммуникационных стратегий в работе с абитуриентами цифрового поколения, особо отмечая, что важной составляющей успеха коммуникационной стратегии современного вуза во взаимодействии с молодежью является качественная, быстрая и регулярная обратная связь с использованием средств визуализации сообщения.

Ключевые слова: социология высшего образования, профессиональная идентификация зумеров, ценностно-мотивационный портрет абитуриента, цифровое поколение, визуализация восприятия поколения Z

© Строгецкая Е. В., Бетигер И. Б., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Строецкая Е. В., Бетигер И. Б. Мотивационный портрет абитуриента цифрового поколения // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 97–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-97-115.

Original paper

Motivational Portrait of Digital Generation Applicant

Elena V. Stroetskaya¹, Irina B. Betiger²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*avs1973@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5304-2613>*

²*ssps@etu.ru*

Introduction. The relevance of the topic is due to the need to develop principles and methods of sociological support for the process of professional self-determination of young people in the digital environment. The article presents the results of studies of socio-professional aspirations, value orientations and motivation for acquiring a profession among modern applicants. An analysis was made of some cognitive features of school graduates that influence their choice of specialization and university.

Methodology and sources. The methodological base included the activity theories of motivation by A.N. Leontiev and L.S. Vygotsky, the psychology of the attitude of D.N. Uznadze, modern sociological studies of the rational choice of a university by applicants (L. Abdrakhmanova, E. Nikonova, J. Kinzie, M. Palmer, J. Hayek, D. Hossler, S.A. Jacob et al.). To solve the problems of analyzing the construction of the reality of higher education with the help of visual images, the authors relied on the traditions of visual sociology.

Results and discussion. The empirical basis for writing the article was the results of a seven-year monitoring (2015–2021) “Motives and factors for choosing a university by applicants for technical specialties” (N = 3700 people) of one of the leading universities in Russia – Saint Petersburg Electrotechnical University. An analysis of the dynamics of the value-motivational portrait of young people showed that applicants belonging to generation Z are distinguished by mobilization motivation and pragmatic values. The hypothesis about the influence of the principle of obtaining the result “here and now” on the decisions made by future engineers from the digital generation was confirmed. The results obtained lead to the conclusion that in order to increase the level of professional motivation and attract generation Z to enroll in a university, a radical change in the field of communicative interaction from “offline” to “online” is necessary.

Conclusion. In conclusion, the authors of the article, based on the results of their research, suggest some directions for the development of communication strategies in working with applicants of the digital generation, emphasizing that an important component of the success of the communication strategy of a modern university in interaction with young people is high-quality, fast and regular feedback using message visualization tools.

Keywords: sociology of higher education, professional identification of zoomers, value-motivational portrait of an applicant, digital generation, generation Z perception visualization

For citation: Stroetskaya, E.V. and Betiger, I.B. (2023), “Motivational Portrait of Digital Generation Applicant”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 97–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-97-115 (Russia).

Введение. В современном обществе, где генерирование информации становится главной движущей силой развития экономики, политики и социума в целом, новое звучание приобретает понятие человеческого капитала [1, 2]. Его изучение и максимально полное

использование на практике становятся условиями для построения государствами своих цифровых экономик [3].

В России курс на развитие цифровой экономики был сформулирован еще в 2008 г. и в 2017 г. актуализирован Указом Президента, утверждающим новую стратегию развития информационного общества в период до 2030 г. Она предполагает цифровые преобразования в различных сферах российского общества, в том числе в российской системе высшего образования. Цифровая трансформация высших учебных заведений подразумевает активное использование компьютерных технологий в образовательной и научной деятельности с целью обеспечения национальной экономики кадрами, обладающими компетенциями для работы в условиях цифрового общества [4, 5].

Приоритетность проведения технологических трансформаций в высшей школе с точки зрения построения цифровой экономики очевидна. Именно молодежь, проходящую свое становление в новой социально-цифровой реальности, целесообразно рассматривать как потенциального обладателя человеческого капитала, необходимого для созидания информационного общества.

Для накопления человеческого капитала и целенаправленной и полной его реализации необходимо достижение ряда условий. Рассматривая составляющую человеческого капитала, включающую в себя профессиональные знания, навыки и умения, к таким условиям следует отнести осознанную профессиональную идентичность, устойчивое стремление молодежи реализовываться в одной выбранной сфере и т. д. Осознанность и принятие своей профессиональной идентичности, понимание своей профессии как призвания, с одной стороны, являются катализатором самореализации и совершенствования в выбранной трудовой деятельности, с другой, формируют у индивида чувство защищенности и укрепляют его уверенность в завтрашнем дне. Внешние условия могут меняться, но призвание сохраняется вне зависимости от окружающих факторов; любимое дело стоит того, чтобы приспосабливаться к переменам. Все это создает сильную внутреннюю мотивацию и облегчает процессы применения накопленного человеческого капитала. Стартовым условием для успешной профессиональной идентификации является целенаправленный и обоснованный выбор учебного заведения. В статье проанализированы вопросы, связанные с коммуникационными стратегиями университетов, направленными на формирование мотивированного выбора профессии и вуза у современных абитуриентов.

Университеты, дорожащие репутацией и качеством образовательного процесса, стоят перед острой необходимостью решения задачи выбора оптимальной стратегии своего развития и определения фокуса приоритетного направления деятельности в условиях трансформирующейся реальности. Особого внимания требует стратегия выстраивания коммуникации с молодежью, в частности, для привлечения абитуриентов.

Особенно остро эта потребность встает в конкурентной борьбе за талантливую молодежь. Конкурс в ведущие вузы с каждым годом увеличивается. Растет и количество талантливых абитуриентов (победителей олимпиад, творческих и профессиональных конкурсов; так называемых «стобалльников»), в которых как в перспективных студентах и потенциально успешных профессионалах заинтересовано любое образовательное учреждение.

Задача формирования мотивированного выбора вуза абитуриентами актуальна не только для привлечения ребят, уже имеющих высокие образовательные и профессиональные

достижения, но в целом для работы с выпускниками школ и средних специальных учебных заведений. Конкуренция среди вузов России в последние годы серьезно обострилась, так как численность контингента обучающихся является не только критериальным показателем эффективности деятельности университета, но и гарантом его выживаемости, получения преимуществ от государства.

Конкуренцию между вузами серьезно усиливает цифровизация высшего образования, поскольку информационные технологии и сетевые ресурсы обеспечивают абитуриентов самыми широкими возможностями для доступа к практически любой информации о высшей школе. Информационное поле насыщено сведениями об условиях обучения в разных вузах, перспективах трудоустройства, направлениях подготовки и т. д. Формат дистанционного обучения расширяет пространство конкурентной борьбы за счет зарубежных университетов. Очевидно, что в сложившихся условиях в число приоритетных вопросов, решаемых высшим образовательным учреждением, входит разработка адресной стратегии привлечения и отбора абитуриентов, которая учитывала бы социально-психологические особенности представителей молодого поколения. Потребность в такой стратегии актуализирует вопрос важности социологического сопровождения процесса профессионального самоопределения молодежи в цифровой среде, изучения ее социально-профессиональных устремлений, ценностных ориентаций и мотивации к получению профессии, а также когнитивных особенностей, влияющих на коммуникационное поведение абитуриентов.

Авторы статьи сосредоточили свое внимание на двух поколенческих особенностях современных абитуриентов. Во-первых, речь пойдет об изменчивости, свойственной поколению Z. Во-вторых, о специфике образа жизни представителей этого поколения, которая позволяет называть его цифровым.

Изменчивость поколения Z тесно связана с новыми представлениями о сегодняшней мировой ситуации как о VUCA-мире, т. е. о мире стремительных технологических и социальных изменений, неопределенности, текучести, потребности в риске и т. п. В таком мире формирование человеческого капитала осуществляется нелинейно, поскольку связано с существенной неоднозначностью при моделировании профессиональных маршрутов. Профессии ускоренно исчезают и так же быстро и не всегда прогнозируемо зарождаются, навыки и умения нуждаются в постоянном переформатировании, знания фрагментарны и оспариваемы. Безусловными социальными ценностями становятся такие качества, как адаптивность, гибкость, умение маневрировать, инициативность.

При этом потенциал изменений в любое время и в любых обществах был и остается выше у молодежи, которая в силу своего возраста обладает высокой степенью мобильности, чутко реагирует на происходящее вокруг, открыта всему новому. Поколение Z, живущее в быстро меняющемся потоке информации, в окружении социальных сетей и рекламы и, как следствие, готовое к любым переменам, оказывается в контексте «третичного» обучения, необходимого как ответ на вызовы образования со стороны VUCA-мира [6]. В результате вместо традиционных сомнений в однозначности выбора будущей профессии у современной молодежи зарождается устойчивое нежелание связывать свою жизнь с чем-то определенным, одним, долгосрочным. Молодежь не ориентирована на долгосрочную профессиональную карьеру, 8-часовой рабочий день и трудоголизм. Современные дети интересуются

ближайшим будущим, живут одним днем и не задумываются о дальних перспективах [7]. Появляются представление о единственности возможностей «здесь и сейчас» и сильное стремление ими воспользоваться. Это в свою очередь приводит к «распыляемости» и многозначности целей, но в то же время к потребности в сиюминутных достижениях. Таким образом, поколение Z характеризуется как изменчивое или обладающее процессуальной идентичностью, т. е. идентичностью, не сводимой к конкретным ролям, но представляющей процесс обретения новых «смыслов себя» в изменяющихся социокультурных условиях [8].

Цифровым поколение Z можно именовать, исходя из следующих рассуждений. Несмотря на продолжающиеся споры о преимуществах и недостатках цифровизации, ее позитивных эффектах и сопутствующих рисках, цифровая среда уже стала частью нашей жизни. С этой современной реальностью необходимо считаться всем без исключения субъектам общественной деятельности, ее необходимо принимать, а главное – понимать, как в ней реализовываться максимально эффективно. В этом отношении молодые люди снова оказываются на передовых позициях, поскольку большое место в их жизни занимает «виртуальная» повседневность, в которой они проводят много времени, общаясь, познавая окружающий мир, формируя свои интересы и потребности. Согласно данным, полученным в 2020 г. исследовательской компанией Mediascope, доля пользователей Интернета в России среди молодежи в возрасте от 12 до 24 лет продолжает оставаться самой высокой по сравнению с другими возрастными группами – она близка к показателю 100 % [9].

Цифровой образ жизни диктует новые ценности, представления, установки и паттерны поведения. Например, к новым цифровым ценностям молодежи можно отнести безопасность и этику в виртуальном мире, о чем мало задумывалось старшее поколение [10]. Исследование, проведенное специалистами Google совместно с компанией Ipsos, посвящено изучению установок и стратегий поведения в Интернете российских пользователей в возрасте от 13 до 24 лет, 98 % которых пользуются глобальной сетью ежедневно. Приоритетными каналами коммуникации для них выступают мессенджеры, социальные сети. При этом необходимо обратить внимание, в частности, на такую важную характеристику интернет-пользователей нового поколения, как доминирование у них визуального восприятия. Как в целях получения развлекательного контента, так и при поиске быстрых ответов на возникающие у них вопросы в различных ситуациях они выбирают онлайн-видео (четверть всех пользователей пользуются для этого платформой YouTube) [11]. Важно также отметить, что стремление к получению быстрого ответа приводит к тому, что молодежь при выборе информационного контента останавливается на коротких видеороликах. Молодые люди не желают получать избыточную, неважную, по их мнению, информацию в ожидании интересующей. Это дает основание называть современное молодое поколение еще и «поколением скорости» в потреблении информации. Таким образом, цифровое поколение отличается новыми ценностями, установками и паттернами поведения, но в равной мере его представителям свойственны и когнитивные особенности, влияющие на отбор, восприятие и организацию получаемых из внешнего мира данных.

Основная гипотеза исследования состояла в том, что современное цифровое поколение молодежи отличает ряд мотивационных, поведенческих и когнитивных особенностей, влияющих на профессиональную мотивацию и принятие решения о выборе вуза.

Цель представляемых социологических исследований заключалась в оценке перспектив коммуникационных стратегий университетов в отношении мотивирования к поступлению на технические специальности абитуриентов цифрового поколения. Актуальность выбора для исследования мотивационных предпочтений абитуриентов, поступающих на технические специальности, подтверждается тем, что по результатам приемной кампании в российских вузах в 2021 г. в перечне лидирующих, на которые было подано самое большое количество заявлений, находятся в том числе специальности в области информатики, инженерии, математики. Так, например, самыми популярными специальностями для талантливых абитуриентов, поступающих в вуз по результатам олимпиад, остаются прикладная математика, информатика и программная инженерия [12].

Авторы ставили перед собой следующие задачи: составление ценностно-мотивационного портрета абитуриента цифрового поколения; выявление факторов принятия решения о выборе вуза абитуриентами технических специальностей; эксплицирование предпочитаемых ими источников и форматов информации о вузе и специальности, а также особенностей видеоконтента, наиболее привлекательного для цифрового поколения.

Методология и источники. Теоретико-методологическая основа исследования включала деятельностные теории мотивации Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, психологию установки Д. Н. Узнадзе, основные положения которых использовались для составления ценностно-мотивационной модели в рамках исследования.

Зарождение деятельностного подхода в психологии многие маститые психологи мира связывают с культурно-исторической теорией Л. С. Выготского. В ней центральным методологическим принципом выступает положение о единстве сознания и деятельности. Сторонники деятельностного подхода рассматривают психику в качестве формы жизнедеятельности субъекта, которая направлена на решение жизненно важных задач в процессе его взаимодействия с миром [13]. В этом смысле наиболее информативными периодами для изучения специфики личности выступают точки бифуркации в ее развитии, т. е. моменты принятия решения о выборе дальнейшего направления существования. Такой точкой, безусловно, можно считать период перехода молодого человека из школы в вуз.

А. Н. Леонтьев продолжал идеи Выготского. В своей теории он разделил деятельность на внешнюю и внутреннюю. К последнему виду относится, в частности, процесс принятия человеком решения. Внешняя и внутренняя деятельность имеет сходную структуру. В частности, оба вида деятельности включают в себя такие составляющие, как потребности, мотивы, цели, задачи и т. д. Все они выступают во взаимном единстве. По Леонтьеву, мотив – это поиск предмета, удовлетворяющего потребность. Мотивы чаще всего не осознаются и не совпадают с целями, но процесс мотивирования способствует устранению расхождения между этими психологическими структурами. Для мотивирования важно определить, какие предметы могут обеспечивать удовлетворение тех или иных потребностей индивида или группы [14]. В этом смысле перед исследователями мотивации чаще всего встает задача составления мотивационных портретов изучаемых социальных объектов.

Сложность процесса составления мотивационных портретов заключается в том, что может существовать большое число различных предметов, удовлетворяющих одну и ту же потребность. Приоритетность выбора предметов можно с определенной точностью спро-

гнозировать, оценив установки индивида или группы. Понятие установки разрабатывалось многими социальными психологами. Среди них особое место занимает Д. Н. Узнадзе. Он утверждал, что при необходимости удовлетворить ту или иную потребность в текущей ситуации субъект прибегает к определенной целенаправленной деятельности. Выбор способа деятельности осуществляется на основании установок [15]. Установки формируются из прошлого опыта, могут быть связаны с ценностями субъекта. Ключевые положения концепции Узнадзе дают необходимое основание для исследования структуры ценностных установок современной молодежи, с рождения погруженной в многоуровневую информационно-коммуникативную среду, вынужденной ориентироваться в ней для успешного решения задачи самоопределения и профессиональной направленности.

Узнадзе в своей теории установки уделяет первостепенное внимание внешним обстоятельствам, формирующим ситуацию выбора. Это роднит его работы с изысканиями К. Левина, который выдвигал идею динамического поля. Психические механизмы индивидов и групп функционируют под воздействием сил этого поля. Весомой составляющей поля являются психологически значимые свойства окружающего мира. Такими внешними составляющими принятия решения в ситуации выбора профессии и вуза для абитуриентов становятся разнообразные факторы: от потребности в самореализации и интереса к специальности до увлекательной внеучебной жизни вуза и наличия в нем военной кафедры. В настоящее время их изучением исследователи занимаются весьма активно. Интерес, например, представляют исследования рационального выбора вуза абитуриентами отечественных социологов Л. В. Абдрахмановой и Э. И. Никоновой [16], а также работы зарубежных исследователей J. L. Kinzie, M. Palmer, J. Hayek, D. Hossler, S. A. Jacob [17] и др. В русле обозначенных подходов и взглядов авторами были выстроены измерительные процедуры для проведения опроса, а также определены рамки для обработки и интерпретации полученных данных, позволяющих выявить факторы принятия решения о выборе вуза абитуриентами технических специальностей.

Выводы собственных и вторичных исследований о предпочтениях молодежи получать информацию в визуальных, динамичных и коротких форматах обосновали обращение авторов к положениям визуальной социологии. Зарождение этого научного направления произошло сравнительно недавно – в 70-е гг. прошлого века. Центральная идея подхода связана с пониманием визуальности как важного измерителя социальных процессов, определяющего принципы и направления их реконструирования [18]. Интерес авторов статьи направлен на изучение того, как конструируется реальность высшего образования с помощью зрительных образов, что может оказаться принципиальным в выборе абитуриентами того или иного видеоконтента, каковы визуальные репрезентации профессии и вуза в сознании цифрового поколения.

Эмпирической базой при написании статьи выступили результаты семилетнего мониторинга (2015–2021 гг.) «Мотивы и факторы выбора вуза абитуриентами технических специальностей» (N = 3700 чел.) одного из ведущих вузов России – Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Итоги ежегодных замеров сравнивались для уточнения ценностно-мотивационного портрета абитуриента цифрового поколения и наиболее значимых для него факторов принятия решения

о выборе вуза. Методом исследования выступал электронный опрос студентов I курса всех технических факультетов СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Источником для анализа предпочтений молодежи при выборе информации и тематического видеоконтента о вузе послужили материалы дополнительного социологического исследования, которое включало 26 интервью.

В качестве дополнительных данных, подтверждающих выводы авторов, были использованы вторичные результаты социологических исследований.

Результаты и обсуждение. Для решения первой задачи исследования – составления ценностно-мотивационного портрета абитуриентов инженерных направлений подготовки – в рамках представляемого мониторинга авторами изучались установки участников целевой группы по отношению к будущей профессиональной деятельности и вузу, в котором они намерены обучаться. Выявление характера установок осуществлялось методом парных сравнений.

Создание измерительного инструментария для оценки представлений респондентов об их будущей профессиональной деятельности было обусловлено выводами, полученными из вторичных источников, о том, что для современных абитуриентов характерен скорее выбор «образа профессии», а не профессии как таковой ввиду того, что на момент поступления понимание содержательных особенностей выбираемой профессии и своего места в ней у них весьма расплывчато и туманно [19, с. 120]. Несмотря на существование большого количества профориентационных программ, проектов и отдельных мероприятий федерального, регионального, муниципального уровней [20], сформированность профессиональной ориентации и готовность к осознанному выбору профессии и вуза у выпускника школы, только получившего аттестат об образовании, находятся на достаточно низком уровне.

Поэтому парные сравнения не включали в себя формулировки, связанные собственно с профессиональной спецификой. В то же время измерительная модель содержала ответы, кодирующие такие виды мотивации, как мобилизационная («Хочу работать в международных корпорациях или за рубежом»), лидерская («Хочу работать в должности руководителя»), прагматическая («Хочу иметь высокооплачиваемую работу независимо от полученной специальности»), предпринимательская («Хочу открыть собственное дело»), академическая («Хочу работать преподавателем или заниматься научной деятельностью»). Профессиональная мотивация кодировалась ответом «Хочу работать по выбранной специальности».

На этапе 2021 г. лидирующими у абитуриентов инженерных направлений были мобилизационная, лидерская и прагматическая мотивация. Серьезно отставала академическая мотивация (рис. 1).

Для анализа динамики структуры мотивов было проведено сопоставление результатов 2015 г. и 2021 г. Замер 2015 г. выбирался для сравнения в связи с тем, что в среднем респонденты этого этапа мониторинга родились на рубеже поколений Y и Z, т. е. имеют ценностную систему, характерную как для цифрового поколения, так и для миллениалов. Замер 2021 г. осуществлялся в отношении «чистых зумеров», к тому же прошедших школу онлайн-образования в период пандемии. В результате сопоставления оказалось, что существенная разница в структуре мотивов связана с мобилизационной мотивацией – ее значение для абитуриентов заметно выросло ($\Delta = 12\%$).

Рис. 1. Структура мотивов абитуриентов инженерных направлений в 2021 г.
Fig. 1. The structure of motives for applicants for engineering fields in 2021

Эксплицирование представлений целевой группы об идеальных характеристиках вуза проводилось на основе нескольких парных сравнений, описывающих многоаспектную деятельность современной высшей школы. Между собой сопоставлялись:

- широта университетского образования и подготовка к конкретной профессии на всю жизнь;
- обучение востребованной на рынке специальности и обучение проведению научных исследований;
- возможность обучаться у ведущих мировых ученых и практиков и использование в учебном процессе IT-технологий;
- проектное обучение (участие в проектах) и традиционное диалогическое обучение (лекции, семинары, практические занятия и т. д.).

У респондентов 2021 г. поступления преобладали представления об идеальном вузе как об учебном заведении, дающем широкое образование, обучающем востребованным на рынке труда специальностям, ведущем подготовку в традиционной образовательной стилистике. Существенного разграничения в пользу обучения (и возможности пообщаться) у ведущих ученых/практиков либо в пользу применения в учебном процессе информационных технологий обнаружено не было (рис. 2).

Сопоставление результатов с итогами 2015 г. продемонстрировало существенный рост заинтересованности абитуриентов технических специальностей в возможности получения в вузе образования по востребованной на рынке труда специальности ($\Delta = 13\%$).

Анализ динамики ценностно-мотивационного портрета молодежи продемонстрировал, что абитуриентов инженерных специальностей, принадлежащих к поколению Z, отличают мобилизационная мотивация и прагматические ценности. Молодые люди проявляют готовность к мобильности, их не пугают большие расстояния и государственные границы. Вероятно, это связано с укоренением в жизни молодежи практик дистанционного взаимодействия и изменением социальных шкал для восприятия физического пространства. Готовность к мобильности и изменчивости подтверждается явным нежеланием респондентов учиться в вузе, чтобы получить одну профессию на всю жизнь, и в то же время принятием широты университетского образования как ценности.

Что, на твой взгляд, делает вуз современным ведущим исследовательским университетом?

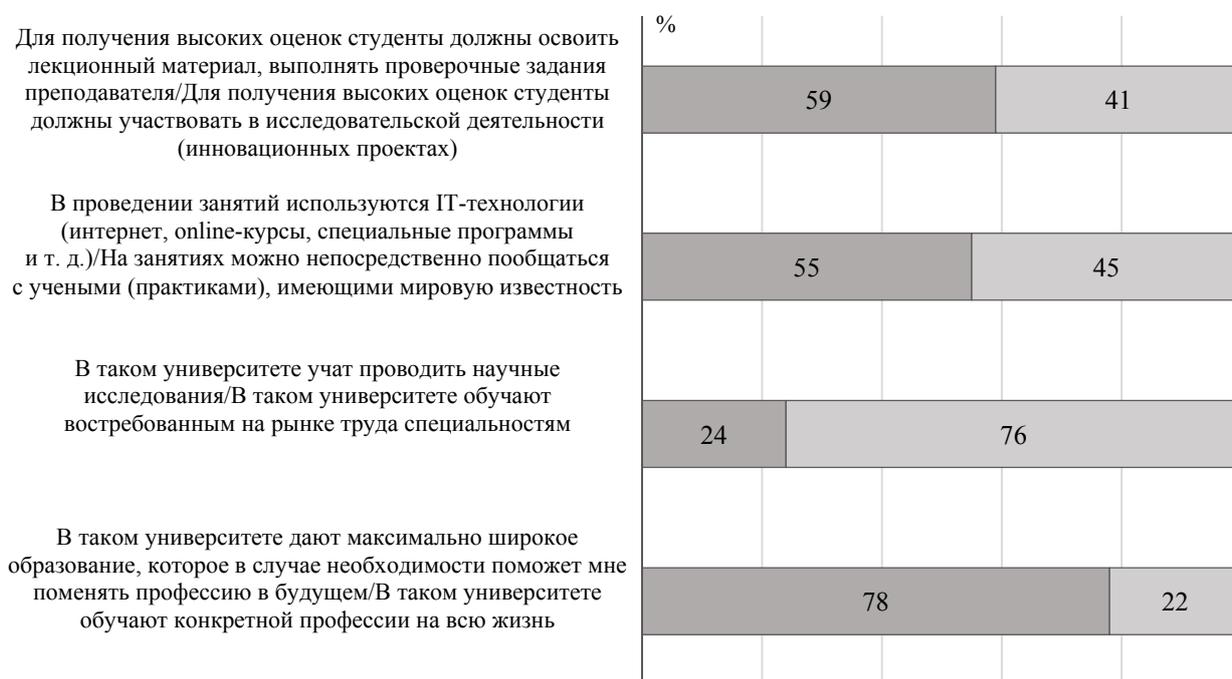

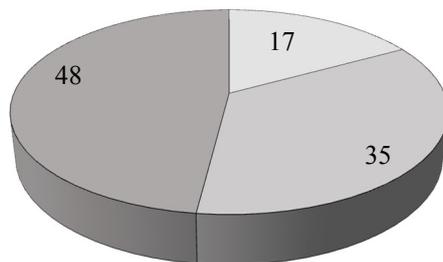
Рис. 2. Структура представлений абитуриентов инженерных специальностей о качествах ведущего мирового университета. 2021 г.

Fig. 2. The structure of submissions of applicants for engineering specialties about the qualities of the world's leading university. 2021

Молодежь заинтересована в профессиональной самореализации, и в этом, безусловно, видится положительный момент, связанный с прагматизмом и рационализмом современной молодежи. Прагматические ценности проявляются в желании не тратить время на долгосрочное обучение, например, проведение фундаментальных научных исследований, а получить востребованную, т. е. потенциально благополучную специальность. Прагматика проявляется и в крайне низком проценте выбравших академическую мотивацию. Поколение Z умеет трезво оценить соотношение вкладываемых усилий и получаемого результата, значение которого в случае академической профессии уменьшается еще и в связи с непрестижностью деятельности.

Интерес молодежи к быстрому зарабатыванию денег, ориентация на ценности индивидуального успеха и материального благополучия указывают на доминирование мотивационного принципа получения результата «здесь и сейчас». Этот принцип, по мнению исследователей, может блокировать потребности в долгосрочном планировании и, как следствие, приводить к незрелости умения планировать. Результаты представляемого исследования подтверждают склонность абитуриентов цифрового поколения принимать решения не заблаговременно (рис. 3). Только 11 % опрошенных думают о поступлении в вуз до выпускного класса, 48 % выбирают высшее учебное заведение уже в период приемной кампании. В сравнении с замерами 2015 г. доля принимающих решение во время приема в вуз увеличилась ($\Delta = 13\%$).

Когда ты принял(а) решение учиться в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»?

□ до 11-го класса □ в 11-м классе □ в период приемной кампании в вузы

Рис. 3. Период принятия решения абитуриентами о выборе вуза (%)

Fig. 3. The period of decision-making on the university by applicants (%)

Таким образом, гипотеза о влиянии принципа получения результата «здесь и сейчас» на решения, принимаемые будущими инженерами из цифрового поколения, подтвердилась.

В решении второй задачи исследования авторы остановились на трех группах факторов, определяющих выбор вуза абитуриентами инженерных направлений. Во-первых, это факторы, связанные с оценкой потребителями качества образования в вузе, во-вторых, имиджевые аспекты, в-третьих, информационные факторы.

Оценивая факторы, связанные с представлением о качестве образования, респонденты выстроили интересную иерархию влияния (рис. 4). На первое место вышла специализация вуза в интересующей области знаний, на второе – высокий уровень предоставляемого образования, на третье – высокая вероятность трудоустройства в будущем.

Факторы, связанные с качеством образования в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»?

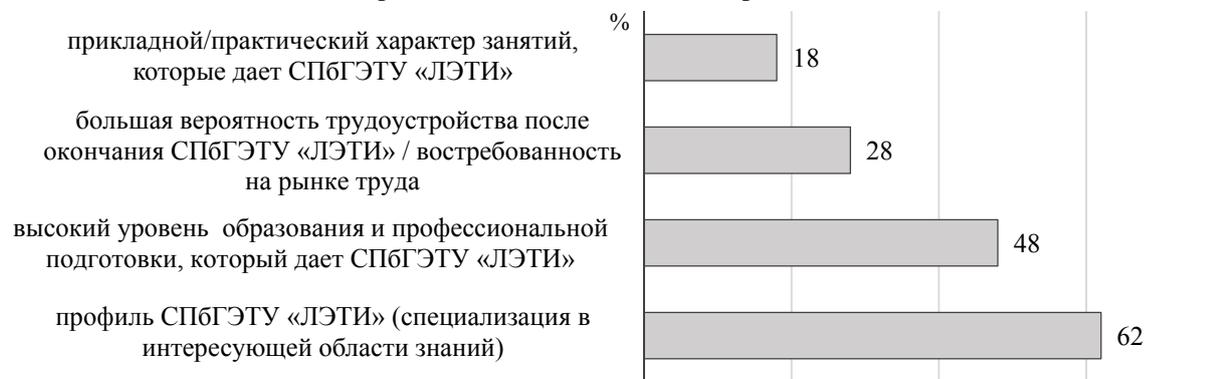

Рис. 4. Оценка влияния факторов качества образования на принятие решения абитуриентами о выборе вуза

Fig. 4. Assessing the influence of education quality factors on the decision to choose a university by applicants

Такое распределение ответов подтверждает сразу несколько заключений, сделанных и самими авторами, и вторичными источниками. Во-первых, последние публикации указывают на то, что при выборе профессии для абитуриентов все более и более значимыми становятся ее характеристики, ориентированные на внутренние побуждения самих абитуриентов. Менее всего абитуриентам важны факторы, связанные с ограничениями профессии, например, невозможностью трудоустройства по выбираемой специальности в своем регионе, наличием в профессии вредных условий труда и рисков и т. д. [21]. В этом смысле можно говорить о некотором эгоцентризме молодежи при оценке будущего профессионального направления обучения.

Во-вторых, абитуриенты в принятии решения о выборе вуза главным образом ориентируются на сложившиеся у них представления о качестве образования, предоставляемого этим вузом, и это актуализирует значение работы над коммуникационной стратегией университета, основной целью которой является формирование его положительного имиджа.

Наконец, тот факт, что прогнозирование вероятности трудоустройства у респондентов выходит на третье место, снова указывает на влияние упомянутого ранее принципа «здесь и сейчас».

Обращаясь к иерархии влияния имиджевых факторов, можно обнаружить динамику в их оценке даже по сравнению с замерами 2020 г. (рис. 5).

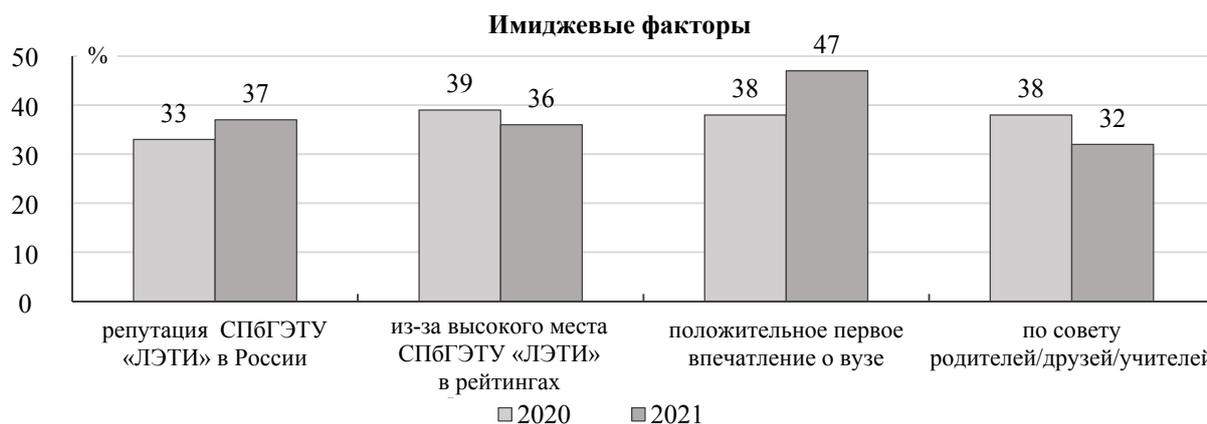

Рис. 5. Оценка влияния имиджевых факторов принятия решения о выборе вуза абитуриентами 2020 и 2021 гг.
Fig. 5. Assessment of the influence of image factors in decision-making on the choice of university by applicants in 2020 and 2021

Причины падения важности первого впечатления о вузе очевидны. Они связаны с переходом к дистанционному формату приема в 2020 и 2021 гг. в связи с пандемией. На этом фоне растет значение внешних источников информации. Прежде всего, это международные рейтинги. Во-первых, они доступны широкой публике. Во-вторых, принцип их построения понятен и привычен цифровому поколению (по аналогии с оценкой популярности тех или иных объектов в социальных сетях). Напротив, информация о репутации вуза в России – это значительно менее тиражируемые данные, представляемые часто в непонятной и непривлекательной форме для поколения, скорее нацеленного на жизнь «без территориальных границ».

Особенности этого поколения со всей очевидностью отражаются и в третьей иерархии информационных факторов принятия решения о выборе вуза (рис. 6).

Рис. 6. Оценка информационного сопровождения приемной кампании 2021 г.
Fig. 6. The information support evaluation of the admission campaign in 2021

Полученное распределение ответов обуславливает вывод о том, что для повышения уровня профессиональной мотивации и привлечения к поступлению в вуз поколения Z необходима кардинальная смена поля коммуникативного взаимодействия с офлайн на онлайн.

Анализ существующих цифровых практик взаимодействия вуза с абитуриентами инженерных специальностей, проведенный в рамках решения третьей задачи, показал явное и с большим отрывом первенство цифровых ресурсов в ряду предпочитаемых молодежью источников информации о вузах (рис. 7).

Рис. 7. Оценка абитуриентами полезности информационных ресурсов о вузах
Fig. 7. Assessment of the usefulness of information resources about universities by applicants

В ходе исследования анализировалась динамика оценки значимости различных сетевых ресурсов (таблица).

Оценка информационного значения социальных сетей для абитуриентов
The information value of social networks for applicants

Социальная сеть	Значимость сервиса, средний балл							
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ВКонтакте	-	-	-	4,54	4,64	4,62	4,75	4,75
Instagram*	2,13	2,71	3,03	3,16	3,27	3,40	3,56	3,47
YouTube	2,75	3,25	3,37	3,46	3,39	3,37	3,91	3,87
Facebook*	2,48	2,43	2,47	2,40	2,23	2,16	2,24	1,87
TikTok	-	-	-	-	-	-	1,93	2,37
Twitter	-	-	2,54	-	-	-	2,25	2,05
Telegram	-	-	-	-	-	-	3,57	3,70

Опираясь на сделанные выводы, авторы исследования обратились к анализу наиболее популярных среди абитуриентов видеосообщений о высшей школе. Выбор видео осуществлялся на основании интервью со студентами I курса бакалавриата инженерных направлений подготовки. С помощью интервью было собрано 83 ссылки на видеоконтент. Среди этих

*Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации. Принадлежит экстремистской организации.

ссылки для анализа выбирались видео, названные несколькими информантами (14 видеороликов). Были проанализированы их длительность, композиция, тематика и жанр.

Сопоставляя видео по популярности, авторами было установлено, что выбор ролика несколькими информантами зависит от его длительности. Чаще всего трое и более информантов называли видео длительностью не более 6 мин. [например, 22]. Самый продолжительный видеоролик длился 16 мин. Его назвали два информанта. Наиболее кратким оказался видеоролик в 3 мин.

С точки зрения композиции, для рассматриваемых видео характерны совокупность различных коротких тематических фрагментов, быстрая сменяемость кадра и динамичный музыкальный фон, чередующийся с речью комментатора [например, 23].

Такие продолжительность и композиция видео материала подтверждали гипотезу о необходимости обеспечить клиповость, динамичность и фрагментарность подачи сообщения для привлечения внимания молодежи.

Среди тем видеоконтента, указанного абитуриентами, чаще всего встречались: профиль и содержание образовательного процесса (чему и как будут обучать в университете) (1-е место по шкале популярности тем); карьера и достижения выпускников вузов (2-е место); организация учебного процесса (как строится расписание, есть ли вторая смена и т. д.) (3-е место); условия в общежитиях университета (3-е место).

Жанр наиболее популярных видеороликов можно охарактеризовать как рассказ очевидца. Причем больший интерес вызывали рассказы сверстников. Среди названных некоторыми информантами видео были и сообщения, выстроенные по принципу игры, например, викторины, требующей от зрителей ответы на вопросы [24]. Видеоролики, исполненные в таком жанре, оказались менее востребованными абитуриентами инженерных направлений. Выводы о жанровой принадлежности популярных среди сегодняшних абитуриентов видеосообщений говорят о пока нереализованном потенциале геймификации в процессах привлечения и профессиональной ориентации молодежи. У молодых людей, выбирающих инженерные направления подготовки, информирование о вузе и профессиональном образовании ассоциируется скорее с монологической коммуникацией, не предполагающей интерактив.

Заключение. На основании итогов исследования обоснованно можно сформулировать выводы о необходимости цифрового поворота в коммуникационных стратегиях взаимодействия вуза с современными абитуриентами с учетом мотивационных и когнитивных особенностей цифрового поколения, представителями которого они являются. Обеспечение конкурентного преимущества университета в современных условиях во многом определяется скоростью перехода к новым технологиям и, как следствие, готовностью к сдвигам в сторону образовательной системы нового поколения.

Информация окружает современную молодежь с рождения. Молодые люди привыкли к большому и быстрому информационным потокам. В то же время у многих современных абитуриентов не развиты способности к критическому восприятию данных. У них отсутствуют навыки отбора значимой информации, оценки ее полезности. Абитуриенты могут пострадать от так называемого «парадокса выбора», в котором растущий спектр вариантов осложняет принятие рационального решения.

Вуз заинтересован в том, чтобы его абитуриенты могли быстро получить интересующую их информацию, чтобы она была полной и полезной. Важно, чтобы абитуриент, столкнувшись с какими-либо барьерами на пути получения ответов на свои вопросы, не переключил свое внимание на другие источники. Открытый, прозрачный канал коммуникации с предусмотренным широким инструментарием и возможностями для взаимодействия с абитуриентами усиливает конкурентное преимущество университета на современном рынке образования. Понимание мотивационных и когнитивных особенностей цифрового поколения открывает возможности для оценки перспектив развития коммуникационной стратегии современного университета.

Авторы статьи на основании результатов своих исследований предлагают следующие направления развития коммуникационных стратегий в работе с абитуриентами инженерных направлений. С учетом ориентации цифрового поколения на поиск информации в электронной среде и, одновременно, важности повышения доверия к ее источнику целесообразны создание и совершенствование работы электронной приемной комиссии; использование чат-ботов для помощи абитуриентам в поиске нужной информации; оптимизация страниц под мобильные гаджеты, через которые сегодняшняя молодежь предпочитает получать информацию, даже в движении не желая выключаться из информационного потока. Узнаваемость вуза в мировых информационных сетях закрепляет за ним место в цифровом пространстве без территориальных границ, что важно для поколения Z, склонного к мобильности, пусть и виртуальной.

Форматами сообщений о своих достоинствах для вуза могут стать короткие рекламные видеоматериалы и подкасты о студенческой жизни. Важным ресурсом представляются форумы, где у абитуриентов есть возможность пообщаться со студентами и выпускниками. Для ребят, поступающих в вуз, сталкивающихся с перенасыщенным и противоречивым информационным полем, но стоящих перед необходимостью сделать жизненно важный и ответственный выбор, большое значение имеют эталон поведения и референтная группа. Форумы, объединяющие абитуриентов, студентов и выпускников, создают благоприятное поле для подражания и обмена опытом. В рамках этого поля можно не только доходчиво рассказать о путях достижения успеха как выпускником, так и талантливым студентом, но и дать ясное понимание разнообразия образовательных и профессиональных направлений, формирующихся в вузе. Как показали результаты представленных исследований, широта возможностей подготовки и достижения успехов в университете также является ценностями для поколения Z.

Очень важной составляющей успеха коммуникационной стратегии вуза представляется качественная обратная связь. Как было показано в статье, цифровое поколение характеризуется определенной долей эгоцентризма, которая заставляет университет говорить с конкретным абитуриентом, учитывая его чаяния, сомнения, особенности восприятия и обработки поступающей к нему информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2010.

2. Шестакова И. Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 1. С. 56–63. DOI: 10.17586/2310-1172-2018-11-1-56-63.

3. Бхалла А., Чакраворти Б., Чатурведи Р. Ш. Самые цифровые страны мира: рейтинг 2020 года // Большие идеи. 12.01.2021. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688/> (дата обращения: 09.12.2022).

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 09.12.2022).

5. Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5lZYfTvOAG.pdf> (дата обращения: 09.12.2022).

6. Bauman Z. *Universities: Old, New and Different* // *The Postmodern University? Contested Visions of Higher Education in Society*. Buckingham: Open Univ. Press, 1997. P. 78–87.

7. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6.

8. Федотова Н. Н. На пути к процессуальной теории идентичности // Философские науки. 2014. № 11. С. 70–81.

9. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100 % // РБК. 12.01.2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 09.12.2022).

10. Строецкая Е. В., Бетигер И. Б. Парадигма смарт-образования: ожидаемые результаты и реальный опыт студентов // Дискурс. 2021. Т. 7, № 2. С. 94–107. DOI 10.32603/2412-8562-2021-7-2-94-107.

11. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн // Think with Google. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/consumer-insights/consumer-trends/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privychek-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/> (дата обращения: 09.12.2022).

12. Ректоры российских вузов признали приемную кампанию успешной // Минобрнауки России. 17.08.2021. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=38487 (дата обращения: 09.12.2022).

13. Ярошевский М. Г. Л. С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993.

14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

15. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.

16. Абдрахманова Л. В., Никонова Э. И. Основные факторы, влияющие на выбор вуза абитуриентом // Вестн. экономики, права и социологии. 2017. № 3. С. 113–116.

17. *Fifty Years of College Choice: Social, Political and Institutional Influences on the Decision-making Process* / J. L. Kinzie, M. Palmer, J. Hayek, et al. Indianapolis: Lumina Foundation for Education, 2004.

18. Богданова Н. М. «Визуальная социология» – новая наука или особый угол зрения? // Социол. журн. 2012. № 3. С. 67–79.

19. Миков Ю. В., Табала О. В. Вторичная занятость и профессиональный выбор студента // Педагогическое образование в России. 2014. № 11. С. 119–124.

20. Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. Взаимодействие образовательных учреждений и организаций-работодателей в условиях цифровизации // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 82–88. DOI 10.51692/1994-3776_2021_1_82.

21. Волегов В. С. Анализ представлений обучающихся основной школы Пермского края о социально-профессиональной структуре как элемент готовности к профессиональному самоопределению // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2019. № 2. С. 273–283. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-273-283>.

22. СПбГЭТУ «ЛЭТИ» – как поступить? | Первый электротехнический – 10 фактов. 2020 // Навигатор поступления. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Xt_DZtyXNzg (дата обращения: 09.12.2022).

23. «ЛЭТИ» Электротехнический институт | Как поступить в СПбГЭТУ? 2019 // Вперед за высшим! Образование и вузы Петербурга. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MCze5DNbhIk> (дата обращения: 09.12.2022).

24. Битва Университетов (ЛЭТИ vs ИТМО). 2017 // ВОЙС STANDUP. YouTube. URL: <https://youtu.be/56OYui5kBFY> (дата обращения: 09.12.2022).

Информация об авторах.

Строгецкая Елена Витальевна – кандидат политических наук (2000), доцент (2004), заведующая кафедрой социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 79 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, политика и стратегии развития высшего образования, методология и методики институциональных исследований в области образования, современные мировые исследования высшего образования.

Бетигер Ирина Борисовна – заместитель руководителя службы социологического и психологического сопровождения учебного процесса Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 18 научных публикаций. Сфера научных интересов: социологические исследования в области образования, социальная психология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.12.2022; принята после рецензирования 27.12.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Castells, M. (2010), *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*, 2nd ed., Blackwell Publishing, Oxford, GBR.

2. Shestakova, I.G. (2018), "Human capital in the digital age". *Scientific Journal NRU ITMO: Series "Economics and Environmental Management"*, no. 1, pp. 56–63. DOI: 10.17586/2310-1172-2018-11-1-56-63.

3. Bkhalla, A., Chakravorti, B. and Chaturvedi, R.Sh. (2021), "The most digital countries in the world", *Bol'shie idei*, 12.01.2021, available at: <http://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/p23271> (accessed 09.12.2022).

4. "Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 no. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"" (2017), *Prezident Rossii* [President of Russia], available at <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed 09.12.2022).

5. "Passport of the priority project "Modern digital educational environment in the Russian Federation", *Pravitel'stvo Rossii* [Russian Government], available at: <http://static.government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5IZYfTvOAG.pdf> (accessed 09.12.2022).

6. Bauman, Z. (1997), "Universities: Old, New and Different", *The Postmodern University? Contested Visions of Higher Education in Society*, Open Univ. Press, Buckingham, GBR, pp. 78–87.

7. Kulakova, A.B. (2018), "Generation Z: Theoretical Aspect", *Territorial development issues*, no. 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6.

8. Fedotova, N. (2014), "Toward the Theory of Identity as a Process", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 11, pp. 70–81.

9. "The share of Internet users in Russia among young people has approached 100%" (2021), *RBK*, available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (accessed 09.12.2022).

10. Strogetskaia, E.V. and Betiger, I.B. (2021), "The Smart Education Paradigm: Expected Outcomes and Real-Life Student Experience", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 2, pp. 94–107. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-2-94-107>.

11. "New Generation of Internet Users: A Study of Russian Youth Online Habits and Behavior", *Think with Google*, available at: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/consumer-insights/consumer-trends/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/> (accessed 09.12.2022).

12. "Rectors of Russian universities recognized the admission campaign as successful" (2021), *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*, 17.08.2021, available at: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=38487 (accessed 09.12.2022).

13. Yaroshevskii, M.G. (1993), *L. S. Vygotskii: v poiskakh novoi psikhologii* [L.S. Vygotsky: in search of a new psychology], Mezhdunarodnyi fond istorii nauki, SPb., RUS.

14. Leont'yev, A.N. (1977), *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality], 2nd ed., Politizdat, Moscow, USSR.

15. Uznadze, D.N. (1966), *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], Moscow, Nauka, USSR.

16. Abdrakhmanova, L.V. and Nikonova, E.I. (2017), "Main Factors Affecting the Choice of the Higher Education Institution", *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 3, pp. 113–116.

17. Kinzie, J.L., Palmer, M., Hayek, J. et al. (2004), *Fifty Years of College Choice: Social, Political and Institutional Influences on the Decision-making Process*, Lumina Foundation for Education, Indianapolis, USA.

18. Bogdanova, N.M. (2012), "Visual sociology": Is it a new science or a special point of view? *Sociological J.*, no. 3, pp. 67–79.

19. Mikov, Y.V. and Tabala, O.V. (2014), "Student's Secondary Employment and Career Choice", *Pedagogical Education in Russia*, no. 11, pp. 119–124.

20. Avakova, E. and Kuznetsov, A. (2021), "Interaction of educational institutions and organizations-employers in the context of digitalization", *Telescope: J. of sociological and marketing research*, no. 1, pp. 82–88. DOI: http://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_82.

21. Volegov, V.S. (2019), "Ideas of the basic school students about the socio-professional structure as an element of their readiness for professional self-determination (a case study of the Perm region)", *Perm Univ. Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 2, pp. 273–283. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-273-283>.

22. "SPbGETU "LETI" - what to do? | The first electrical engineering - 10 facts" (2020), *Admission Navigator. YouTube*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=Xt_DZtyXNzg (accessed 09.12.2022).

23. ""LETI" Electrotechnical Institute | How to enter SPbGETU?" (2019), *Forward for the highest! Education and universities in St. Petersburg, YouTube*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=MCze5DHbhlk> (accessed 09.12.2022).

24. "Battle of Universities (LETI vs ITMO)" (2017), *Voice Standup. YouTube*, available at: <https://youtu.be/56OYyi5kBFY> (accessed 09.12.2022).

Information about the authors.

Elena V. Strogetskaia – Can. Sci. (Policy, 2000), Docent (2004), Head of the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 79 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, policies and strategies for the development of higher education,

methodology and methods of institutional research in the field of education, modern world studies of higher education.

Irina B. Betiger – Deputy Head of the Service of Sociological and Psychological Support of the Educational Process, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 18 scientific publications. Area of expertise: sociological research in education, social psychology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.12.2022; adopted after review 27.12.2022; published online 22.02.2023.*

Оригинальная статья
УДК 81-13; 81'23
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-116-129>

Темпоральные маркеры как способ моделирования художественного пространства стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară»

Анна Викторовна Диль

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия,
annadiehl2018@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-9835-117X>*

Введение. Настоящее исследование посвящено изучению лингвокультурной специфики и особенностей функционирования темпоральных маркеров, моделирующих художественное пространство стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară». Универсальная категория темпоральности представляет собой объект исследований на стыке разнообразных научных дисциплин: лингвистики, психолингвистики, литературоведения и культурологии. Таким образом, актуальность данного исследования в первую очередь связана с его междисциплинарностью. Новизна исследования заключается в том, что лингвокультурный анализ темпоральных маркеров в стихотворении М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară» проводится в рамках антропоцентрической парадигмы. Цель исследования состоит в выявлении специфики темпоральной структуры стихотворения «Pe aceeași ulicioară» с учетом смыслообразующей функции темпоральных маркеров в его когнитивном сценарии, моделирующих темпоральную перспективу стихотворения и эмоциональный мир лирического героя.

Методология и источники. Теоретическая основа исследования представлена работами лингвистов, занимавшихся анализом сущности категории темпоральности, а также лингвокультурной специфики эмоциональных концептов в антропоцентрической парадигме. В данной статье при анализе языкового материала были использованы метод концептуально-фреймового анализа, описательный метод, контекстуальный и интерпретационный методы.

Результаты и обсуждение. В центре художественного пространства лирических произведений М. Эминеску находится его лирический герой с богатым внутренним миром – эмоциональный человек, ностальгирующий по прошлому и чутко откликающийся на смену настроений в современном ему обществе. В статье представлены результаты категоризации лексем-маркеров темпоральности, структурирующих временные планы настоящего и прошлого в контексте описания эмоционального мира лирического героя.

Заключение. Было установлено, что временные маркеры в стихотворении М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară» выполняют функцию локализации описываемых событий в рамках художественного пространства стихотворения, соотнося их с временным планом настоящего или прошлого, и таким образом структурируют мир эмоцио-

© Диль А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

нальных переживаний лирического героя. Рассматриваемые в статье художественные концепты «прошлое», «настоящее» и «любовь» тесно взаимодействуют друг с другом в рамках когнитивного пространства анализируемого стихотворения. Смыслообразующей доминантой стихотворения является концепт любви, объединяющий выделенные концепты в рамках сюжетной линии стихотворения, являющейся отчасти автобиографичной.

Ключевые слова: Эминеску, темпоральные маркеры, эмоциональный мир человека, концепт, номинации эмоций, прошлое, настоящее

Для цитирования: Диль А. В. Темпоральные маркеры как способ моделирования художественного пространства стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară» // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 116–129. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-116-129.

Original paper

Temporal Markers as a Way of Modeling the Artistic Space of the Poem “Pe aceeași ulicioară” by M. Eminescu

Anna V. Diehl

*Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, St Petersburg, Russia,
annadiehl2018@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-9835-117X>*

Introduction. The present study is devoted to the analysis of linguistic and cultural specifics and features of the functioning of temporal markers that model the artistic space of the poem “Pe aceeași ulicioară” by M. Eminescu. The universal category of temporality becomes the object of research at the intersection of various scientific disciplines: linguistics, psycholinguistics, literary criticism and cultural studies. Thus, the relevance of this study is primarily due to its interdisciplinarity. The novelty of the study lies in the fact that the linguocultural analysis of temporal markers in the poem “Pe aceeași ulicioară” by M. Eminescu is carried out within the framework of the anthropocentric paradigm. The purpose of the study is to identify the specifics of the temporal structure of the poem “Pe aceeași ulicioară”, taking into account the meaning-forming function of temporal markers in its cognitive scenario, structuring the temporal perspective of the poem and modeling the emotional world of the lyrical hero.

Methodology and sources. The theoretical basis of the study is presented by the works of linguists who analyzed the essence of the category of temporality, as well as the linguocultural specifics of emotional concepts in the anthropocentric paradigm. In this article, when analyzing the language material, the following methods were used: the method of conceptual-frame analysis, the descriptive method, the contextual and interpretive methods.

Results and discussion. In the center of the artistic space of the literary works of M. Eminescu is his lyrical hero with his rich inner world - an emotional person, nostalgic for the past and sensitively responding to the change of mood in his contemporary society. The article presents the results of the categorization of temporality markers, the lexemes that structure the time plans of the present and the past in the context of describing the emotional world of the lyrical hero.

Conclusions. It has been found out that the temporal markers in the poem “Pe aceeași ulicioară” by M. Eminescu perform the function of localizing the events described in the poem within the artistic space of the poem, correlating them with the temporal plan of the present or past, and thus structure the world of emotional experiences of the lyrical hero. The artistic concepts “past”, “present” and “love” considered in the article closely interact and

echo each other. The semantic dominant of the poem is the concept of love, which unites the selected concepts within the storyline of the poem, which is partly autobiographical.

Keywords: Eminescu, temporal markers, human emotional world, concept, nominations of emotions, past, present

For citation: Diehl, A.V. (2023), "Temporal Markers as a Way of Modeling the Artistic Space of the Poem "Pe aceeași ulicioară" by M. Eminescu", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 116–129. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-116-129 (Russia).

Введение. Философская концепция творчества Михая Эминеску, величайшего румынского поэта-романтика, прозаика и публициста XIX столетия, складывается под влиянием характерных черт и настроений современного литератору общества, а также философских систем эпохи романтизма в целом. В своих произведениях М. Эминеску обсуждает как общечеловеческие ценности (темы любви и одиночества, борьбы за социальную справедливость, равенства и свободы), так и наиболее острые философские и социальные проблемы своего времени. Особое внимание в лирике М. Эминеску уделяется темпоральной перспективе описания событий и ситуаций: лирический герой критически оценивает свое место и предназначение в окружающем мире, ностальгирует по светлым моментам из прошлого. Все обозначенные темы представлены в творчестве М. Эминеску в эгоцентрической перспективе, т. е. сквозь призму внутреннего мира лирического героя, образ которого является отчасти автобиографичным. По этой причине исследование эмоционально заряженных концептов, смысловых доминант художественного мира лирики М. Эминеску, представляется возможным именно в антропоцентрической парадигме. В действительности изучение специфики мышления и мировосприятия человека в их тесной связи с речевой деятельностью, а также лингвокогнитивная интерпретация языковленных репрезентаций эмоций и чувств в соответствии с антропоцентрической парадигмой, является перспективным направлением исследовательской деятельности в рамках когнитивной лингвистики, нередко требующим привлечения данных смежных наук [1].

В контексте антропоцентрической парадигмы человек как носитель своего языка и культуры выступает как субъект речевого общения или «языковая личность» (термин получил распространение в отечественной лингвистике благодаря трудам В. В. Виноградова [2]). Языковая личность принадлежит пространству своей культуры и становится объектом самых разнообразных исследований (как чисто лингвистических, так и междисциплинарных); при этом за человеком утверждается его ведущая роль в речепроизводстве и использовании языка [3], т. е. язык и человек взаимообусловлены и не могут существовать друг без друга.

Исследование сущности понятия «языковая личность» в отечественной лингвистике изначально проводилось на основе анализа литературно-художественного дискурса, т. е. в аспекте изучения авторских идиостилей; в качестве языковой личности в литературном произведении выступал персонаж со своими индивидуальными речевыми характеристиками. В. В. Виноградов выделял две ипостаси изучения языковой личности – «личность автора» и «личность персонажа», подчеркивал необходимость исследования индивидуальных стилей в контексте художественных произведений, делая при этом особый акцент на влиянии личности на становление и развитие национального языка [2].

Как отмечает А. Ф. Ашимова, индивидуально-авторская специфика интерпретации образов складывается из «языкового уровня авторской компаративности» (т. е. целенаправленного отбора языковых средств), «эстетически обусловленной концептуальности» (представленной такими параметрами, как прагматическая ситуация, экспрессивная и ритмико-синтаксическая организация, принципы композиции и др.) [4]. В своем исследовании автор оперирует понятием «метатропы», под которым подразумеваются индивидуальные «семантические и структурно-текстовые комплексы» в пределах авторской художественной системы; среди метатропов выделяются «ситуативные, концептуальные, композиционно-функциональные и собственно операционные смысловые» комплексы [Там же]. Таким образом, идиостиль является своеобразным воплощением языковой личности автора, отражая индивидуально-авторские особенности мировидения и концептуализации действительности за счет использования индивидуальных языковых средств в произведении.

Если объектом лингвокультурного исследования становится поэтическое произведение, авторский идиостиль нередко характеризуется ярко выраженной эмоциональной составляющей, которая в когнитивном пространстве стихотворения отражает индивидуальные особенности мировосприятия как лирического героя, так и самого автора. В настоящее время существует большое количество работ, посвященных рассмотрению феномена эмоциональных концептов в произведениях художественной литературы на материале различных языков. Многоплановость и междисциплинарность подобных исследований в первую очередь объясняются жанровой спецификой поэтического дискурса, который по сути является особой лингвокультурологической категорией, авторским идиолектом. Наиболее информативными с точки зрения проведения лингвокультурного анализа представляются вторичные, косвенные или метафорические номинации эмоций, содержащие в себе результаты когнитивного переосмысления эмоциональных категорий носителями конкретного языка или культуры, а также ценную информацию об индивидуально-авторских особенностях видения и трактовки конкретных эмоциональных концептов [1].

В настоящем исследовании мы исходим из убеждения, что анализ художественных концептов в рамках литературных, в частности поэтических, произведений проводится на основе исследования репрезентирующих их фреймовых структур. Под фреймом, конструктивной репрезентацией «стереотипной ситуации», вслед за М. Минским [5] понимается иерархическая структура данных (знаний) о конкретном понятии. Фреймы-сценарии в художественном пространстве поэтического произведения выступают в качестве когнитивной базы описываемых событий и ситуаций, а также играют важную роль в композиционном отношении, моделируя сюжетную линию повествования.

Метод фреймового анализа, эффективно применяемый в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, представляет собой универсальный метод исследования когнитивных структур. Фреймовые структуры складываются вокруг конкретных концептов и, соответственно, репрезентируют целые фрагменты действительности. Входящие в фреймовую структуру узлы (слоты), в свою очередь, могут быть облигаторными и необлигаторными. Они соотносятся с конкретными (общеизвестными) или подразумеваемыми когнитивными характеристиками концептов, которые в ходе интерпретации описываемой ситуации «выборочно актуализируются».

Художественное пространство литературного произведения нередко характеризуется совмещением и взаимовлиянием нескольких сюжетных линий и, соответственно, временных планов. Разработка художественных образов в соответствии с прагматической установкой автора может быть реализована лишь в соответствии с определенными временными и пространственными координатами. В случае, если место и время описываемых в произведении событий не выражаются в эксплицитной форме, они, как правило, подразумеваются исходя из контекста. Таким образом, темпоральные маркеры выполняют функцию упорядочивания событийной линии произведения, а также эксплицируют индивидуальные особенности эмоционального мира персонажей.

По указанным причинам изучение специфики создания темпоральной организации художественного текста за счет использования разнообразных языковых средств в соответствии с идиостилем конкретного автора представляет собой интереснейшую область для исследователя. Под идиостилем в настоящем исследовании понимается комплекс лингвистических характеристик и языковых средств, отличающих индивидуальную манеру и стиль конкретного автора от других авторских стилей и характеризующихся узнаваемостью. Идиостиль, являясь отражением концептуальной системы автора, несет в себе информацию об индивидуально-авторской специфике восприятия категорий времени и пространства.

Категория времени, будучи сопряженной с категорией движения, представляет собой универсальную категорию человеческого мышления. Лингвисты, занимающиеся изучением особенностей функционирования категории темпоральности в художественной литературе, указывают на антропоцентрическую сущность подобных исследований, так как изучение специфики «концептуализации темпорального опыта» должно быть связано с индивидуальным опытом человека [6]. Темпоральная система служит цели организации и упорядочивания во времени описываемых в произведении (тексте, отрезке речи) событий [7].

При этом необходимо отметить, что категория лингвистического времени в художественной литературе превращается в категорию времени художественного. Художественное время, отличаясь многомерностью, обратимостью, а также разнонаправленностью, моделирует темпоральный континуум текста в литературных произведениях.

В настоящем исследовании мы придерживаемся убеждения в том, что временные маркеры моделируют художественное пространство литературного произведения, способствуя раскрытию образов персонажей за счет локализации их поступков во времени и соотнесения конкретных эмоциональных переживаний героев с определенными этапами их жизни.

Актуальность данного исследования на материале стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară» [8, с. 118–119] определяется в первую очередь его междисциплинарной направленностью, в соответствии с которой функционирование темпоральных маркеров в рамках художественного пространства стихотворения М. Эминеску рассматривается с позиций когнитивной лингвистики, культурологии и литературоведения.

Цель исследования состоит в выявлении специфики темпоральной структуры стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară» с учетом смыслообразующей функции темпоральных маркеров в его когнитивном сценарии, моделирующих темпоральную перспективу и эмоциональный мир лирического героя.

Тема исследования представляется актуальной и перспективной в силу недостаточной изученности темпоральной структуры поэтических произведений на материале румынской классической литературы. Новизна исследования заключается в том, что лингвокультурный анализ темпоральных маркеров в стихотворении М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară» проводится в рамках антропоцентрической парадигмы, с учетом специфики индивидуально-авторского идиостиля М. Эминеску и идейно-художественного своеобразия его творчества в целом.

Методология и источники. Материалом исследования послужили стихотворение М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară» [Там же] и его перевод на русский язык Ю. Кожевникова [9, с. 74–75].

Объектом настоящего исследования является темпоральная организация стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară», репрезентированная набором темпоральных маркеров. Предметом анализа являются способы моделирования темпоральной перспективы данного стихотворения и их роль в структурировании эмоционального мира лирического героя, а также в реализации авторского идиостиля. В данной статье при анализе языкового материала были использованы метод концептуально-фреймового анализа, описательный метод, контекстуальный и интерпретационный методы.

К основным задачам исследования можно отнести следующие:

1) проанализировать варианты интерпретации понятия «темпоральность» в лингвистике; в частности, рассмотреть особую роль категории темпоральности в формировании художественного пространства литературного произведения;

2) выявить индивидуально-авторскую специфику интерпретации эмоционально заряженных концептов в рамках художественного пространства стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară»;

3) разработать классификацию языковых репрезентаций художественных концептов «прошрое» и «настоящее» в контексте рассматриваемого стихотворения посредством рассмотрения их фреймовой организации;

4) категоризировать маркеры темпоральности, структурирующие временную перспективу стихотворения М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară»;

5) произвести лингвокогнитивный анализ лексических единиц-номинаций темпоральных отношений в стихотворении М. Эминеску «Pe aceeași ulicioară», моделирующих временной континуум в художественном пространстве стихотворения.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что благодаря использованию междисциплинарного подхода к изучению специфики функционирования темпоральной лексики в контексте поэтического произведения оно вносит определенный вклад в развитие общей теории темпоральности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов на семинарах по стилистике, лексикологии, лингвокультурологии, прагмалингвистике и филологическому анализу текста.

Результаты и обсуждение. Темпоральный аспект бытия представляет собой один из ключевых философских вопросов, которыми задается лирический герой произведений Михая Эминеску, гения румынской классической литературы. Художественное пространство лирики М. Эминеску отражает весь комплекс философских вопросов, глубоко волновавших

самого поэта, и по большей части содержит в себе отпечаток его собственного жизненного опыта и мировидения. В центре творчества М. Эминеску находится его лирический герой – личность с огромным эмоциональным потенциалом, личность свобододлюбивая и мыслящая, отстаивающая свои идеалы прекрасного и не боящаяся бросить вызов окружающему ее обществу. Магические силы природы («Озеро», «Лесная сказка», «Звезды-огни»), любовь и тоска по прошлому (стихотворения «Что такое любовь», «Любил я втайне», «Ушла любовь», «Когда вспоминаешь...», «Я от тебя далеко» и др.), одиночество («Одиночество», «Тоскую лишь о том...», «Прошли года»), а также противостояние жизни и смерти, размышление о судьбе родины, борьба за свободу и справедливость («Император и пролетарий», «Ангел и Демон», «Послания») в контекстах прошлого, настоящего и будущего – все эти темы находят отражение в философско-поэтической концепции М. Эминеску.

Концептуальный мир произведений М. Эминеску является эмоционально заряженным в силу того, что его лирический герой, наделенный эмпатией и склонный к рефлексии, решает общечеловеческие проблемы, в частности, проблемы современного ему общества на личностном уровне. Тема ностальгии по прошлому является излюбленной темой М. Эминеску начиная с самого раннего периода его творчества. Как правило, воспоминания лирического героя связаны с мысленным путешествием назад в прошлое, где ему посчастливилось испытать самые радостные моменты своей жизни. Эти воспоминания являются источником как внезапной мимолетной радости, так и глубочайшей грусти ввиду осознания лирическим героем бесполезности своего существования и невозможности вернуться назад в счастливое прошлое. С точки зрения источника ностальгии лирического героя можно выделить несколько типов ситуаций в контексте сюжетной линии стихотворений. Это, в первую очередь, ностальгия по родине (стихотворения «На чужбине», «Буковина» и др.) и тоска по возлюбленной («Любимая, лишь вспомню», «Когда вспоминаешь...») [9].

Смыслообразующей константой концептуального мира М. Эминеску является образ любви, дарящей лирическому герою радость существования и наделенной великой силой. В рамках поэтического идиолекта М. Эминеску образ любви объединяет темпоральные пласты прошлого, настоящего и будущего, раздвигая границы времени объективного. События из жизни лирического героя осмысляются им в эмоциональных категориях, сквозь призму взаимодействия с возлюбленной в разные периоды их отношений, маркируемые в контексте художественного пространства стихотворения при помощи лексических единиц с темпоральной семантикой.

В данном исследовании мы придерживаемся убеждения в том, что концепт любви, основополагающий эмоциональный фрагмент концептуального мира М. Эминеску, отражает специфику индивидуально-авторского восприятия этого концепта и моделируется в контексте анализируемого стихотворения при помощи темпоральных маркеров, структурирующих эмоциональные переживания персонажа во временной перспективе. Эмоциональная концептосфера анализируемого стихотворения складывается из трех концептов – прошлого, настоящего и смыслообразующего концепта любви, который объединяет темпоральные планы стихотворения.

Темпоральная организация стихотворения «Pe aceeași ulicioară» основывается на взаимосвязи перекликающихся друг с другом временных планов: 1) объективного плана повест-

ования; 2) личного, субъективного времени лирического героя, ассоциируемого с воспоминаниями о прошлом и «путешествием во времени».

Концепты «прошлое» и «настоящее», являясь эмоционально заряженными, представляют собой смыслообразующие темпоральные фрагменты когнитивного сценария стихотворения «Pe aceeași ulicioară». Стихотворение «Pe aceeași ulicioară» посвящено воспоминаниям лирического героя о романтических свиданиях с возлюбленной в прошлом.

В композиционном отношении стихотворение включает в себя восемь четверостиший, отражающих постепенную смену временных пластов «настоящее-прошлое-настоящее». Первые три строфы тематически связаны с репрезентацией плана настоящего: герой прогуливается по улице, где раньше жила его возлюбленная, и понимает, что мир вокруг остался прежним (тот же дом, то же окошко, тот же пейзаж вокруг), вот только сама она охладела к нему и не ищет встреч: «Vecinic nu te mai ivești!» [8, с. 118] – рус. «Не посмотришь все равно» (пер. Ю. Кожевникова) [9, с. 74]. Лирический герой, по его собственному утверждению, напротив, ничуть не изменился и при виде до боли знакомых ему мест предается воспоминаниям: «Numai eu, rămas același, // Bat mereu același drum» [8, с. 118] – рус. «Только я дорогой прежней // Все блуждаю до сих пор» (пер. Ю. Кожевникова) [9, с. 74]. Описанию романтических встреч влюбленных посвящены строфы 4–6. В заключительном четверостишии подводятся своеобразный итог идейно-философской концепции стихотворения: планы настоящего и прошлого как бы становятся единым целым в первой и второй строках: «Vântul tremură-n perdele // Astăzi ca și alte dați...» [8, с. 119] – рус. «Ветер тронул занавеску, // Как в минувшие года...» (пер. Ю. Кожевникова) [9, с. 75]. Мир вокруг статичен и понятен лирическому герою, лишь сердце женщины остается для него загадкой. Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что план будущего в стихотворении только подразумевается: благодаря использованию лексемы *vecinic* (рус. «навсегда, навсегда») временная перспектива стихотворения растягивается и уходит в будущее – герой уже давно потерял надежду на то, что его возлюбленная когда-нибудь снова выглянет в окошко.

Образы прошлого и настоящего в стихотворении «Pe aceeași ulicioară», являясь эмоционально заряженными, т. е. связанными в рамках когнитивного сценария стихотворения с эмоциональным миром лирического героя, в свою очередь представлены по большей части в имплицитной форме за счет использования иносказательных номинаций-перифразов, формирующих фреймовую структуру. В настоящем исследовании предполагается, что образ настоящего в стихотворении репрезентирован фреймами «окружающая обстановка» и «эмоциональный диссонанс». Рассмотрим структурно-содержательное наполнение соответствующих фреймов. Так, в рамках фрейма, соотносимого с понятием «окружающая обстановка», находятся три обязательных слота, обладающие следующим семантическим наполнением:

1. что?

а) объект живой или неживой природы, являющийся источником воспоминаний для лирического героя, «пробуждающим» в нем конкретные чувства: рум. luna – рус. «луна»; рум. pomi în floare – рус. «цветущие деревья»; рум. crengi întind peste zaplaz – рус. «ветви простираются поверх изгороди»; рум. vântul – рус. «ветер»; рум. umbra tănuitului boschet – рус. «тень таинственной рощи»; рум. perdele – рус. «занавески, шторы»;

б) артефакт, т. е. материальный объект, являющийся причиной эмоционального переживания (ностальгии): рум. ferești – рус. «окна»; рум. ulicioară – рус. «переулок»; рум. gratii – рус. «решетка на окнах»;

2. что делает? т. е. тип действия: рум. bate – рус. досл. «бьет, стучится» (о луне); рум. stengii întind – рус. «ветви тянутся, простираются»; рум. tremură – рус. «шевелит» (о ветре);

3. где? т. е. местонахождение природных объектов и условия реализации эмотивной ситуации: рум. pe aceeși ulicioară – рус. «в том же самом переулке».

Природа в стихотворении «Pe aceeși ulicioară», как, впрочем, и во многих других лирических произведениях М. Эминеску, наделяется чудодейственными силами и является свидетелем эмоциональных взлетов и душевных драм лирического героя. Мир природы персонифицирован и живет своей собственной жизнью, при этом взаимодействуя и пересекаясь с эмоциональным миром персонажей. Красочные описания природы создаются благодаря использованию метафор и олицетворений: луна стучится в окно – luna bate în ferești; ветер шевелит занавеску – vântul bate/tremură; встречи происходят в тени таинственной рощи – în umbra tăinutului boschet.

Фрейм «эмоциональный диссонанс» репрезентирует эмоциональное состояние лирического героя, ностальгирующего по прошлому и осознающего безответность своих чувств. Герой идет по до боли знакомым местам и осознает, что все материальное вокруг по сути осталось прежним, неизменным. Даже его собственные чувства остались неизменными. Принципиальное различие между планами настоящего и прошлого для героя состоит в том, что возлюбленная потеряла к нему интерес, т. е. в данном случае речь идет об эмоциональном диссонансе. В рамках выделенного фрейма мы выделяем три слота:

1. облигаторный слот «кто?», т. е. партиципant эмоциональной ситуации: eu (я, т. е. лирический герой);

2. что? атрибут эмоциональной ситуации: рум. suflet – рус. «душа» (возлюбленной лирического героя); рум. ochii – рус. «глаза», т. е. зеркало души;

3. какой? т. е. характеристика лирического героя и его возлюбленной в темпоральной перспективе: рум. altul – рус. «другой»; рум. alții – рус. «другие» (о глазах возлюбленной); рум. același – рус. «такой же, прежний» (лирический герой о самом себе и своем жизненном пути).

В силу того, что планы настоящего и прошлого соприкасаются и накладываются друг на друга, мы можем констатировать тот факт, что фрейм «окружающая обстановка» репрезентирует оба концепта. При этом в отличие от образа настоящего, концепт прошлого окрашен в светлые тона: для лирического героя прошлое ассоциируется с моментами любви и счастья, недолговечными, но незабываемыми. По этой причине мы предполагаем, что образ прошлого в анализируемом стихотворении репрезентирован фреймами «окружающая обстановка» и «любовь».

В рамках фрейма «любовь» находятся четыре слота:

1. облигаторный слот «кто?», т. е. партиципant эмоциональной ситуации: tu (рус. «ты» – обращение к возлюбленной); рум. femeia – рус. «женщина»; при этом местоимение 1 л. ед. ч. «eu» (рус. «я») в контексте строф 4–7 в форме именительного падежа (номинатива) не употребляется, хотя и подразумевается с учетом использования соответствующей личной формы глагола (рум. nu stiam – рус. «я не знал») в 7 строфе, а также безударных местоимен-

ных форм -mi, îmi, соотносящихся с формой дательного падежа местоимения 1 л. ед. ч. «eu» (рус. «я»);

2. облигаторный слот «что?» – атрибут любви: рум. sărutări – рус. «поцелуи»; рум. pieptul – «грудь»; рум. întrebări – рус. «вопросы»; рум. farmec – рус. «очарование»;

3. облигаторный слот «какая?», т. е. характеристика объекта любви (возлюбленной лирического героя) в прошлом: рум. subțire – рус. «стройная»; рум. gîngașă – рус. «нежная»;

4. необлигаторный слот «где?», т. е. описание места романтических встреч: umbra tăinuitului boschet – рус. «тень таинственной рощи».

Для того чтобы подчеркнуть факт осознания лирическим героем тщетности своих надежд на взаимность, в конце первой и восьмой строф стихотворения применяется стилистический прием анафоры: «Numai tu de după ... // Vecinic nu te mai ... !» [8].

Рассмотренные выше образы прошлого и настоящего создают темпоральную перспективу стихотворения – прогуливаясь по знакомым со времен юности местам, герой совершает мысленное путешествие во времени из настоящего в прошлое и обратно в настоящее. Описанию плана настоящего посвящены начальные строфы 1–3, а также заключительная восьмая строфа; образы из прошлого представлены в строфах 4–7.

Темпоральная перспектива в рамках когнитивного сценария рассматриваемого стихотворения выстраивается не только в композиционном отношении, но и за счет использования ряда темпоральных маркеров, прямо или косвенно указывающих на конкретный этап жизни лирического героя, с которым связаны определенные ассоциации или воспоминания. Языковые средства экспликации категории темпоральности, моделирующие художественное пространство стихотворения, можно разделить на чисто лексические и грамматические. К первой группе мы относим лексемы, в семантике которых уже содержится маркер темпоральности. Речь идет о существительных zilele (рус. «дни»), vreme (рус. «время»), viața (рус. «жизнь»); прилагательном trecute (рус. «минувшие, прошедшие»: о днях); наречиях astăzi, azi (рус. «сегодня»), vecinic («навсегда, на веки веков», в контексте стихотворения – «никогда уже»), а также словосочетаниях ca și alte dăți – «как и в другие разы (как и прежде)». В целях создания эффекта противопоставленности безмятежного прошлого тоскливому настоящему лексемы вступают в антонимические отношения, образуя семантические оппозиции:

1) противопоставление временных перспектив: zilele trecute (рус. «минувшие дни») – azi (рус. «сегодня»);

2) противопоставление вечных, неизблемых истин природы и своего собственного постоянства ветреной женской сущности при помощи использования антонимичных лексем рум. a ceeași/același/aceiași – рус. «прежняя/прежний/прежние» в описаниях природы и эмоционального состояния лирического героя и рум. altul (alții) – рус. «другой (другие)» в контексте описания возлюбленной лирического героя:

- рум. a ceeași ulicioară – рус. «прежний (тот же самый) переулочек»;
- рум. același eu – рус. «прежний я»;
- рум. aceiași pomi – рус. «те же деревья»;
- рум. altul suflet – рус. «другая душа» (о возлюбленной);
- рум. alții ochii – рус. «другие глаза» (о возлюбленной).

Необходимо также отметить, что лексемы *aseeași/același/aceiași* и *altul/alții* также относятся в настоящем исследовании к темпоральным маркерам с учетом их прагмалингвистической функции в контексте когнитивного сценария рассматриваемого стихотворения — вышеуказанные лексемы как бы раздвигают планы настоящего и прошлого, противопоставляя их друг другу.

Сближение планов настоящего и прошлого в стихотворении реализуется в рамках одного контекста в предложении рум. «*Vântul tremură -n perdele // Astăzi ca și alte dăți*» [8, с. 119] – рус. «Ветер тронул занавеску, // Как в минувшие года...» (пер. Ю. Кожевникова) [9, с. 75]. Герой убеждается в том, что обстановка вокруг него остается прежней, неизменной. Природа продолжает жить своей жизнью и сопровождает лирического героя на протяжении всего его жизненного пути.

Наряду с лексическими способами экспликации категории темпоральности, планы прошлого и настоящего в стихотворении также выражаются при помощи грамматических средств, к которым можно отнести оппозиции форм прошедшего и настоящего времени. Так, например, план настоящего в стихотворении моделируется в грамматическом отношении за счет использования форм настоящего времени (*Timpul Present*), а прошедшее время *Imperfectul* используется в контексте описания длительных или же повторяемых действий в прошлом, а также эмоциональных состояний лирического героя.

План настоящего, характеризующийся незыблемостью и константностью, соотносится в грамматическом отношении с формами настоящего времени: рум. *bate luna în ferești* – рус. «бьется (стучится) лунный свет в окно»; рум. *crengi întind* – рус. «протягивают ветви» (о деревьях); рум. *vântul tremură* – рус. «ветер шевелит». Эмоциональное состояние лирических героев стихотворения также констатируется как некая данность или очевидный факт посредством использования форм настоящего времени: рум. *altul este suflet* – рус. «другая ([есть] теперь) твоя душа»; рум. *eu bat același drum* – рус. «я иду по тому же пути».

Начиная с четвертого четверостишия, план настоящего сменяется планом прошлого ввиду того, что лирический герой погружается в воспоминания. Формы прошедшего времени *Imperfectul* применяются в контексте описания трех типов ситуаций по мере развития сюжетной линии стихотворения:

1) характеристика поведения героини: рум. *tu rășeai încet* – рус. «ты шла медленно»; рум. *îmi veneai* – рус. «тихо (робко) приходила ты ко мне»;

2) описание романтических встреч влюбленных: рум. *sărutări erau răspunsul* – рус. «поцелуи были ответом»; рум. *ne spuneam atât de multe* – рус. «мы так много о чем говорили»; рум. *n-aveai vreme să întrebi* – рус. «не было времени спросить».

3) описание психологического состояния лирического героя: рум. *nu știam ce-i pe rământ* – рус. «забывал обо всем на свете».

Таким образом, в рамках художественного мира М. Эминеску концепт времени, моделируемый при помощи использования темпоральных маркеров, тесно переплетается с эмоциональными концептами, репрезентирующими внутренний мир персонажей и их личную романтическую «историю». Оппозиция «неувядающая, вечная любовь – мимолетная влюбленность», по сути, являясь одной из главных тем творчества М. Эминеску, находит отражение и в стихотворении «*Pe aceeași ulicioară*». В рамках когнитивного сценария стихотво-

рения выделяются три основных концепта – прошлое, настоящее и концепт «любовь», обладающий смыслообразующей функцией в контексте стихотворения и связывающий временные планы в единое целое. Для лирического героя, в отличие от его возлюбленной, любовь не осталась в прошлом, а, наоборот, превратилась в одну из аксиологических констант его существования. Время над ней не властно. Взаимодействие и взаимовлияние выделенных эмоциональных концептов моделируется в рамках анализируемого стихотворения за счет использования темпоральных маркеров, основной когнитивной функцией которых является соотнесение описываемых в стихотворении ситуаций с конкретными этапами на жизненном пути лирического героя. Эмоциональная составляющая внутреннего мира лирического героя стихотворения «Pe aceeași ulicioară» эксплицируется за счет лексико-грамматических языковых средств моделирования временной перспективы художественного пространства стихотворения.

Заключение. Данное исследование посвящено рассмотрению смыслообразующей функции темпоральных маркеров в контексте структурирования и эксплицирования художественного пространства стихотворения М. Эминеску. Было установлено, что временной континуум в стихотворении складывается из двух временных планов – прошлого и будущего, которые состоят в отношениях взаимосвязи и взаимовлияния. Образы прошлого и настоящего представлены в стихотворении преимущественно в имплицитной, иносказательной форме, обладают ярко выраженным символическим и ассоциативным характером, а их когнитивное содержание рассматривается на основе изучения фреймовых структур, их репрезентирующих. Помимо темпоральных концептов, в исследовании также выделяется объединяющий их концепт любви, который в свою очередь является связующим звеном между временными планами в художественном пространстве стихотворения. Все выделенные концепты являются эмоционально заряженными и в определенной степени эгоцентрическими, так как отражают индивидуальные особенности мировидения и мировосприятия лирического героя. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что рассмотренная в рамках настоящего исследования темпоральная концептуальная модель «временной последовательности» событий – модель эгоцентрическая, структурирующая концепты прошлого и настоящего в рамках индивидуальной эмоциональной картины мира лирического героя стихотворения. В исследовании была произведена классификация темпоральных маркеров настоящего и прошлого, моделирующих эмоциональный опыт героя и темпоральную перспективу стихотворения в целом, а также рассмотрена их текстообразующая функция с учетом реализации прагматической задумки автора. Таким образом, исследование специфики репрезентации категории времени в стихотворении основывается на категоризации и лингвокультурном анализе сопряженных друг с другом лексических и грамматических средств ее объективизации.

Изучение когнитивной и смыслообразующей функции темпоральной лексики в контексте моделирования ею художественного пространства поэтического произведения на материале румынского языка представляется перспективной и еще недостаточно изученной областью исследования, лежащей на стыке ряда научных дисциплин – лингвокультурологии, лексикологии, литературоведения и психологии, и представляет собой большой интерес для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диль А. В., Бутина А. А. Дихотомия образов родины и чужбины как фрагментов художественной эмоциональной картины мира в стихотворении М. Эминеску «Din străinătate» («На чужбине») // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 255–258. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-590-255-258.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избранные труды. М.: Наука, 1980.
3. Кыштымова Т. В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике // Вестн. ЧГПУ. 2014. 6. С. 237–244.
4. Ашимова А. Ф. Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго» // Вестн. Мининского ун-та. 2013. № 3. URL: https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/413?locale=ru_RU (дата обращения: 10.07.2022).
5. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. Г. Н. Гринбаума. М.: Энергия, 1979.
6. Чугунова С. А. Темпоральные концепты и методы их исследования // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 134–142.
7. Дубровская О. В. Категория темпоральности. Современные тенденции и инновации в науке и производстве // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: материалы IX междунар. науч.-практич. конф., Междуреченск, 15 апреля 2020 г. Междуреченск: Кузбас. гос. тех. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2020. С. 312-1–312-3.
8. Eminescu M. Poezii. Antume. Ed. a 2-a. Pitești: Editura Paralela, 2011.
9. Эминеску М. Лучафэрул. Избранные стихотворения / пер. с румын.; сост. Ю. Кожевникова. М.: Детская литература, 1979.

Информация об авторе.

Диль Анна Викторовна – кандидат филологических наук (2015), доцент (2022), доцент кафедры лингвистики и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Лермонтовский пр., д. 44, Санкт-Петербург, 190103, Россия. Автор 29 научных публикаций. Сфера научных интересов: контрастивная лингвистика, когнитивная лингвистика, германская и романская филология, национальная румынская литература XIX–XX вв.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.07.2022; принята после рецензирования 22.09.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Diehl, A.V. and Butina, A.A. (2021), "Dichotomy of the images of motherland and foreign land as fragments of the artistic emotional picture of the world in the poem "Din străinătate" by M. Eminescu", *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya* [The world of science, culture and education], no. 5 (90), pp. 255–258. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-590-255-258.
2. Vinogradov, V.V. (1980), *O yazyke khudozhestvennoi prozy: izbrannye trudy* [On the language of fiction: Selected works], Nauka, Moscow, USSR.
3. Kyshtymova, T.V. (2014), "Concept "language personality" of modern linguistics", *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical Univ.*, no. 6, pp. 237–244.
4. Ashimova, A.F. (2013), "Idiostyle as a manifestation of linguistic identity of the author on the novel "Doctor Zhivago"", *Vestnik Minskogo Universiteta*, no. 3, available at: https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/413?locale=ru_RU (accessed 10.07.2022).
5. Minsky, M. (1979), *A framework for representing knowledge*, Transl. by Grinbaum, G.N., Energiya, Moscow, USSR.

6. Chugunova, S.A. (2009), "Temporal concepts and their research methods", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 5 (143), *Philology. Art History*, iss. 29, pp. 134–142.

7. Dubrovskaya, O.V. (2020), "Temporality", *Innovation on science and industry, X International Scientific Conference*, Mezhdurechensk, April 15 2020, KuzSTU, Mezhdurechensk, pp. 312-1–312-3.

8. Eminescu, M. (2011), *Poezii. Antume*, ed. a 2-a., Editura Paralela, Pitești, ROU.

9. Eminescu, M. (1979), *Luceafarul. Selected works*, Transl. by Kozhevnikov, Yu., Detskaya literatura, Moscow, USSR.

Information about the author.

Anna V. Diehl – Can. Sci. (Philology, 2015), Docent (2022), Assistant Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44 Lermontovskiy ave., St Petersburg 190103, Russia. The author of 29 scientific publications. Area of expertise: contrastive linguistics, cognitive linguistics, Germanic and Romance philology, national Romanian literature of the XIX–XX centuries.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.07.2022; adopted after review 22.09.2022; published online 22.02.2023.

Оригинальная статья
УДК 81'373.612.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-130-141>

Особенности функционирования табуированной лексики в современном зарубежном кинематографе

Светлана Анатольевна Панкратова

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
Санкт-Петербург, Россия,
svetpankrat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>*

Введение. Рассматриваются особенности функционирования табуированной лексики, которая является многообразной и неустранимой особенностью современного кинематографа. Цель исследования – анализ функционирования табуированной лексики в языковом аспекте для совершенствования применения зарубежного контента в соответствии с цензурными требованиями. Для этого ставится задача проанализировать корпус табуированных единиц, выявить основные закономерности допустимого применения табуированной лексики и охарактеризовать возможные пути оптимизации ее применения.

Методология и источники. Статья представляет результаты анализа табуированной лексики в западном кинематографе, основанного на комплексном семантико-дискурсивном и прагматическом подходе. Частнолингвистические методы наблюдения, описания и количественного подсчета используются наряду с общелингвистическими методами сравнения. Информационную базу исследования составили более 300 примеров табуированной лексики, подобранные методом сплошной выборки из 19 фильмов западного кинематографа и интернет-источника [scripts.com](https://www.scripts.com), а также словари сленга и жаргона.

Результаты и обсуждение. Принимая во внимание многостороннее исследование табуированной лексики, статья выявляет более 30 единиц, описывающих гендерные и социальные особенности табу в лексике английского языка, несущие директивный характер. Подобные единицы повсеместно используются в западном кинематографе, снижая регистр речи киногероев и общий культурный уровень киноиндустрии. Анализ демонстрирует, что, несмотря на недопустимость сниженного регистра, табу способно создавать правдоподобные образы киногероев и их сценарного поведения.

Заключение. Как показало обращение к проблеме табуированности, ее применение носителями английского языка в кинофильмах вызвано соображениями повышения эмоциональной и оценочной выразительности высказываний. Обращает на себя внимание маргинализованная среда и тематика общения на темы преступлений и нетрудовых доходов, с помощью табу обуславливающая директивность дискурса и языковую игру.

Ключевые слова: табу, инвективная лексика, дисфемизм, вульгаризм, концептуализация, дискурс

Для цитирования: Панкратова С. А. Особенности функционирования табуированной лексики в современном зарубежном кинематографе // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 130–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-130-141.

© Панкратова С. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Peculiarities of the Functioning of the Taboo Lexicon in the Modern Western Cinematography

Svetlana A. Pankratova

*St Petersburg State University of Film and Television, St Petersburg, Russia,
svetpankrat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>*

Introduction. The article reviews peculiarities of functioning of taboo lexis, which is a many-sided and indispensable aspect of modern filmmaking. The study aims at the analysis of taboo functioning in the linguistic field in order to improve foreign content application in compliance with censorship requirements. The implementation presupposes analysis of taboo lexical units, revealing their functioning features as regards to acceptable implementation of the taboo and to depict the possible ways of optimization of its use in modern cinema.

Methodology and sources. The article presents results of the analysis of the taboo lexis in Western filmmaking, the former being based on a complex semantic-discursive and pragmatic approach. Specific linguistic methods of observation, description and quantitative measurement are used in the article together with the general linguistic methods of comparison. Informative basis of the study is comprised of more than 300 examples selected by the method of continuous sampling from 19 Western films and by means of the internet-resource scripts.com, as well as slang and jargon dictionaries.

Results and discussion. Taking into account many-sided study of the taboo lexis, the article reveals more than 60 units representing gender, and social features of taboo in the English language carrying an imprint of directive connotation. These taboo units are ubiquitously used in the Western filmmaking degrading the speech value of film characters and the general cultural level of film industry. The analysis demonstrates that taboo lexis is able to create veritable images of film characters and their scenic behaviour in spite of the unacceptability of taboo usage in mass media.

Conclusion. As was shown by the study of the taboo lexis its application by English-language speakers in film is conditioned by considerations of magnified emotional and evaluating expressivity of the speech. It is particularly noticeable that marginalized strata and theme scope of communication on topics of crime of illegal income with the help of taboo is defined by directivity of the discourse and language play.

Keywords: taboo, invective lexis, disparagement, vulgarisms, conceptualization, discourse

For citation: Pankratova, S.A. (2023), "Peculiarities of the Functioning of the Taboo Lexicon in the Modern Western Cinematography", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 130–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-130-141 (Russia).

Введение. Вниманию заинтересованных читателей предлагается изучение особенностей функционирования табуированной лексики, которая является неоднозначной и в то же время неотъемлемой деталью современного зарубежного кинематографа, а ее выбор обусловлен индивидуальностью создателя фильма, его чувством юмора, стремлением дать максимально наглядный речевой портрет киногероя. В основе привлечения табуированных номинаций зачастую лежат стремление к яркости, броскости высказывания, обозначение субгрупповой принадлежности, намерение побудить к немедленному эффективному взаи-

модействию и демонстрация доминирующей социальной позиции. Научная новизна состоит в обращении к проблеме политкорректности как движению равных возможностей для всех рас, национальностей и людей со специфическими отличиями, вступающей в противоречие с творческой задачей сценаристов кинодрам. Объектом исследования выступает более 30 единиц табуированной лексики английского языка, характеризующихся специфическим набором сниженных лексико-фразеологических средств: дисфемизмы, вульгаризмы, бранные выражения (эксплетивы) и инвективы. Актуальность исследования табуированной лексики многократно усиливается в наши дни вследствие необходимости соблюдения языковых норм и требований цензуры в кинопрокате.

Методология и источники. Применены частнолингвистические методы лингвистического наблюдения, описательный метод, метод количественных подсчетов и универсальный метод сравнения. Информационную экзemplификативную базу исследования составили более 300 инвективных реплик на английском языке, извлеченных методом сплошной выборки из 19 киносценариев современных зарубежных кинофильмов, с повышенным градусом инвективности по данным интернет-ресурса [scripts.com](https://www.scripts.com) и словарей жаргона и сленга [1–3].

Результаты и обсуждение. Проведен анализ функционирования табуированной лексики в зарубежном кинодискурсе, основанный на комплексном семантико-дискурсивном и прагматическом анализе. Анализ продемонстрировал, что благодаря своей шоковой силе инвективность способна создавать правдоподобные речевые образы киногероев и траекторию их поведения. Как очевидно, бóльшая доля единиц, раскрывающих половую тему и тему физиологии, делает сами рассуждения о лингвистической природе табу несколько фривольными. Таково устройство языка, что любой говорящий на эти темы (удобно, но незаслуженно именуемые «низкими») рискует прослыть разнузданным языковым хулиганом. Однако, как и в медицинской практике, согласимся, что нет ничего грязного и отталкивающего в существовании половой и физиологической темы *per se*. Неприличность заключена в оскорбительных намерениях говорящих, открыто связывающих ту или иную единицу с нанесением ущерба лицу адресата. Наша задача состоит в том, чтобы выявить условия функционирования инвективности в кино, а для соблюдения приличий прибегнем к удобным эвфемичным сокращениям типа *f*****g*, которые не оскорбят пуристов, но и не скроют природу изучаемого табуированного слова.

Как известно, коммуникация носит ритуализованный характер, а используемые в ее ходе знаки имеют характер программ, вырабатывающихся в процессах регулирования человеческих отношений. Ранние работы, посвященные табуированности в языке, принадлежат философам и этнографам (Д. К. Зеленин, А. Мейе, Дж. Фрэнгер). Работы А. Мейе, исследовавшего языковое табу и эвфемии у древних, привлекли внимание ученых к этому явлению в первой половине XX в. [4]. В психоаналитике широко известны исследования табу и подсознательного З. Фрейда [5]. В условиях первобытного выживания наибольшей ценностью является жизнь и, как отмечает А. М. Кацев, «...для первобытного сознания смерть и болезни были окутаны зловещей тайной и ассоциировались с действием сверхъестественных сил. Естественно, что все, что имело отношение к этим понятиям, начиная с имен покойных и кончая их захоронением, вовлекалось в сферу языкового табу» [6, с. 80–81]. М. М. Маковский подробно исследовал и описал воздействие механизмов табуирования на язык [7].

Как установили ученые-этнографы, некоторые ритуализованные формы оказываются табуированными в высокоразвитой человеческой культуре. Именно к подобным знакам особого рода, единицам с элементами вербальной агрессии относятся табуированные изречения [8]. Поскольку в коллективе не все единицы одинаково допустимы к вербализации, семантика вербальной агрессии закономерно фиксируется табуированной лексикой. Табуированные вербальные действия человека, вышедшего из-под контроля культурной нормы, обычно характеризуются такими общими терминами, как ругань, брань, оскорбление и т. п. В работе нидерландского историка культуры И. Хейзинги “*Homo Ludens*” («Человек играющий») автор отводит первостепенную роль в становлении культуры элементу состязательности, особому агональному инстинкту, ткущему на грубом полотне конфликта биологических потребностей тонкие узоры высокоритуализованных форм поведения. Отмечая повсеместную распространенность состязаний в хуле и похвальбе, являющихся ритуализованной прелюдией к настоящему сражению [9, с. 81], автор показывает, как эта символическая форма, замещающая физическую агрессию вербальной, отделяется от своего исходного контекста и получает самостоятельное существование в различных сферах человеческой деятельности. Важно отметить, что как у животных, так и у человека в состоянии аффекта наблюдается резкое снижение мыслительных способностей. Поэтому клятва или боевой клич, рождаясь и функционируя в ситуациях порой предельного аффективного накала, плохо увязывается с идеей связи языка и мышления. Очевидно, что для снятия помех мышлению, создаваемых аффективной знаковостью, эмоция должна быть в достаточной мере подавлена, но без ущерба самой знаковости.

В семиотике процесс символизации агрессивного поведения характеризуется как «жест вместо акта» [10, с. 135]. Даже при поверхностном взгляде становится очевидным, что в человеческой культуре наиболее несублимированный вариант этой древнейшей функции ритуала закрепился за обценной, или «матерной» лексикой, а также за некоторыми сопутствующими ей жестами и позами. Базовая денотация этих вербальных и невербальных знаков говорит об определенных особенностях способов построения социальной иерархии [11, 12]. Подобный «сексуальный» план выражения межранговых отношений наблюдается в отнюдь не табуированном виде у многих видов приматов. Это положение символически обобщается и распространяется на прочие типы отношений, обозначая позиции власти и подчинения уже независимо от сексуальной подоплеки. Исходная функция знакового поведения сохраняется у табуированной лексики в довольно неприкрытом виде. Непосредственно жизненный опыт показывает, что бранные слова спонтанно рождаются в условиях, когда возникает потребность в наступательно-оборонительных реакциях.

Дальнейшее развитие общества перспективно направлено в сторону ухода от буквализма к эвфемистическим замещениям. С развитием культуры и общественных отношений в языке начинает формироваться пласт эвфемизмов – дозволенные наименования, скрывающие свой предмет. В основу формирования замен, помимо суеверного страха, ложатся чувства стыда, такта, а также принятые в обществе нормы вежливости и стереотипы поведения. Например, эстетические и нравственные законы современного общества запрещают говорить прямо о некоторых физиологических актах, об отношениях между полами; также не принято называть прямо определенные части тела человека, физические или психические

недостатки, заболевания. В табуированной лексике, напротив, явно вскрыты все негативные коннотации, которые тщательно вуалируются в эвфемизмах.

В ходе анализа практического материала автором исследования был собран корпус из 330 текстовых фрагментов из 19 киносценариев, в том числе таких знаменитых фильмов криминальной направленности, как «Джокер» (Joker) (2019) сценариста Тодда Филипса, «Криминальное чтиво» (Pulp Fiction) (1994) и «Бешеные псы» (Reservoir Dogs) (1991) сценариста и режиссера Квентина Тарантино и др. Как было установлено, табуированная лексика в современном зарубежном кино насчитывает более 60 единиц и семантически подразделяется на наименования, связанные: 1) с половой тематикой: ass, balls и т. д.; 2) социальным статусом: bastard, bitch и т. д.; 3) естественными человеческими выделениями: bloody, spit и т. д.; 4) горячительными напитками и злоупотреблением ими: booze; 5) умственными способностями: degenerate, dumb и т. д.; 6) богохульствами и проклятиями: goddamn; 7) национальностями и расовыми особенностями: gook, greaseball и т. д. [1–3]. Для изучения функционирования бранной лексики ответим на вопросы: для чего применяется брань в кино, кому она адресована, сколько бранных слов умещается в одну фразу, как эмоционально окрашена брань, как она вписывается в идиоматический состав языка, какую шоковую силу несет, на какие сакральные моменты посягает, кто больше склонен к брани среди полов, буквально или переносно воспринимается брань и какими способами ее избежать.

1. *Декларативность, интеррогативность и императивность инвектив.* Как было установлено, благодаря привлечению инвективности в жанре триллера и драмы многократно возрастает персуазивный эффект высказывания. Среди декларативов особенно выделяются высказывания об истинности намерений героя («Я говорю правду»), которые в сопровождении табуированной единицы звучат более убедительно (I'm telling you the f*****g truth!). *PETE: Don't look at me that way. I'm telling you the fucking truth! I'm totally fucking straight, man!* [13, p. 20]. В императивах табуированная лексика усиливает повелевающую силу высказывания, не допуская возражений и неповиновения, например, фраза «Вбей себе это в дурацкую голову!» (Get that through your f*****g thick head) звучит грубее и мощнее с табуированной единицей. *LIAM: Well, I love your ma and she loves me. Get that through your fucking thick head.* [14, p. 49]. Итак, табуированная лексика выполняет роль эмоционального усиления-триггера, гипертрофированно преувеличивая масштаб события, которое требует незамедлительного и эффективного разрешения. Табуированные единицы многократно усиливают убедительную силу, изображая гипотетическую ситуацию членовредительства в направлении адресата, что имеет для последнего наибольшую персуазивность.

2. *Экстрареференция и интрареференция инвектив.* Референция есть соотнесенность имен, входящих в состав высказывания, с объектами внеязыковой действительности. Экстрареферентная инвектива направлена вовне, на всевозможные качества оппонента: на национальность адресата: «дурацкий американец», «мексикашка» (American s*****!), внешность, пол, упитанность адресата, и примеры изобилуют подобными инвективами. *SAUREL: I understand perfectly, you American shitheel.* [15, p. 86]. Однако имеются единичные примеры интрареференции (инвектива, направленного на самого говорящего): «Я был негодяй» (I was an a*****e), по причине психологических барьеров извинения. *FREDDY: I was an asshole and left, but he would never just vanish like this.* [16, p. 23]. Особенно референтно

ярка самопохвала с бранной лексикой, как в примере «Я потрясающий чертов друг» (I'm a great f****n' friend), где ругательство приобретает противоположный негативному эмоциональный окрас. *VINCENT: Sure I am. Yeah, I'm a great friend. I'm a great fuckin' friend.* [17, р. 63]. Представляется, что бранная речь есть мощный неконтролируемый эмоциональный поток изречений, в котором говорящим теряется локус контроля, а инвективный референциальный перенос характеризует ситуацию бранной речи как крайне контагиозную, ту, в которой эмоции захлестывают через край. Этот тот самый случай, когда в кинодраме неоспоримо высок градус эмоционального накала и крепкое словцо может достаться всем.

3. *Сингулярность и мультикомплементарность инвектив.* Единичные инвективы наиболее часты в речи киногероев, причем в них может иметь место тавтология, что несколько не смущает говорящего, цель которого – выплеснуть эмоции в бранной тираде: «Вы чертовы ублюдки» (you f****g m*****s). *JOE: I will fucking talk! I will tell you whatever the fuck you want to hear... you fucking motherfuckers!* [18, р. 52]. В восьмиместном инвективном изречении повторяется центральная для бранных речевая единица «на -f», как сигнал неширокого словарного запаса и образованности: «Надо к черту что-то делать. Чертов парень не должен говорить с копами. Чертова пушка на улице. Все чертовщина вот-вот к черту взорвется. Если Томми и его чертовы парни... Ты к черту должен помочь». (I got to f****g do something about this. I can't have the kid f****g talking to the cops. The f****g gun is on the street. This whole f****g goddamn thing is about to f****g blow up. If fucking Tommy or any of those f****g guys... find out about it. You got to f****g help me. If I f****g have to.) *JOE: I got to fucking do something about this. I can't have the kid fucking talking to the cops. You understand me? The fucking gun is on the street. This whole fucking goddamn thing is about to fucking blow up. If fucking Tommy or any of those fucking guys... find out about it, I am a dead man. You got to fucking help me. If I fucking have to.* [18, р.14]. В итоге создается образ киноперсонажа, для которого брань состоит из привычных слов-паразитов, а их частотность ведет к делексистализации, что само по себе уже малообнадеживающая заявка на вхождение в общеупотребительный словарный фонд.

4. *Амелиоративность и пейоративность инвектив.* В исследовании табуированной лексики нами изучены коннотативные аспекты инвективности. Как справедливо полагает К. Э. Вяльях, «...экспрессивный компонент присутствует фактически в любом высказывании и непосредственно связан с активным субъектом высказывания. Все разноуровневые средства создания экспрессии находятся в системной, закономерной взаимосвязи, а их использование отражает систему оценок, предпочтений, желаний языковой личности» [19, с. 51]. Бранная лексика встречается и в позитивном контексте: «Я чертовски люблю тебя» (I f****g love you). *TAYLOR: I fucking love you, bro. Officer down! I need some fucking help!* [20, р. 62]. Оправданием привлечения сниженного регистра могло бы служить предположение о неполнозначности бранного слова для говорящего. Что касается уничижительности бранной лексики, то она работает на создание отрицательного образа киногероя, полностью отвечая цели очернить, унижить, оскорбить собеседника, как в примере «чертов негодяй» (f****g c*****r). *ROBERTSON: You disgust me. Get your face off my cock! Get off me, you fucking cocksucker!* [21, р. 25]. Бранная лексика как в контексте со знаком «плюс», так и в контексте со знаком «минус» ведет к снижению тональности всего высказывания.

5. *Фразеологизм инвектив*. Как известно, фразеологизм есть идиома, устойчивое сочетание слов, отличающееся постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением, не выводимым из значения составляющих компонентов. «Вращение» в устойчивый состав фразеологизмов инвективной лексики свидетельствует о тенденции к нормализации последней, о заявке на статус узаконенного языкового выражения: фразеологическая инвектива. К примеру: фразеологизм «мне наплевать» в английском языке (I don't give a damn в значении не давать ломаного гроша) переосмысливается гораздо грубее (don't give a s**t about people like you). *SOCIAL WORKER: They don't give a shit about people like you, Arthur. You don't have a voice and they don't really care what happens to you or to us for that matter.* [22, p. 36]. В результате происходит легитимизация, оправдание и закрепление брани в языке кино. Более того, новым видом семантического сращения мы бы назвали взаимодействие фразеологизма и инвективы в голофразисе, уникальном английском явлении языка, еще известном как «словотекст», в котором мысль, сжатая до одного дефисно-раздельно оформленного слова, сжато передает некую мысль или посыл. Самый простой пример: «Я потрясен» (I am overwhelmed), трансформируется за счет включения инвективы в структуру основы слова, приблизительно звучащий как «Я по-чертовски-трясен» (over-f*****g-whelmed). *ALBERT: That's right. Well, I am... over-fucking-whelmed.* [23, p.16]. Суммируя, отметим, что совмещение разных речевых модусов (общепринятого и низкого) приводит к абсурдизация речи, кино и размыванию границ допустимого в обычной речи.

6. *Шокирующая сила инвектив*. Шокирующий потенциал инвектив может быть максимальным, нейтральным или минимальным. Например, акцентирующие прилагательные на «-bl» (blinking (чертовский), blithering (жалкий), blooming (проклятый), blundering (нелепый) и др.) являются способом нанести оскорбление в смягченной форме, их шоковая сила незначительна. Выражение «запрыгивай в чертову корзину» (jump in the b****y basket) не несет максимальной шоковой силы благодаря смягченному прилагательному «чертов». *AL: Jump in the basket. Who the hell do you think I am? E.T.? Willie, jump in the bloody basket. I'm not getting in no bloody basket.* [24, p. 17]. Медиальная шоковая сила инвектив, нацеленных нанести существенный ущерб авторитету и самоуважению собеседника, реализуется за счет приема редупликации: «Это чертовски стремно» (it's f*****g f*****d). *TERRY: You hear about Fatty's leg? It's fucking fucked. Swinging off ladders at his age.* [25, p. 16]. Удвоение одного и того же бранного слова «на -f» говорит о нацеленности говорящего нанести как можно больший оскорбительный ущерб, что в гуманном обществе выглядит как нонсенс и деградация идеалов просвещения. Что касается максимальной шоковой силы, то здесь всевозможные способы оскорбления сконцентрированы в едином высказывании для достижения максимального эффекта, что сопровождается слабой когерентностью и связностью. Оскорбления раздаются щедро и без разбора, без учета половой принадлежности, просто перечисляются все возможные характеристики обоих полов вида Homo Sapiens (F**k this, s**t that. С**k, с**t, а*****е). Подобная неразборчивость говорит о тотальной испорченности говорящего, равно как и о сильной степени эмоционального накала. *MARK HANNA: Fuck this, shit that. Cock, cunt, asshole. I couldn't believe how these guys talked to each other.* [15, p. 8]. Итак, в высказываниях максимальной шоковой силы наблюдается противоречие между лингвистической и логической когерентностью и сильный эмоциональный накал.

7. *Секулярность и сакральность инвектив.* Десакрализация связана с инвективностью в том плане, что принижение священных для человечества понятий направлено на нанесение такого морального и нравственного ущерба адресату, который по значимости следует за нанесением физического ущерба. Наиболее богохульными являются встреченные в сценариях сочетания инвективы с божественными именами «проклятый бог» (f*****g God). *JAKE: Pete. Pete. I swear to fucking God. I need you to take a drug test.* [13, p. 21]. Сочетание сакрального и низкого вредоносно для тех, кто высказывается подобным образом, и для того, кто выслушивает подобную брань.

8. *Феминность и маскулинность инвектив.* В исследовании табуированной лексики нами были выделены фрагменты, где табуированная лексика привлекается феминно или маскулинно, есть небольшое число реплик-инвектив от женского лица, «вклад» женщин в инвентарь инвективности немногочисленен. Из всего набора кинофильмов с повышенной инвективностью, а их 19, нами было обнаружено 19 реплик от женского имени, т. е. статистически женские киногерои позволяют себе бранную лексику один раз за кинофильм. Скорее всего, можно предположить, что женщинами руководят иные мотивы, чем борьба и доминирование. Инвективы в женских устах содержат обидные высказывания об умственных способностях адресата: «тупица» (dumb-a*s), богохульные ругательства: «проклятое отродье» (goddamn b*****d), ругань касательно низкого качества получаемой информации: «ерунда» (b*****t). *LINDA: You goddamn bastard! You goddamn bastard. You're gonna pay for this. I'm going to bring you back to visibility and then I'm going throw your ass in jail.* [26, p. 110]. В одном примере женский персонаж прибегает к эвфемизации ругательного слова, сократив его до деликатного слово «на -f». *MIA: Well don't by shy Vincent, what exactly did they say? Let me help you Bashful, did it involve the F-word?* [27, p. 41]. Можно сказать, что из всех прагматических факторов речевая деятельность женщин наиболее кодифицирована с точки зрения социально-культурного, индивидуально-психологического, ролевого и коммуникативно-функционального аспектов. Здесь мы солидарны с Т. М. Беловой, утверждающей, что сама структура гендерной языковой метафоры, объективирующей культурный концепт «маскулинность», образуют признаки: «...активная жизненная позиция, жестокость, безжалостность, замкнутость, непостоянство политических убеждений» [28, с. 7]. Негативный семантический «вклад» женщин в инвентарь инвективности незначителен по сравнению с тем же вкладом сильной половины человечества.

9. *Буквализм и переносность инвектив.* Наконец, поговорим о концептуальной стороне инвективности. Анализ бранной лексики показал, что ее потенциал имеет четко выраженный буквалистский характер. В табуированной лексике сила буквальности такова, что именованное определенное органа и связанных с ним известных действий имплицитно подразумевает совершение вышеуказанных действий. В эмоционально накаленной обстановке инвектива служит непосредственным безотлагательным триггером к действию. В примере говорящий сперва ругается, а затем буквально намеревается вступить в половой контакт с оппонентом: «I'll f**k you». *LINDA: Fuck you! SEBASTIAN'S VOICE: Or maybe I'll fuck you. One last time for old times sake.* [20, p. 110]. Такая непосредственная связь слова и дела во многом объясняет рост преступности, когда сняты все запреты на совершение недопустимого и в первую очередь, как это ни прискорбно, снимаются языковые запреты. В противоположность буквализму инвектив

существует ряд табуированных единиц, значение которых применимо в обобщительно-переносном смысле, – это слова-ругательства «crap» и «shit». Для каждого из них имеется ряд негативных импликаций, не связанных непосредственно с их первым прямым значением «экскременты». Так, переносные значения слова «crap» – это и низкопробный товар, и содержимое низкокачественных консервов, а для слова «shit» – это плохие дела, неприятности, унижительное имя, неудача, обличающие улики. *JOKER: Last time I ended up taking it out on some, people. Bad shit. I thought it would bother me but it really hasn't.* [21, p. 69]. Семантически инвективы приближаются к широкозначным словам, действующим по схеме эврисемии, при которой абстрактность повышается, а денотативная ограниченность ослабляется.

Заключение. Системное рассмотрение актуальных особенностей табуированности в зарубежном кино базируется на разностороннем исследовании ненормативной лексики с прагматических, семантико-дискурсивных и когнитивных позиций, включающих такие параметры, как буквализм или образность, однозначность или широкозначность, интра- или экстраобъектность, фразеологизация, шокирующий потенциал, а также сакральные, гендерные и количественные параметры. Учет данных параметров позволил установить, что более 60 единиц-инвектив тематически описывают такие сферы, как половая, социально-статусная, физиологическая и ряд других. Прагматически табуированная лексика служит цели незамедлительного ускорения и оптимизации действий киногероев посредством воздействия на них эмоциональных триггеров-инвектив. Усиление импульса к действию создается благодаря привлечению инвектив в угрожающем ключе и представления гипотетической ситуации членовредительства адресата, что имеет для последнего наибольшую персуазивность. При этом речевая деятельность женщин наиболее прагматически и культурно кодифицирована, а их вклад в инвективности весьма незначителен и ситуативно обусловлен.

В коннотативном аспекте инвективная лексика способствует передаче широкого эмоционального спектра в киносценарии. Градус эмоционального накала благодаря инвективности возрастает, а референция может распространиться как на адресата, так и на самого адресанта с сменой знака с пейоративного на амелиоративный в самопохвале. Изучение шоковой силы инвектив подтверждает тезис о направленности бранной лексики на достижение максимального персуазивного эффекта. При этом, чем больше инвективных единиц содержит микроконтекст, а их число варьирует в пределах от единицы до одиннадцати, тем ниже логическая когерентность инвективы. Шоковая сила инвектив усиливается в случае их соположения с сакральной лексикой, ведущей к десакрализации и нанесению максимального морального и нравственного ущерба адресату. В лингвистическом плане изучение инвективности вскрывает тенденцию к их включению в фразеологический фонд английского языка, а подобное совмещение общепринятого и сниженного языковых модусов ведет к абсурдизации речи и размыванию границ допустимого. Нестандартный прием инвективного голофразиса свидетельствует о непрерывном поиске говорящими творческих способов эмоционального усиления наряду с решением задачи экономии языковых средств. В когнитивно-семантическом плане повсеместность инвектив ведет к утрате ими значения ругательности и превращении в общеупотребительное широкозначное слово-паразит с полной или частичной делексикализацией. Эффект неполнозначности объясним необразованностью и/или скудным словарным запасом киногероя.

В общем и целом, нацеленность киногероев на нанесение максимального оскорбительного ущерба в обществе XXI века выглядит как нонсенс и деградация идеалов просвещенного гуманизма. В культурном человеческом обществе табуированная лексика относится к порицаемым знакам вербальной агрессии, а негативные коннотации табуированности могут быть элиминированы в эвфемизмах, помогающих соблюсти этико-эстетические нормы без прямого именованья физиологических актов, отношений между полами и названий некоторых частей тела. Анализ показал, как через речь персонажей деградирует и общий культурный фон кинопроизведения. Поражает та легкость, с которой киногерои жонглируют ругательствами, частота их применения в речи. Это делается столь регулярно и интенсивно, что снимаются все барьеры на недопустимость ругани в повседневности. Таким образом, инвективы в кино служат своего рода анестетиком, «обезболивающим» против пошлости и непристойности, которым облегчается допуск в речь и жизнь культурных людей, кинозрителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ayto J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
2. Crystal D. The Penguin Dictionary of Language. London: Penguin, 1999.
3. Green Jo. The Slang Thesaurus. London: Penguin Books, 1999.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. с фр. А. М. Сухотина, Д. Н. Кудрявского. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.
5. Фрейд З. Тотем и табу: сходство между психической жизнью дикарей и невротиков / пер. с нем. М.: АСТ, 2004.
6. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. Л.: ЛГПИ, 1988.
7. Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М.: КомКнига, 2006.
8. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
9. Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. М.: Прогресс, 1992.
10. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
11. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
13. Alpha Dog, 2005 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/alpha_dog_2596 (дата обращения: 27.07.2022).
14. Sweet Sixteen, 2002 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/sweet_sixteen_19228 (дата обращения: 26.07.2022).
15. The Wolf of Wall Street, 2013 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/the_wolf_of_wall_street_44 (дата обращения: 25.07.2022).
16. Residue, 2017 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/residue_16816 (дата обращения: 26.07.2022).
17. Summer of Sam, 1999 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/summer_of_sam_19094 (дата обращения: 26.07.2022).
18. Running Scared, 2006 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/running_scared_17259 (дата обращения: 25.07.2022).
19. Вяльях К. Э. Синтаксические средства интенсификации эмфатических структур (на материале испанского языка) // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9). Ч. II. С. 51–52.
20. End of Watch, 2012 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/end_of_watch_7651 (дата обращения: 26.07.2022).

21. Filth, 2013 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/filth_8166 (дата обращения: 26.07.2022).
22. Joker, 2019 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/joker_24303 (дата обращения: 27.07.2022).
23. Heat, 1995 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/heat_9763 (дата обращения: 26.07.2022).
24. Going in Style, 2015 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/going_in_style_9114 (дата обращения: 24.07.2022).
25. Twin Town, 1997 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/twin_town_22399 (дата обращения: 26.07.2022).
26. Hollow Man, 2000 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/hollow_man_305 (дата обращения: 26.07.2022).
27. Pulp Fiction, 1994 // Scripts. URL: https://www.scripts.com/script/pulp_fiction_75 (дата обращения: 25.07.2022).
28. Белова Т. М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / КемГУ. Кемерово, 2007.

Информация об авторе.

Панкратова Светлана Анатольевна – доктор филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, ул. Правды, д. 13, Санкт-Петербург, 191119, Россия. Автор 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная теория метафоры, эвристика, прагматика речевого манипулирования, кино и перевод.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 28.07.2022; принята после рецензирования 30.09.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Ayto, J. (1996), *The Oxford Dictionary of Modern Slang*, Oxford Univ. Press, Oxford, GBR.
2. Crystal, D. (1999), *The Penguin Dictionary of Language*, Penguin, London, GBR.
3. Green, Jo. (1999), *The Slang Thesaurus*, Penguin Books, London, GBR.
4. Meillet, A. (1938), *Introduction a l'etude comparative des langues indoeuropeennes*, Transl. by Sukhotin, A.M. and Kudryavskii, D.N., Gos. sots.-ekon. izd-vo, Moskow, USSR.
5. Freud, S. (2004), *Totem und Tabu: Einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker*, Transl., AST, Moskow, RUS.
6. Katsev, A.M. (1988), *Yazykovoe tabu i evfemiya* [Linguistic taboo and euphemism], LGPI, Leningrad, USSR.
7. Makovskii, M.M. (2006), *Fenomen TABU v traditsiyakh i v yazyke indoevropoitsev. Sushchnost' – formy – razvitie* [The phenomenon of TABOO in the traditions and language of the Indo-Europeans. Essence - forms - development], KomKniga, Moskow, RUS.
8. Zelenin, D.K. (1991), *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography], Nauka, Moskow, USSR.
9. Huizinga, Jo. (1992), *Homo ludens. In de schaduw van morgen*, Transl., Progress, Moskow, RUS.
10. Stepanov, Yu.S. (1998), *Yazyk i Metod. K sovremennoi filosofii yazyka* [Language and Method. Toward a modern philosophy of language], Yazyki russkoi kul'tury, Moskow, RUS.
11. Dem'yankov, V.Z. (1983), "Understanding as an interpretive activity", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 6, pp. 58–67.
12. Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnozis, Moskow, RUS.

13. "Alpha Dog" (2005), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/alpha_dog_2596 (accessed 27.07.2022).
14. "Sweet Sixteen" (2002), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/sweet_sixteen_19228 (accessed 26.07.2022).
15. "The Wolf of Wall Street" (2013), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/the_wolf_of_wall_street_44 (accessed 25.07.2022).
16. "Residue" (2017), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/residue_16816 (accessed 26.07.2022).
17. "Summer of Sam" (1999), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/summer_of_sam_19094 (accessed 26.07.2022).
18. "Running Scared" (2006), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/running_scared_17259 (accessed 25.07.2022).
19. Vyal'yak, K.E. (2008), "Syntactic Means of Intensifying Emphatic Structures (on the Material of the Spanish Language)", *Almanac of Modern Science and Education*, no. 2 (9), part 2, pp. 51–52.
20. "End of Watch" (2012), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/end_of_watch_7651 (accessed 26.07.2022).
21. "Filth" (2013), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/filth_8166 (accessed 26.07.2022).
22. "Joker" (2019), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/joker_24303 (accessed 27.07.2022).
23. "Heat" (1995), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/heat_9763 (accessed 26.07.2022).
24. "Going in Style" (2015), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/going_in_style_9114 (accessed 24.07.2022).
25. "Twin Town" (1997), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/twin_town_22399 (accessed 26.07.2022).
26. "Hollow Man" (2000), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/hollow_man_305 (accessed 26.07.2022).
27. "Pulp Fiction" (1994), *Scripts*, available at: https://www.scripts.com/script/pulp_fiction_75 (accessed 25.07.2022).
28. Belova, T.M. (2007), "Gender metaphor as a reflection of the cultural concept of "masculinity" in French", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, KemSU, Kemerovo, RUS.

Information about the author.

Svetlana A. Pankratova – Dr. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, St Petersburg State University of Film and Television, 13 Pravda str., St Petersburg 191119, Russia. The author of 80 scientific publications. Area of expertise: cognitive metaphor theory, heuristics, pragmatics of speech manipulative tactics, film and translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 28.07.2022; adopted after review 30.09.2022; published online 22.02.2023.*

Оригинальная статья
УДК 81
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-142-153>

Фрагментация как способ представления человека в романе Т. Моррисон «Возлюбленная»

Мария Сергеевна Брайтлиг

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
mariabreitling@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0776-5239>*

Введение. Целью данной статьи является исследование приема фрагментации человека через рассмотрение использованных автором телесных метафор, а также построение ключевых моделей метафорических переносов на материале романа Т. Моррисон «Возлюбленная». Научная новизна исследования определяется тем, что до настоящего момента не предпринималось попыток когнитивно-семантического исследования телесных метафор в данном романе. Актуальность исследования обусловливается возросшим интересом лингвистов к изучению концептуальных авторских метафор в художественном тексте.

Методология и источники. Проводится семантико-когнитивный анализ телесных метафор, выделяются ключевые денотаты сферы-цели и сферы-источника метафорической проекции. Выявляется связь между характером метафор и главной темой произведения – темой рабства и ее деструктивным влиянием на жизнь человека.

Результаты и обсуждение. Среди денотатов сферы-цели было обнаружено 7 ключевых элементов, участвующих в создании моделей телесных метафор: глаза, голова, сердце, спина, руки, пальцы, кожа. На основе полученных данных построено 26 метафорических моделей. Наибольшее количество денотатов имеет сфера-цель глаза (6), спина (5) и кожа (5).

Заключение. Исследование показало, что телесные метафоры активно используются автором при описании человека. Прием фрагментации способствует выявлению особенностей деструктивного воздействия рабства на личность. Заменяя целостное представление человека фрагментированным, Т. Моррисон выделяет в облике каждого из действующих в романе лиц те фрагменты тела, которые в наибольшей степени характеризуют личность и судьбу каждого из них, и посредством метафоризации наделяет эти фрагменты особым символическим смыслом.

Ключевые слова: метафора, Т. Моррисон, «Возлюбленная», части тела, фрагментация

Для цитирования: Брайтлиг М. С. Фрагментация как способ представления человека в романе Т. Моррисон «Возлюбленная» // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 142–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-142-153.

© Брайтлиг М. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Fragmentation as a Way of Representing a Person in T. Morrison's Novel "Beloved"

Maria S. Breitling

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
mariabreitling@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0776-5239>*

Introduction. The purpose of this article is to study the method of human fragmentation through consideration of the bodily metaphors used by the author, as well as the construction of key models of metaphorical transfers based on the material of the novel "Beloved" by T. Morrison. The scientific novelty of the study is determined by the fact that up to now no attempts have been made to conduct a cognitive-semantic study of bodily metaphors in T. Morrison's novel "Beloved". The relevance of the study causes an increase in the interest of linguists in the study of metaphors in a literary text within the framework of semantic and cognitive approaches.

Methodology and sources. The article provides a semantic-cognitive analysis of bodily metaphors, highlights the key denotations of the target domain and the source domain of the metaphoric mapping. A connection is revealed between the nature of metaphors and the main theme of the work – the theme of slavery and its destructive influence on human life.

Results and discussion. Among the denotations of the target domain, 7 key elements were found involved in creating models of bodily metaphors: eyes, head, heart, back, hands, fingers, skin. Based on the data obtained, 26 metaphorical models were built. The target domain of the eye (6), back (5) and skin (5) has the largest number of denotations of the source domain.

Conclusion. The study showed that bodily metaphors are actively used by the author when describing a person. The method of fragmentation helps to reveal the features of the destructive impact of slavery on a person's personality. Replacing a holistic representation of a person with a fragmented one, T. Morrison singles out in the appearance of each of the characters acting in the novel those fragments of the body that most characterize the personality and fate of each of them, and through metaphorization endows these fragments with a special symbolic meaning.

Keywords: metaphor, T. Morrison, "Beloved", body parts, fragmentation

For citation: Breitling, M.S. (2023), "Fragmentation as a Way of Representing a Person in T. Morrison's Novel "Beloved"", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 142–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-142-153 (Russia).

Введение. Роман афроамериканской писательницы, лауреата Нобелевской премии Т. Моррисон «Возлюбленная» был опубликован в 1987 г. и сразу же получил всеобщее признание. В основе сюжета лежит история, основанная на реальных событиях, произошедших с афроамериканской рабыней Маргарет Гарнер в 1856 г. [1]. Сюжет книги «Возлюбленная» начинается в штате Огайо и постоянно перекликается с воспоминаниями о былой несвободной жизни героев, которая проходила в Кентукки. Главная героиня Сэти убегает в свободный от рабства штат в дом своей свекрови, куда успели перебраться ее дети. Спустя некоторое время туда является их бывший хозяин и заявляет о своих правах. Чтобы спасти детей от будущей рабской жизни, Сэти решается на их убийство, но ей удается убить только

одного ребенка – девочку. В дальнейшем после преодоления жизненных испытаний главная героиня проживает в доме 124 со своей взрослой дочерью Денвер и терроризирующим их приведением, которое, как им кажется, является душой убитой дочери. Вскоре в их доме появляется мужчина – Поль Ди. Он пытается помочь семье избавиться от тяжелых воспоминаний и невольно изгоняет из дома призрак ребенка. Спустя какое-то время к ним приходит молодая девушка, потерявшая память. Сэти, испытывая материнские чувства и вину за убийство ребенка, принимает ее. Имя таинственной девушки точно такое же, как и имя, выгравированное на могиле покойного ребенка, – Возлюбленная. Появление в доме девушки в конечном счете приводит к новым трудностям и неурядицам в семействе и, как следствие, к помешательству главной героини.

После публикации романа вокруг имени его автора начались споры и обсуждения, имеющие огромное значение для всей американской литературы, культуры и идеологии. Актуальными стали проблемы мультикультурных учебных программ, рабства и свободы, детерминизма и свободы воли афроамериканского населения, вопросы создания литературы, включающей в себя эстетическую и политическую составляющие, взаимосвязанные отношения расизма, сексизма, классизма. Журналы *Time* и *New Republic* представляли Тони Моррисон не просто как талантливого и дальновидного писателя, а как лидера афроамериканцев [2, с. 465]. В романе история рабства была впервые рассказана от лица представителя черного сообщества, что и стало революционным для литературы США. В настоящее время проблемы, затронутые в данном романе, не теряют своей актуальности. Это подтверждают многочисленные протестные движения и организации, отстаивающие права чернокожих, такие как «Жизни черных важны» (*Black Lives Matters*), «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения» (*National Association for the Advancement of Colored People*) и другие.

Одной из ключевых в произведении является тема деструктивного воздействия рабства на личность человека. Эта проблематика находит свое выражение в воспоминаниях героев, заикленных на своем прошлом и не способных смотреть в будущее, в их попытках подавить травмирующие эпизоды прошлой жизни. Для того чтобы восстановить свою идентичность, выздороветь, освободиться от оков прошлого, герои романа многократно разрушают и воссоздают свою личность заново. Одним из приемов вербализации данной проблематики в языковой ткани произведения становится фрагментированный характер представления героев романа. Разрушение личности, потеря идентичности эксплицируется через условное физическое разрушение: “Beloved looked at the *tooth* and thought, This is it. Next would be her *arm*, her *hand*, a *toe*. *Pieces of her* would *drop* maybe one at a time, maybe all at once. Or on one of those mornings before Denver woke and after Sethe left she would *fly apart*. It is difficult *keeping her head on her neck*, her *legs attached to her hips* when she is by herself. Among the things she could not remember was when she first knew that she could wake up any day and *find herself in pieces*. She had two dreams: *exploding*, and being swallowed. When her *tooth came out* — an odd *fragment*, last in the row — she thought it was starting” [3, с. 133].

Во многих культурах тело считалось символом дома, храма, строения,местилища души. В приведенном примере распад тела Возлюбленной объясняется в первую очередь тем, что душа давно покинула ее и ничто не держит части тела в единстве. Метафора «тело –

распадающиеся фрагменты» содержит следующие элементы: части тела (*зуб, рука, кисть, палец ноги, голова, шея, ноги, бедра*); отделенные от объекта части (*кусочки, фрагмент*); действия, описывающие процесс разъединения (*отвалиться, разлетаться, взрываться, выпасть*). В данном примере фрагментация тела героини романа отражает тяжелые психологические травмы – смерть от рук матери в младенчестве, а также потерю матери. Тело взрослой девушки, обретенное Возлюбленной, не является ее родным телом, так как ее настоящее тело младенца было похоронено. Метафора описывает страх утраты своей новой телесной оболочки, страх потери общения с матерью, страх смерти.

Методология и источники. Аристотель одним из первых дал классическое определение метафоры как сжатого сравнения [4, с. 24]. Метафора рассматривалась им в первую очередь как способ украшения речи, как риторическая фигура. В настоящее время существует множество определений и подходов. Так, в рамках семантического подхода И. В. Арнольд трактует метафору как «скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» [5, с. 64]. В данной статье используется семантико-когнитивный взгляд на метафору, при котором это не только языковое явление, но и способ человеческого мышления, способ концептуализации действительности. Метафорическая структура описывается в соответствии с терминологией, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, как соединение двух сфер: сферы-источника и сферы-цели [6, с. 9].

Результаты и обсуждение. В результате данного исследования для каждого из главных героев (*Сэти, Возлюбленной, Денвер, Поля Ди, Бэби Саггс*) были выявлены ключевые денотаты сферы-цели метафорической проекции, представляющие те или иные фрагменты человеческого тела, и денотаты сферы-источника. Далее рассмотрим обнаруженные метафорические структуры, составляющие основу образа каждого героя.

1. *Сэти*. Она является главной героиней романа. *Сэти* – беглая рабыня, большая часть жизни которой была проведена в рабстве. Но в первую очередь это женщина-мать, которая убила своего ребенка, чтобы избавить его от рабской участи, и страдающая от последствий совершенного преступления. Воспоминания о трагических моментах прошлого преследуют ее в настоящем.

Автор вычленяет в ее образе такие фрагменты, как глаза, голова, спина. Каждый фрагмент описывается через следующие источники метафорического переноса: глаза (металл, водное сооружение, отверстия); голова (колокол, шапка, ребенок); спина (дерево, лабиринт рубцов, залежи ископаемых, стиральная доска, мертвец).

Рассмотрим подробно данные метафорические структуры.

(1) But what he did broke three more Sweet Home men and punched the *glittering iron* out of Sethe's eyes, leaving *two open wells that did not reflect firelight*. Now the *iron* was back but the face, softened by hair, made him trust her enough to step inside her door smack into a pool of pulsing red light. [3, с. 9]

(2) The bigger Beloved got, the smaller Sethe became; the brighter Beloved's eyes, the more those eyes that used never to look away became *slits of sleeplessness*. [3, с. 250]

В примерах (1), (2) автор описывает глаза героини, через которые читателю раскрывается ее душа, ее внутреннее содержание. В примере (1) глаза героини описаны как *блестящее*

железо и два открытых колодца, не отражающих пламени очага. В этом примере употреблены две метафорические структуры: «глаза – металл» и «глаза – водное сооружение». В данном отрывке описана ситуация появления нового белого хозяина, который меняет уклад жизни рабов. Это также затрагивает жизнь главной героини. *Блестящее железо* в ее глазах характеризует ее твердый, суровый характер, а также ту часть личности, которая была утрачена. Выражение *два колодца, не отражающие пламени очага*, показывает новую часть ее личности, которая несет с собой лишь растерянность и пустоту. В этом примере речь идет о том, что в результате жестокого обращения с нею, ее душа умирает.

В примере (2) применяется структура «глаза – отверстия», которая использует лексику *щелки, опухшие от бессонницы*. Здесь описана ситуация, которая происходит в конце романа: Возлюбленная и мать словно меняются местами. Теперь Сэти занимает роль ребенка, теряет разум, не в состоянии противоречить дочери. Метафора описывает переживаемое героиней эмоциональное опустошение.

(3) *The clanging in her head, begun as a churchbell heard from a distance, was by then a tight cap of pealing bells around her ears.* [3, с. 30]

(4) *She shook her head from side to side, resigned to her rebellious brain. Why was there nothing it refused? No misery, no regret, no hateful picture too rotten to accept? Like a greedy child it snatched up everything.* [3, с. 70]

Примеры (3), (4) описывают голову героини. Голова – это символ средоточия мудрости, ума, управления и контроля. Пример (3) использует метафорическую структуру «голова – колокол» и «голова – шапка». В области источника переноса данные метафоры включают в себя следующие лексико-семантические поля: звуковое свойство и вид колокола (*звон, церковный колокол*), а также вид и свойство головного убора (*тугая шапка звенящих колокольчиков*). Подобные метафоры говорят о болезненном состоянии героини, которое она испытывала, убегая от своих владельцев. Таким образом автор передает головные боли, потерю ориентации в действительности, отсутствие концентрации внимания, контроля.

В примере (4) используется метафорическая структура «голова (мозг) – ребенок». Этот пример содержит лексику, описывающую свойства ребенка (*непокорный, прожорливый*) и действия (*отвергать, глотать все подряд*). Метафора показывает беспомощность и усталость главной героини от текущих проблем, а также неспособность уйти от прошлых воспоминаний. Все это еще раз подчеркивает мотив разобщенности героини с самой собой. Она не может строить планы на будущее и жить новой жизнью. Она не может контролировать работу своего ума.

(5) “It’s a *tree*, Lu. A *chokecherry tree*. See, here’s the *trunk* — *it’s red and split wide open, full of sap*, and this here’s the parting for the *branches*. You got a mighty lot of *branches*. *Leaves, too, look like, and dern if these ain’t blossoms*. *Tiny little cherry blossoms*, just as white. Your back got a *whole tree* on it. *In bloo*”. [3, с. 79]

(6) *And the wrought-iron maze he had explored in the kitchen like a gold miner pawing through pay dirt was in fact a revolting clump of scars.* [3, с. 21]

(7) *The picture of the men coming to nurse her was as lifeless as the nerves in her back where the skin buckled like a washboard.* [3, с. 6]

(8) And he would tolerate no peace until he had touched every ridge and leaf of it with his mouth, none of which Sethe could feel because her back skin had been *dead* for years. [3, с. 18]

В примерах (5)–(8) автор описывает спину героини, сообщая читателям о тяжелой ноше, выпавшей на ее долю. Спина – это также символ тяжелого физического труда. В примере (5) присутствует метафорическая структура «спина – дерево». В данном примере описывается ситуация, когда белая девушка Эми замечает растущее вишневое деревце на спине у Сэти. В действительности ее спина полна шрамов и кровоподтеков – это результаты избияния плетью. Здесь употребляются следующие элементы метафорического переноса: название дерева (*вишня*), свойства и части дерева (*красный, расколотый ствол, полный сока; ветви; крошечные вишенки*), действие дерева (*цвети*) и название почвы (*дерн*). С помощью данной метафоры читатель понимает, что героиня осталась на всю жизнь со шрамом в виде дерева, постоянно напоминающим ей о том, что пришлось испытать в результате физического насилия.

В примере (6) используются две метафорические структуры: «спина – лабиринт рубцов», «спина – залежи ископаемых». Эти структуры состоят из следующих элементов метафорического переноса: вид и свойство изображения (*лабиринт рубцов после ударов железом*), название и свойство местности (*богатая ископаемыми местность*), субъект и действие субъекта по отношению к местности (*золотоискатель, добывать*). В данном контексте речь идет о том, как описывает спину героини ее мужчина Поль Ди. Сравнивая шрамы с *лабиринтом рубцов*, а также с *залежами ископаемых*, он находит изображение внешне грубым, хаотичным, неприглядным, отталкивающим. Эти метафоры также описывают последствия перенесенного физического насилия.

В примерах (7), (8) используются следующие метафорические структуры: «спина – стиральная доска», «спина – мертвец». В области источника переноса метафоры включают в себя следующую лексику: *согнутый, как стиральная доска; мертвец*. Примеры описывают кожу спины героини, которая потеряла чувствительность в результате жестокого избияния.

2. Возлюбленная. Следующим ключевым персонажем в данном произведении является убитая и воскресшая дочь Сэти, у которой не было имени, так как мать не успела его дать при рождении. Отсутствие настоящего имени также усиливает мотив фрагментации человека. Имя Возлюбленная героиня получила только после смерти – это единственное слово было выгравировано на надгробном камне. Данное имя символизирует не только любовь матери к погибшей дочери, но и всех любимых людей, погибших в рабстве. Взаимоотношения матери и дочери являются наиболее важной темой в произведении, поэтому именно в описании этих двух героинь встречается наибольшее количество метафор. Важно подчеркнуть то, что обстоятельства появления Возлюбленной, ее общее поведение и ее рассказ о том, что она пережила, предполагает, что она одновременно является телесным воплощением младенца – призрака, которого прогнал Поль Ди, и сбежавшей рабыни, пережившей ужасы перевозки на корабле через океан из Африки с тысячью других людей. Эти переживания травмировали ее, а воспоминания о страданиях и потеря матери преследуют. Ее воспоминания бессвязные, неоднозначные, неразборчивые [7, с. 26]. Присутствие одновременно двух разных личностей в теле одного человека подчеркивает прием фрагментации, который проявляется в потере собственной идентичности, в расколе одного сознания на два.

Образ Возлюбленной автор создает через выделение таких фрагментов тела, как глаза, пальцы, кожа. Они описываются через следующие источники переноса: глаза (*металл, одушевленное существо, просящий человек, пространство*), пальцы (*убийца, врач*), кожа (*новорожденный, рубины, ночь*). Рассмотрим подробно данные метафорические структуры.

(9) Everybody's child was in that face: the *nickel*-round eyes, *bold yet mistrustful*. [3, с. 246]

(10) Stooping to shake the damper, or snapping sticks for kindlin, Sethe was *licked, tasted, eaten* by Beloved's eyes. [3, с. 57]

(11) First at Beloved's soft new hand on her shoulder, then into her eyes. The *longing* she saw there was *bottomless*. Some *plea* barely in control. [3, с. 58]

(12) At such times it seemed to be Beloved who needed something – wanted something. *Deep down* in her *wide black* eyes, back behind the *expressionlessness*, was a *palm held out for a penny* which Denver would gladly give her, if only she knew how or knew enough about her. [3, с. 118]

(13) Beloved dropped her skirts as he spoke and looked at him with *empty* eyes. [3, с. 116]

В примере (9) применяется метафорическая структура «глаза – металл». В области источника переноса используется лексика, описывающая название металла, – *никель*. Здесь идет речь о врожденной твердости характера героини, суровости взгляда. Примечательно, что аналогичной метафорой автор описывает глаза матери Возлюбленной, очевидно подчеркивая таким образом их родственные отношения. В примерах (9)–(12) используются две метафорические структуры: «глаза – одушевленное существо», «глаза – просящий человек». В области источника переноса они включают следующую лексику: действия одушевленного существа (*облизывать, пробовать на вкус, есть*), свойства одушевленного существа (*смелые, недоверчивые*), часть тела и ее свойства (*ладонь, протянутая за пенни*), эмоциональное состояние (*тоска, мольба*). В данных метафорах отражается поиск собственной идентичности. Возлюбленная ищет ответы на свои вопросы, ищет мать, ищет объяснений для содеянного матерью, а также познает окружающий мир, заполняя таким образом внутреннюю пустоту, идентифицируя себя с реальностью, обретая самость. В примерах (11)–(13) используется метафора «глаза – пространство». В области источника переноса присутствует следующая лексика: название пространства (*бездна*), свойство пространства (*безграничность, отсутствие выражения, широкий, черный, пустой*). Подобная лексика описывает Возлюбленную как девушку без души, без личности. Данная метафора сигнализирует, что несмотря на то, что девушка воплотилась в живое молодое тело, душа ее не вернулась с того света. Поэтому пустота и чернота взгляда выражают соприкосновение со смертью, невозможность жизни среди живых людей.

(14) The fingers touching the back of her neck were *stronger* now – the strokes bolder as though Baby Suggs were *gathering strength*. Putting the thumbs at the nape, while the fingers *pressed* the sides. *Harder, harder*, the fingers *moved slowly around* toward her windpipe, *making little circles* on the way. Sethe was actually more surprised than frightened to find that she was *being strangled*. Or so it seemed. In any case, Baby Suggs' fingers *had a grip on her* that would not let her breathe. Tumbling forward from her seat on the rock, she clawed at the hands that were not there. Her feet were thrashing by the time Denver got to her and then Beloved. [3, с. 96]

(15) Sethe was bothered, not because of the kiss, but because, just before it, when she was feeling so fine letting Beloved *massage away the pain, the fingers* she was loving and the ones

that had *soothed* her before they *strangled* her had reminded her of something that now slipped her mind. But one thing for sure, Baby Suggs had not *choked* her as first she thought. [3, с. 98]

В примерах (14) и (15) описываются пальцы Возлюбленной. Пальцы в данном романе символизируют различные виды проявления силы и активности человека. Здесь четко представлены две метафорические структуры: «пальцы – убийца» и «пальцы – врач». В основном в области источника переноса данные метафоры используют лексику, описывающую действия той или иной личности: действия убийцы (*душить, иметь хватку, не давать дышать*), действия врача (*успокаивать, массировать, снимая боль, делать маленькие круги, медленно двигаться по кругу*). Данные метафоры описывают две ипостаси личности героини: положительную и отрицательную. Отрицательная личность пытается причинить вред своей матери, положительная – принести пользу. Здесь передается мотив раздвоения личности, раскола в сознании.

(16) But their skin is not like that of the woman breathing near the steps of 124. She had *new skin, lineless and smooth*, including the knuckles of her hands. [3, с. 50]

(17) Her skin was *flawless* except for *three vertical scratches* on her forehead *so fine and thin* they seemed at first like *hair, baby hair* before it bloomed and roped into the masses of black yarn under her hat. [3, с. 51]

(18) And then the skin. *Flawless*, economical – just enough of it to cover the bone and not a bit more. [3, с. 246]

(19) Beloved sat around, ate, went from bed to bed. Sometimes she screamed, “Rain! Rain!” and clawed her throat until *rubies of blood* opened there, made brighter by her *midnight* skin. [3, с. 250]

В приведенных примерах описывается кожа Возлюбленной. Кожа отождествляется с некоей оболочкой, личиной, маской, за которой скрывается истинная природа личности. В примерах (16)–(18) используется метафора «кожа – новорожденный», включающая в область источника метафорического переноса следующую лексику: свойства кожи новорожденного ребенка (*новая, без морщин, гладкая, без изъяна*). Данная метафора указывает на истинный возраст Возлюбленной, ее внутреннюю природу новорожденного младенца, невинного существа. Здесь присутствует мотив двойственности ее личности: одновременно Возлюбленная является младенцем и взрослой девушкой. Пример (17) использует метафору «царапина – детский волосок». В области источника переноса присутствует лексика: свойство волос (*тонкий*), принадлежность волоса (*ребенок*). В примере (19) используются две метафорические структуры: «кожа – рубины», «кожа – ночь». В области источника переноса они включают в себя следующие элементы: название драгоценного камня (*рубин*), название вещества (*кровь*), время дня (*полночь*). Метафора «кожа – рубины» описывает шрам на шее Возлюбленной, появившийся после того, как мать перерезала ей горло. Метафора описывает шрам, сравнивая его с драгоценным ожерельем, украшающим шею Возлюбленной. Метафора «кожа – ночь» описывает черный цвет кожи Возлюбленной, подчеркивает афроамериканское происхождение.

3. **Поля Ди.** История Поля Ди и появление в доме Сэти занимает центральное место в жизни его обитателей. Реакцией на психологическую травму у Поля Ди является попытка убийства своего владельца. В результате покушения он попадает в лагерь для военноплен-

ных, где проявляются первые симптомы травмы: он теряет власть над своим телом и начинает испытывать неконтролируемую дрожь [7, с. 23]. Впоследствии Поль Ди сбегает из лагеря, спрятав все свои воспоминания глубоко в сердце, которое наряду с руками становится ключевым телесным акцентом при описании этого персонажа. Эти части тела имеют следующие источники переноса: сердце (*банка из-под табака*), руки (*послушное/непослушное существо*). Рассмотрим данные переносы на следующих примерах:

(20) He would keep the rest where it belonged: in that *tobacco tin* buried in his chest where a red heart beloved used to be. Its *lid rusted* shut. He would not pry it loose now in front of this sweet sturdy woman, for if she got a whiff of the contents it would shame him. [3, с. 73]

(21) It was some time before he could put Alfred, Georgia, Sixo, schoolteacher, Halle, his brothers, Sethe, Mister, the taste of iron, the sight of butter, the smell of hickory, notebook paper, one by one, into the *tobacco tin* lodged in his chest. By the time he got to 124 nothing in this world could pry it open. [3, с. 113]

(22) He held his wrist between his knees, not to keep his hands still but because he had nothing else to hold on to. His *tobacco tin, blown open, spilled contents* that floated freely and made him their play and prey. [3, с. 218]

В приведенных примерах описывается сердце Поля Ди. Сердце – это центральный орган в теле человека, здесь собираются духовные и физические силы. Оно также олицетворяет мудрость чувства в противовес разуму. Сердце контролирует эмоции человека. Примеры (20)–(22) описывают метафорическую структуру «сердце – жестяная банка из-под табака». В области источника переноса находится следующая лексика: название объекта (*табачная банка*), часть объекта (*крышка*), действия объекта (*заржавеет*), действия субъекта по отношению к объекту (*пролить содержимое, взламывать*). Данная метафора описывает, каким образом герой справляется с болезненными воспоминаниями, как он преодолевает состояние жертвы. Как в табачной банке, герой прячет в себе все свои воспоминания, подавляет их, запикивая в грудь, приобретает способность к эмоциональной устойчивости и сопротивлению страданиям.

(23) He was looking at his *palsied* hands, smelling the guard, listening to his soft grunts so like the doves', as he stood before the man kneeling in mist on his right. [3, с. 108]

(24) The wrists he held out for the bracelets that evening were *steady* as were the legs he stood on when chains were attached to the leg irons. But when they shoved him into the box and dropped the cage door down, his hands *quit taking instruction. On their own, they traveled*. Noting could stop them or get their attention. [3, с. 107]

Руки символически считаются медиаторами в передаче духовной и физической энергии. В примерах (23) и (24) используются метафоры «руки – послушное существо», «руки – непослушное существо». В области источника переноса данные метафоры включают в себя следующую лексику: свойства послушного существа (*парализованные, спокойные*), действия непослушного существа (*не повиноваться, вести себя, как заблагорассудится*). Руки Поля Ди описываются как самостоятельное существо, имеющее полярность – повинование и неповиновение. В примере (23) повинование рук показывается через беспомощность героя, оставшегося в тюрьме. В примере (24) происходит смена состояний от спокойного до взволнованного. Неповиновение рук выражает нервозность и паническое расстройство героя, оказавшегося за решеткой.

4. *Денвер*. Это самый младший ребенок Сэти. Она страдает от одиночества, а также от собственной травмы: она была вынуждена наблюдать смерть сестры от рук матери, после чего ее с матерью отправили в тюрьму [7, с. 29]. Эта травма постоянно возвращается к ней через пугающие эмоциональные состояния, особенно связанные с восприятием собственной матери. Денвер подавляет чувство внутреннего страха перед ней. Ее увлекает появившееся в доме привидение, так как мир мертвых становится ей ближе, чем жестокий мир живых. Опыт травмы заставляет героиню чувствовать себя покинутой всеми, разобщенной как с собственной матерью, так и с сообществом. В романе героиня описывается через такие фрагменты, как кожа, сердце. Данные части тела имеют следующие источники переноса: кожа (*исчезающее вещество, ткань*), сердце (*человек*). Рассмотрим подробно эти метафоры на примерах.

(25) Denver's skin *dissolved* under that gaze and became *soft and bright like the lisle dress* that had its arm around her mother's waist. [3, с. 118]

Метафора «кожа – исчезающее вещество» используется в примере (25) и подчеркивает мотив потери идентичности. В области источника переноса присутствует следующая лексика: действие вещества (*растворяться*). Метафора «кожа – ткань» также есть в этом примере, ее описывает следующая лексика: свойства ткани (*мягкое, яркое*), название вида одежды (*платье*).

(26) She smiled then and Denver's heart *stopped bouncing and sat down* — *relieved and easeful* like a traveler who had *made it home*. [3, с. 55]

В примере (26) используется метафора «сердце – человек». В области источника переноса присутствует лексика: род деятельности человека (*путешественник*), свойства (*чувствующий облегчение, успокоение*), действия (*остановиться, подпрыгивать, присесть, добратся домой*). В данном случае персонификация помогает изобразить более подробно и красочно эмоциональное состояние Денвер – резкий переход от волнения к покою и гармонии. Через персонификацию сердце как эмоциональный центр человека точнее передает читателю спектр переживаний героини.

5. *Бэби Саггс*. Она предстает в романе как пожилая женщина, мать пропавшего без вести мужа Сэти. Одна из первых Бэби получает освобождение от рабства. Впоследствии также проживает в свободном штате Огайо, в собственном доме, где ожидает свою невестку. Эта героиня долгие годы находилась в рабстве в Милом Доме, где и встретила молодую Сэти. Как и Возлюбленная, Бэби Саггс не имеет собственного имени. Она не принимает свое рабское имя Дженни, данное ей бывшим хозяином, и называет себя «ничто». Впоследствии она создает себе новое имя, утверждая таким образом чувство самости. В романе Бэби описывается через сердце и пальцы. Эти части тела имеют следующие источники переноса: сердце (*стучащая вещь*), пальцы (*врач/заботливый человек*). Рассмотрим данные переносы на примерах.

(27) "These hands belong to me. These my hands". Next she felt *a knocking in her chest* and discovered something else new: her own heartbeat. Had it been there all along? This *pounding thing*? [3, с. 141]

В примере (27) используется структура «сердце – стучащая вещь». В области источника применяется лексика: название и свойство объекта (*стук в груди, стучащая вещь*). Героиня внезапно осознает стук своего сердца как нечто, пробуждающее ее к жизни. В этом же при-

мере она осознает свои руки, свое сердцебиение так, как будто прежде была разделена со своими частями тела.

(28) Sethe remembered the touch of those fingers that she knew better than her own. They *had bathed* her in sections, *wrapped* her womb, *combed* her hair, *oiled* her nipples, *stitched* her clothes, *cleaned* her feet, *greased* her back and dropped just about anything they were doing to *massage* Sethe's nape when, especially in the early days, her spirits fell down under the weight of the things she remembered... [2, с. 98]

В примере (28) используется метафора «пальцы – врач/заботливый человек». Источник переноса описывается с помощью глаголов, обозначающих действия врача или заботливого человека (*обмывать, перевязывать, расчесывать, смазывать маслом, шить, массировать*). С помощью данной метафоры автор описывает личность Бэби Саггс, ее заботу о главной героине.

Заключение. В статье был проведен подробный семантико-когнитивный анализ метафорических структур, участвующих в репрезентации главных героев романа Т. Моррисон «Возлюбленная». Прием фрагментации используется автором, в первую очередь, для описания бывших рабов, утративших власть над своими телами в результате издевательств хозяев. Эти люди страдают от потери чувства собственного достоинства, стараются восстановить связь со своими эксплуатируемыми и превращенными в товар телами. Прием фрагментации тела также отражает психический распад, раскол в сознании каждого персонажа на «основное я» и «измененное я». В результате проведенного исследования было установлено, что все центральные персонажи соотносятся с теми или иными фрагментами своего тела, несущими определенную концептуальную нагрузку.

В целом, было обнаружено 7 денотатов сферы-цели, принимающих активное участие в образовании моделей телесных метафор: глаза, голова, сердце, спина, руки, пальцы, кожа. На основании количественного подсчета источников переноса можно заключить, что наиболее важными для произведения являются метафорические модели с денотатами «глаза», «спина» и «кожа». Наибольшим количеством метафорических проекций обладает элемент сферы-цели «глаза» (*название металла, водное сооружение, отверстия, одушевленное существо, просящий человек, пространство*). Данные метафорические переносы используются при описании Сэти и Возлюбленной, представляя личности двух главных героинь произведения, а наличие общей метафоры (*глаза – название металла*) подчеркивает родственную связь между матерью и дочерью. Элемент сферы-цели «спина» включает в себя 5 вариантов источников переноса (*дерево, лабиринт рубцов, залежи ископаемых, стиральная доска, мертвец*) и активно используется в описании внешнего и внутреннего мира главной героини, осмысляя последствия приобретенного травматичного опыта рабства. Элемент сферы-цели «кожа» также включает в себя 5 вариантов источника переноса (*исчезающее вещество, ткань, новорожденный, рубины, ночь*) и несет особую смысловую нагрузку, выступая маркером афроамериканской культуры, к которой принадлежит автор, а также поддерживая тему раздвоения личности Возлюбленной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lowne C. "Beloved" novel by T. Morrison // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Beloved-novel-by-Morrison> (дата обращения: 09.04.2022).

2. Peterson N. J. Introduction: Canonizing Tony Morrison // *Modern Fiction Studies*. 1993. Vol. 39, no. 3/4. P. 461–479.
3. Morrison T. *Beloved*. NY: Vintage International, 2004.
4. Дебердеева Е. Е. Метафора в контексте лингвистических исследований // *Вестн. Таганр. ин-та им. А. П. Чехова*. 2008. № 1. С. 23–27.
5. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык*. М.: Флинта: Наука, 2002.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой, 4-е изд. М.: УРСС, 2021.
7. Samir N. Trauma in Toni Morrison's *Beloved*: an analytical study // *Beni-Suef Univ. Int. J. of Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 2, no. 1. P. 9–38. DOI: 10.21608/buijhs.2020.88572.

Информация об авторе.

Брайтлинг Мария Сергеевна – аспирантка кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, стилистика, когнитивная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.10.2022; принята после рецензирования 15.11.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Lowne, C. (2022), ““Beloved” novel by T. Morrison”, *Encyclopedia Britannica*, available at: <https://www.britannica.com/topic/Beloved-novel-by-Morrison> (accessed 09.04.2022).
2. Peterson, N.J. (1993), “Introduction: Canonizing Tony Morrison”, *Modern Fiction Studies*, vol. 39, no. 3/4, pp. 461–479.
3. Morrison, T. (2004), *Beloved*, Vintage International, NY, USA.
4. Deberdeeva, E.E. (2008), “Metaphor in the context of linguistic studies”, *Vestnik Taganrogskegoinstituta imeni A. P. Chekhova*, no. 1, pp. 23–27.
5. Arno’ld, I.V. (2002), *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English: Textbooks for universities], Flinta: Nauka, Moscow, RUS.
6. Lakoff, G. and Johnson, M. (2021), *Metaphors We live by*, Transl. by Baranov, A.N. and Morozova, A.V., 4th ed., URSS, Moscow, RUS.
7. Samir, N. (2020), “Trauma in Toni Morrison's *Beloved*: an analytical study”, *Beni-Suef Univ. International J. of Humanities and Social Sciences*, vol. 2, no. 1, pp. 9–38. DOI: 10.21608/buijhs.2020.88572.

Information about the author.

Maria S. Breitling – Postgraduate at the Department of Romano-Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, stylistics, cognitive linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.10.2022; adopted after review 15.11.2022; published online 22.02.2023.*

Оригинальная статья
УДК 81-2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-154-166>

Реализация квалификативной категории оценочности в дискурсе англоязычной сетевой кинорецензии

Екатерина Андреевна Кленова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,
messerwerferin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1373-8149>*

Введение. В статье представлены результаты исследования способов реализации квалификативной категории оценочности в структуре оценочных субжанров экспертной и профессиональной сетевой кинорецензии. Автор исходит из положения о том, что оценочность является средством экспликации ценностного отношения индивида к содержанию кинокартины. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью способов манифестации позиции автора в структуре оценочного жанра сетевой кинорецензии. Рассматривается взаимосвязь категорий оценки и оценочности с фактором субъекта и модусом как средством экспликации субъективных смыслов высказывания.

Методология и источники. Методология исследования базируется на типологизации оценочных смыслов Н. Д. Арутюновой. Методика исследования сводится к частеречной разметке текстов рецензий, идентификации оценочных единиц, включающих качественные прилагательные и наречия, а также описанию и сопоставлению доминирующих типов оценки, реализующих категорию оценочности в текстах кинорецензий и актуализирующих авторскую позицию. Материалом исследования послужили тексты экспертных и профессиональных кинорецензий, отобранных из сетевого архива издания Film Criticism и интернет-портала metacritic.com.

Результаты и обсуждение. С использованием частеречной разметки текста и метода количественного анализа были описаны и сопоставлены доминирующие оценочные категории, реализованные в текстах сетевых профессиональных и экспертных кинорецензий. Показано, что наиболее репрезентативным типом оценки в рамках данных оценочных субжанров является категория эмоциональной оценки. Установлено, что в экспертном оценочном дискурсе наиболее часто реализуются значения нормативной и этической оценки, в то время как в текстах профессиональных кинорецензий преобладают общеоценочные предикаты.

Заключение. Исследование позволило заключить, что рассматриваемые жанры характеризуются повышенной экспрессивностью и эмотивностью, однако реализация авторской позиции в дискурсе экспертной кинорецензии имплицитно ориентированность на осмысление структурного содержания нормы и осуществление детального анализа содержания фильма, в то время как в профессиональных кинорецензиях наблюдается стремление к генерализации оценочных признаков, что указывает на более низкий уровень компетенции авторов.

Ключевые слова: оценка, квалификативная категория, сетевая кинорецензия, оценочный жанр

© Кленова Е. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Кленова Е. А. Реализация квалификативной категории оценочности в дискурсе англоязычной сетевой кинорецензии // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 154–166. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-154-166.

Original paper

Actualization of Evaluativity as a Qualitative Category in the Discourse of English Internet Film Review

Ekaterina A. Klenova

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
messerwerferin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1373-8149>*

Introduction. The article presents the results of the analysis aimed at identifying actualization methods of evaluativity as a qualitative category within the frames of the evaluative subgenres of expert and professional film reviews. The author assumes that evaluativity serves as a method of explicating subject's attitude towards the content of the film. The relevance of the study is determined by a lack of research dedicated to the analysis of the methods expressing author's position within the evaluative genre of internet film review. The interconnection of evaluativity category, subject factor and modus as a method of explicating subjective meanings of the statement are analyzed.

Methodology and sources. The methodology of the research is based on the classification of evaluative meanings developed by N. Arutyunova. The research methodology includes PoS tagging of the texts, identification of evaluative units including qualitative adjectives and adverbs, as well as description and comparison of leading evaluation types that actualize author's position. The methodology was studied using the example of a text corpora consisting of expert and professional film reviews extracted from the web archive of the journal of Film Criticism and the website metacritic.com.

Results and discussion. With the implementation of PoS tagging and quantitative method of analysis leading evaluation categories within the corpora of the professional and expert film reviews were described and compared. The results have shown that the leading type of evaluation within the frames of the referred evaluative subgenres is represented by the emotional evaluation category. The results have also indicated that the leading evaluation types of expert evaluative discourse include prescriptive and ethical evaluation, whereas professional evaluative discourse is characterized by the prevalence of generalized evaluative units.

Conclusion. The analysis allowed the author to conclude that the referred genres are characterized mainly by increased expressivity and emotiveness. However, author's position actualization in the discourse of expert film review implicates detailed analysis of structural contents of the presented norms, as well as content of the film, whereas the discourse of professional film review is characterized by increased generalization tendency, which implicates low degree of authors' competency.

Keywords: evaluation, qualitative category, internet film review, evaluative genre

For citation: Klenova, E.A. (2023), "Actualization of Evaluativity as a Qualitative Category in the Discourse of English Internet Film Review", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 154–166. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-154-166 (Russia).

Введение. Вступление человечества в эпоху техногенной цивилизации оказало существенное влияние на структурирование жанровых норм. Результатом унифицирующего воздействия виртуального пространства стала реконцептуализация и трансформация традиционных форм устной и письменной коммуникации. К одним из наиболее репрезентативных примеров трансформации традиционных жанровых образований в условиях сетевой коммуникации принадлежит оценочный жанр сетевой кинокритики, ключевой особенностью которого, по мнению В. А. Фоминой, является соединение информационной функции с привлечением внимания аудитории к анализируемому объекту, требующему оценки и интерпретации [1, с. 136].

Основу сетевой кинокритики конституирует классический жанр аналитической рецензии, ориентированный на экспликацию авторской оценки (отношения) к исследуемому объекту [2]. Массовая переориентация потребительских интересов и популяризация сетевой кинокритики интенсифицировали процесс жанровой дивергенции, в результате которого произошло формирование жанровой триады, представленной оценочными субжанрами экспертной, профессиональной и любительской (пользовательской) кинокритики. Профессиональные кинокритики, адресованные широкой аудитории, характеризуются «высоким уровнем оценочности, направленностью на усредненного зрителя, относительно сниженным стилем, употреблением молодежного сленга, социополитической направленностью» [3, с. 28], а также повышенной степенью экспрессивности, что сближает данный оценочный субжанр с публицистическим дискурсом. Высокая степень структурной и стилистической вариативности кинокритик обусловлена динамичностью жанра, который играет определяющую роль в процессе структурирования речевого акта [4, с. 25]. На усиление вариативности жанровых форм сетевой кинокритики существенное влияние оказывает фактор субъекта: так, при создании экспертных кинокритик адресант нацелен на проведение подробного анализа культурно-идеологического контекста, детерминирующего развитие сюжета кинокартины, что нередко требует привлечения постструктуралистских методологических подходов деконструкции дискурса и имплементации центральных теоретических положений семиотики кино и текста.

Для создания рецензий рассматриваемого типа обязательно наличие обширных теоретических познаний в области культуры, кино, социологии, семиотики кино, философии и лингвистики. Адресантами текстов являются представители академической среды: доктора и кандидаты наук, специалисты в данной области исследования. Композиция рецензий, как правило, имеет вид научной статьи с аннотацией, основной частью, членящейся на ряд микропунктов, и заключением, за которым следует библиографический список и авторская колонка. Данный тип рецензий публикуется в рецензируемых (peer-reviewed) изданиях, адресованных специализированной аудитории. Предметом анализа становится не только фабула и сюжет кинокартины, но и остающийся за кадром культурно-идеологический контекст, косвенно влияющий на структурирование нарратива. Потенциальным адресатом рассматриваемого субжанра являются как энтузиасты, обладающие необходимой эрудицией, так и представители академической среды.

В состав категории профессиональных искусствоведческих кинокритик входят авторские критические сетевые рецензии, публикуемые в популярных газетных изданиях

(Chicago Press, Washington Press), созданные искусствоведами, журналистами и предназначенные для широкой аудитории. С композиционно-структурной точки зрения данный тип рецензий не характеризуется дискретностью, представляя собой цельный текстовый массив, обыкновенно не членимый авторами на отдельные тематические блоки, однако структура текста допускает дробление содержания на зачин (вступление) и краткий вывод. Рассматриваемый тип рецензий ориентирован преимущественно на массового адресата, так как не требует от читателя обладания экспертными знаниями в сфере теории кинематографа или семиотики кино.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению способов реализации качественной категории оценочности как средства экспликации ценностного отношения индивида к содержанию кинокартины в структуре англоязычной экспертной и профессиональной кинорецензии. Цель данной статьи – идентифицировать и сопоставить специфику реализации категории оценочности в системе оценочных субжанров экспертной и профессиональной кинорецензии.

Интерес лингвистов к жанру сетевой кинорецензии нашел отражение в трудах отечественных и зарубежных специалистов, посвященных ее стилистическому и типологическому анализу [4], рассмотрению дискурсивной структуры текста [1], истории развития жанра и выявлению доминирующих коммуникативных регистров кинорецензии [3], сопоставительному анализу синтаксических параметров англоязычных профессиональных кинорецензий и непрофессиональных отзывов о кинофильмах [5], степени влияния фактора субъекта на содержание и организацию оценки в структуре англоязычной сетевой профессиональной кинорецензии, адресованной широкой аудитории [6], а также степени варьирования ментальных модусных значений и средств номинаций адресанта в системе корпуса экспертных кинорецензий и пользовательских отзывов о кино [7]. В рамках данного исследования кинорецензия определяется нами как оценочный жанр сетевой коммуникации.

Нормализация термина «оценочный жанр» и его введение в научный дискурс связывается с предложенной Т. В. Шмелёвой классификацией жанровых моделей, базирующейся на критерии коммуникативной цели, в соответствии с которым основу рассматриваемой жанровой категории составляет задача соотношения поступков и качеств коммуникантов с установленной в обществе конвенциональной шкалой ценностей [8, с. 91]. С коммуникативной точки зрения доминирующей задачей оценочных речевых жанров является реализация оценочной функции языка и актуализация субъекта оценки, вводимого «на основе формы оценочного высказывания и контекста» [9, с. 47]. Речевые жанры, функциональная направленность которых сосредоточена на реализации оценочной функции языка, регулярно становились объектом изучения ученых-языковедов [8, 10–12], однако сфера исследования часто ограничивалась уровнем коммуникативно-речевых ситуаций, реже затрагивая проблематику гибридных образований.

Оценка, конституирующая основу оценочных (или диагностических [10]) жанров, трактуется нами как один из видов модальности, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения [9, с. 11], что позволяет дифференцировать важный аспект оценки – ее субъективность, обязательное присутствие в ее структуре субъективного фактора, демонстрирующего положительное или негативное отношение субъекта. Субъек-

тивный компонент оценки актуализируется при продуцировании говорящим непосредственной (или опосредованной) реакции на перцептивно и ментально воспринимаемые (или воображаемые) действия или признаки. Реализация категории оценки требует наличия оценивающего субъекта, под которым понимается не только автор (адресант) дискурса, но и реципиент (адресат) [13, с. 101], а также объект и основания оценки. Оценивающий субъект может быть представлен «конкретно-историческим индивидом, определенной социальной группой», а также «человеческим обществом в целом» [14, с. 5].

Проблематичным аспектом оценки является разграничение фиксированных и взаимодействующих друг с другом в структуре оценки субъективных и объективных значений, продуцируемых оценивающим субъектом, определение степени взаимовлияния субъективных и объективных факторов. Субъективный компонент позволяет эксплицировать положительное или отрицательное отношение субъекта к оцениваемому объекту, в то время как объективные значения имеют дескриптивно-признаковый характер и ориентированы на фиксацию конкретных свойств анализируемых предметов или явлений. Структура оценочной ситуации имплицитно подразумевает наличие двух ингерентных компонентов: субъекта и объекта оценки, в результате чего «субъект оценки считает, что объект оценки хороший/плохой» [15, с. 18]. Отмечается, что структура оценочной ситуации и количество ее основных компонентов может варьироваться: так, отдельные исследователи считают необходимым выделять до четырех компонентов, включающих субъект оценки, объект оценки, содержание (характер оценки) и основание оценки (Е. М. Вольф [9], А. А. Ивин [15], Н. Д. Арутюнова [16], В. Н. Телия [17] и др.). В то же время некоторые исследователи дополняют данный список рядом факультативных элементов, к которым принадлежат: 1) предмет (квалификация) оценки; 2) инструмент оценки; 3) шкала оценки; 4) оценочный стереотип; 5) слушающий [18].

В рамках настоящего исследования, направленного на рассмотрение роли субъекта в структуре оценочных субжанров сетевой кинорецензии, считаем целесообразным учитывать следующие, на наш взгляд, обязательные компоненты оценки: 1) субъект (производитель) оценки – лицо, приписывающее ценность какому-либо предмету посредством экспликации оценочного суждения; 2) объект оценки – оцениваемый предмет; 3) основание оценки – доводы, используемые субъектом с целью определения объекта как хорошего или плохого; 4) характер (содержание) оценки – квалификация оцениваемого предмета как хорошего или плохого; 5) слушающий – потенциальный адресат оценки.

Анализ структуры объекта оценки в системе экспертной кинорецензии позволяет сделать вывод о том, что она включает следующие аспекты: 1) способность режиссера имплементировать культурно-идеологические положения постструктуралистского теоретического аппарата в систему кинофильма; 2) способность режиссера раскрывать конфликтные темы; 3) выразительность и динамичность режиссуры (визуальная составляющая); 4) способность режиссера формировать эмоциональный фон кинокартины; 5) инновационный подход к визуализации затрагиваемых в кинокартине тем; 6) эстетическая составляющая режиссуры (музыкальное сопровождение); 7) структурная организация сценария.

В системе профессиональной кинорецензии структуру объекта оценки могут конституировать следующие аспекты: 1) способность режиссера формировать эмоциональный фон кинокартины; 2) выразительность и динамичность режиссуры (визуальная составляющая);

3) актерская игра; 4) способность режиссера раскрывать конфликтные темы; 5) инновационный подход к визуализации затрагиваемых в кинокартине тем; 6) эстетическая составляющая режиссуры (музыкальное сопровождение; 7) структурная организация сценария.

Оценочность, являющаяся функциональной реализацией категории оценки, определяем вслед за В. А. Марьянчик, во-первых, как «свойство речевой единицы, ее потенциал, способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве» [13, с. 101], во-вторых, как одну из квалификативных категорий модуса – субъективного компонента предложения, передающего отношение коммуниканта к содержанию высказывания и олицетворяющего коммуникативную функцию общения [19, с. 51]. Основу модуса составляют три группы категориальных смыслов: актуализационные, квалификативные и социальные, в структуру квалификативной группы входит авторизация, персуазивность и оценочность [20, с. 704]. Рассматриваемая категория неоднократно оказывалась в фокусе внимания лингвистов: так, исследователями анализировалась оценочность иронических смыслов [21], особенности эксплицитной и имплицитной оценочности делового текста как маркеров британской и американской лингвокультуры [22], соотношение оценочности и эмотивности в семантической структуре слова [23] и др. Оценочность, выражающая ценностное отношение и позицию индивида, способна выступать в качестве важного инструмента организации оценочных жанров, являясь, по мнению Э. Ю. Гараниной, «жанро- и текстообразующей категорией кинорецензии» [3, с. 28]. Оценочное знание характеризуется многоаспектностью, соединяя в своей семантической структуре оттенки психологических, прагматических, коммуникативных значений.

Настоящее исследование опирается на положение о том, что описание специфики экспликации позиции субъекта в дискурсе во многом зависит от анализа оценочных предикатов, так как субъект является ингерентным элементом категории оценки. В данной статье на основе сопоставительного анализа корпуса текстов экспертных и профессиональных сетевых кинорецензий, отобранных с англоязычного портала [metacritic.com](https://www.metacritic.com/) (<https://www.metacritic.com/>) и электронного архива онлайн-публикаций сетевого англоязычного рецензируемого журнала *Film Criticism* (<https://journals.publishing.umich.edu/fc/>), будут описаны доминирующие типы оценки как средства актуализации позиции автора в субжанрах сетевой кинорецензии.

Методология и источники. В настоящем исследовании предлагается способ идентификации и описания средств актуализации категории оценочности, которая служит экспликации авторской позиции. Методика исследования сводится к следующим шагам: 1) частеречная разметка текстов рецензий; 2) идентификация оценочных единиц (прилагательных и наречий); 3) описание и сопоставление доминирующих типов оценки как средств реализации авторской оценки.

В процессе идентификации оценочных предикатов нами учитывались адъективные и адвербиальные единицы. Обоснованность данного выбора продиктована тем, что «оценочные прилагательные наиболее <...> способны к выражению интенсификации эмоционально-оценочного состояния говорящего» [24, с. 72], а также принадлежностью качественных наречий к категории оценочной лексики [25, с. 299]. В соответствии с предложенной Н. Д. Арутюновой классификацией оценочных смыслов, идентифицированные оценочные

прилагательные и наречия подразделяются нами на общеоценочные и частнооценочные единицы, из которых первые служат реализации общей, неконкретизированной оценки, а последние актуализируют оценочные значения, эксплицируемые на основании конкретных признаков, что позволяет дифференцировать гедонистическую, интеллектуальную, эмоциональную, эстетическую, этическую, утилитарную, телеологическую и нормативную оценки [16, с. 75]. При отборе единиц учитывались доминирующие оценочные категории. Отбор лексем был осуществлен в два этапа: 1) проведение грамматического анализа текстов при помощи корпус-менеджера TagAnt; 2) анализ выявленных единиц и распределение по двум группам – общеоценочные и частнооценочные прилагательные и наречия. Исследование основано на методах количественного, корпусного и контекстуального анализа. Материалом исследования послужил корпус экспертных (10 текстов, объем 62 737 слов) и профессиональных (100 текстов, объем 77 051 слов) кинокритических, отобранных методом сплошной выборки с англоязычного портала *metacritic.com* (представляющего такие крупные издания, как *Chicago Sun Times*, *Chicago Tribune*, *Washington Post* и др.) и сетевого каталога рецензируемого издания *Film Criticism*.

Результаты и обсуждение. Частеречная разметка корпуса экспертных кинокритических и метод количественного анализа позволили получить следующие количественные результаты, демонстрирующие распределение доминирующих типов общеоценочных и частнооценочных прилагательных и наречий в корпусе экспертных (рис. 1) и профессиональных (рис. 2) кинокритических.

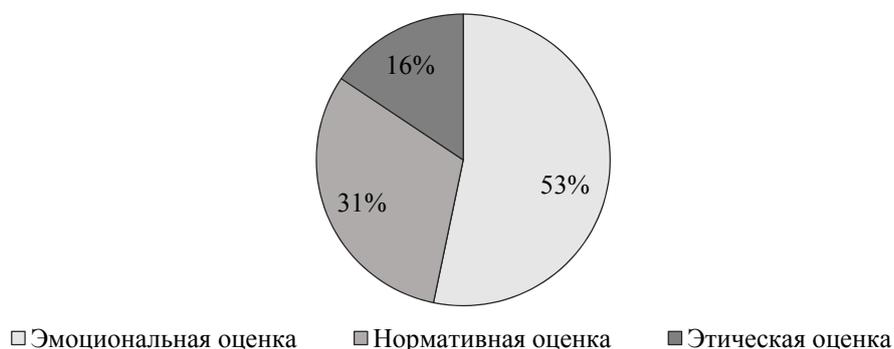

Рис. 1. Распределение типов оценки в корпусе экспертных кинокритических
Fig. 1. Distribution of evaluation types in corpus of expert movie review

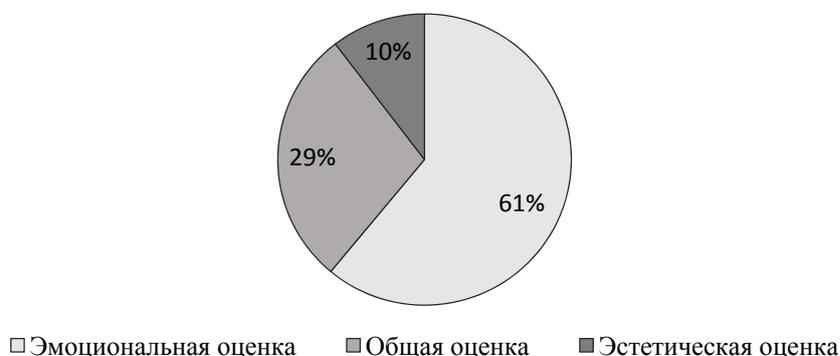

Рис. 2. Распределение типов оценки в корпусе профессиональных кинокритических
Fig. 2. Distribution of evaluation types in corpus of professional movie review

Анализ объектов оценки в системе экспертных кинокритических рецензий позволяет сделать вывод о приоритетности следующих аспектов оценки: 1) оценка эмоционального фона кинокартины – 27 %; 2) выразительность режиссуры (визуальная составляющая) – 21 %; 3) способность режиссера имплементировать основные положения постструктуралистского теоретического аппарата в структуру кинофильма – 16 %; 4) способность режиссера передавать конфликтные (в том числе социально табуированные) темы – 13 %; 5) инновационный подход к визуализации затрагиваемых в кинокартине тем – 13 %. Приоритетность оценочного аспекта «эмоциональный фон кинокартины» коррелирует с преобладанием в структуре частнооценочных значений категории эмоциональной оценки (41 %, 135 ед.). Ср.: *The dream begins as an anxiety dream strewn with emblems of Siddhartha's guilt, insecurity, confusion, and failure*. Экспликации значений эмоциональной оценки способствуют прилагательные (*merry, frustrated, jealous, painful, ecstatic* и пр.) и наречия (*hopelessly, delightfully, longingly, uncomfortably* и пр.), передающие специфику психоэмоционального восприятия субъекта оценки, характеризующего эмоциональность режиссуры, ее выразительность и способность формирования эмоционального фона кинокартины. Ср.: *Daylight Moon's mise-en-scène of childlike wonder and melancholic sentimentality becomes increasingly legible through Hunter's maternal lullaby*. Отмечается преобладание мелиоративной эмотивной оценки над пейоративной, что указывает на тенденцию авторов к экспликации положительных эмотивных значений.

Оценочные аспекты «способность передавать конфликтные темы» и «инновационный подход к визуализации затрагиваемых тем» реализуются в структуре предикатов нормативной оценки, составляющей одну из важных оценочных доминант данного типа дискурса (24 %, 78 ед.). Они ориентированы на передачу значений, связанных с соответствием или несоответствием объекта оценки (кинокартины) установленным стандартам: так, в случае соответствия объекта оценки конвенциональным нормам адресанты используют прилагательные *usual, acceptable, normal, conventional, plausible, ordinary, typical, orthodox, standard* и прочие, имплицитно указывающие на высокую степень интегрированности объекта оценки в структуру преобладающих в коллективе/обществе норм. Ср.: *It is his later feature work that will develop this notion, that will defy orthodox means of visualising consciousness*. В рассматриваемом примере прилагательное *orthodox* используется автором в качестве противопоставления положительной оценки способности режиссера использовать инновационные подходы к визуализации сознания.

К единицам, маркирующим противопоставленность объекта существующим нормам, принадлежат лексемы с реализующимся в рамках данной семантической оппозиции негативным коннотативным значением: *wrong, extraordinarily, unhealthy, distorted, unacceptable, forbidden, warped, atypical* и пр. Ср.: *The film, after all, involves an extraordinary and atypical experience of mothering, which is perhaps beyond the realm of normative mothering experienced by most women and represented primarily in media culture*. Отмечается, что несоответствие объекта оценки конвенциональным нормам не всегда получает в тексте рецензий негативную коннотацию: так, атипичный характер материнского опыта, который отмечается автором, невзирая на негативную коннотацию прилагательного, получает у автора положительное значение, демонстрируя способность режиссера демонстрировать амбивалентность и проблематичность человеческих взаимоотношений и человеческого опыта. Таким образом,

в структуре экспертного оценочного дискурса маркирование объектов как не соответствующих общественным нормам не всегда подразумевает придание им автором соответствующих негативных коннотативных значений.

Следует отметить, что оценочный аспект «способность передавать конфликтные темы» также может передаваться значениями этической оценки, принадлежащей к распространенным типам частнооценочных значений (12 %, 41 ед.), и прототипом которой «являются поступки людей, возведенные в ранг добродетели и злодеяния» [26, с. 70]. Данная категория олицетворяет сферу моральных ценностей, ориентированных на экспликацию морально-этического восприятия, что реализуется в семантике положительно-оценочных (*affable, respectable, decent, dutiful, sacred*) и негативно-оценочных (*unruly, unfair, dehumanizing, evil, relentless, amoral, pleasure-and-ego-driven, villainous, shameless, rigged, corrupted*) единиц. Ср.: *He displays an amoral, ultra-pragmatic attitude that allows him to grab every self-serving opportunity*. Отмечается преобладание и более высокой степени вариативности негативно-оценочных этических предикатов, используемых с целью вызвать у читателя чувство осуждения. Данная категория оценочных значений реализует авторскую оценку способности передачи режиссером проблематичности и амбивалентности человеческих отношений.

Исследование объектов оценки в системе профессиональных кинокритических рецензий позволяет сделать вывод о приоритетности следующих аспектов оценки: 1) оценка эмоционального фона кинокартины – 28 %; 2) выразительность режиссуры (визуальная составляющая) – 26 %; 3) актерская игра – 19 %; 4) способность режиссера передавать конфликтные темы – 16 %; 5) инновационный подход к визуализации затрагиваемых в кинокартине тем – 5 %. Отмечается аналогичная тенденция приоритетности оценочного аспекта «эмоциональный фон кинокартины», коррелирующего с доминирующей в структуре частнооценочных значений категории эмоциональной оценки (47 %, 401 ед.). Среди эмотивных предикатов наблюдается преобладание адвербиальных (*heartbreaking, depressing, infuriating, scared, uncomfortable, enraged*) и адвербативных (*cringey, desperately, woefully*) оценочных единиц пейоративной семантики. Ср.: *It's a dreadful sight*.

Отмечается высокий, в сравнении с экспертным корпусом, процент предикатов общей оценки, значения которой реализуются в структуре прилагательных *good, bad* и их экспрессивно-стилистических синонимов *perfect, brilliant, okay, remarkable, great* и других, что указывает на тенденцию к унификации и генерализации оценочных значений и репрезентативности дихотомии *good/bad*. Ср.: *Divine Love is beautifully shot and wonderfully acted*. Значения общей, неспецифицированной оценки могут распространяться на любой из аспектов оценки, выступая в качестве универсального средства передачи авторского восприятия. Так, предикаты данной группы могут использоваться как способ оценивания актерской игры (ср.: *Nicole hires Nora (Laura Dern, wonderful as always)*.), эмоционального фона кинокартины (ср.: *When she eventually decides to leave, her relief is subtly communicated in the smallest movement. It's great.*), выразительности режиссуры (ср.: *The stunningly gorgeous black-and-white visuals.*) и др.

Значения эстетической оценки, составляющей одну из приоритетных категорий рассматриваемого типа дискурса (8 %), могут быть направлены на реализацию оценочных аспектов «актерская игра» и «выразительность режиссуры», а также на экспликацию цен-

ностно-оценочных представлений о красоте, определяемой посредством визуально воспринимаемых признаков, таких как грациозность (*gracefully*), элегантность (*elegantly, elegant*), пленительность (*charming*), вульгарность (*vulgar*), внешняя красота (*beautifully, ugly, handsome, attractive, beautiful*), соответствие моде (*well-dressed*). Ср.: *The movie is also, intermittently, startlingly beautiful, with shots that echo old master paintings*. Так, в рассматриваемом примере оценка режиссерской способности передачи визуальных образов носит положительный характер, автор сопоставляет ее с живописью старых мастеров. Примечательна тенденция авторов к переносу и семантической переориентации значений негативной эстетической оценки и применения ее исключительно с целью экспликации отрицательной оценки негативных социокультурных явлений. Ср.: *The ugly fact of black women's erasure from the largely white, privileged narrative of #MeToo*. В сочетании с высокими показателями эмоциональной оценки подобная динамика может указывать на близость текстов профессиональной кинорецензии публицистическому жанру, отражающему изменения социокультурного и художественного сознания и направленному на формирование мнения аудитории.

Заключение. Сопоставительный анализ средств экспликации категории оценочности, идентифицированных в рамках рассматриваемых субжанров оценочной кинорецензии, позволил сделать выводы о специфике актуализации частнооценочных и общеоценочных предикатов, маркирующих позицию автора. Так, наибольшей репрезентативностью в системе обоих корпусов обладает категория эмоциональной оценки, свидетельствующая о повышенной экспрессивности и эмотивности, свойственной рассматриваемым текстам. Это указывает на приоритетность в структуре объекта оценки аспекта «эмоциональный фон кинокартины», вызывающего спектр эмоциональных переживаний субъекта оценки, что способствует установлению эмоциональной коммуникации с реципиентом. Приоритетность эмоциональной оценки, характеризующая данные субжанры, указывает на то, что рассматриваемый тип оценочных значений принадлежит к числу ингерентных средств экспликации авторской позиции в дискурсе оценочного жанра кинорецензии, в связи с чем представляется возможным заключить, что эмотивность является важным компонентом жанро-смысловой организации кинорецензии. Как продемонстрировали результаты, актуализация эмотивных предикатов в корпусе экспертных кинорецензий имплицитно устанавливает установку авторов на имплементацию мелиоративных оценочных значений, в то время как авторы профессиональных кинорецензий чаще демонстрируют приверженность пейоративной оценке, воспринимая содержание фильма более критично.

Приверженность авторов-экспертов категории нормативной оценки свидетельствует о преобладании аспекта оценки «инновационный подход к визуализации затрагиваемых тем». Доминирование предикатов нормативной оценки имплицитно устанавливает приверженность рациональным основаниям ценностных норм, ориентированности на осмысление структурного содержания нормы и стремление к систематической категоризации событий, что связано с необходимостью осуществления детального концептуального анализа содержания кинокартины. В связи с данным выводом представляется обоснованной высокая частотность значений этической оценки, так как данная категория эксплицирует значения, связанные с таким аспектом оценки, как способность режиссера раскрывать конфликтные темы.

Преобладание в корпусе профессиональных кинокритических обобщающих предикатов указывает на отказ от конкретизации оценочных признаков, общее изменение уровня детализации, актуализируемого в процессе когнитивной интерпретации событий. Восприятие авторов-профессионалов в меньшей степени ориентировано на передачу дескриптивных событий и восприятие дополнительных контекстуальных нюансов, требуемых для полноценного восприятия кинокартины. В коммуникативный фокус высказывания чаще попадают более общие характеристики, благодаря чему происходит снижение степени конкретизации оценочных признаков, свидетельствующее о более низком уровне компетенции авторов в сопоставлении с детальной экспертной оценкой. Приоритетность значений эстетической оценки в системе профессиональных кинокритических указывает на то, что авторы-профессионалы в первую очередь стремятся производить оценку эстетической составляющей режиссуры, а именно таких ее параметров, как способность передачи визуальных образов, музыкальное сопровождение, декорации, освещение, костюмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фомина В. А. Кинокритика в системе дискурсивных взаимодействий // Изв. СПбГУЭФ. 2011. № 2. С. 144–146.
2. Стопа А. В. Жанровые особенности рецензии и интернет-отзыва: сравнительно-сопоставительный анализ // Ratio et Natura. Сер. Языкознание. 2020. № 2. URL: <https://rationatura.ru/yupusk-no2-2-2020-g#lang> (дата обращения: 20.10.2022).
3. Гаранина Э. Ю. Оценочность в жанре кинокритики // Вестн. КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 28–31.
4. Malá J. Texte über Filme: Stilanalysen anhand von Filmrezensionen und filmbezogenen Texten. Brno: Filozofická fakulta, Masarykova univerzita, 2016. DOI:10.5817/CZ.MUNI.M210-8353-2016.
5. Ванько Т. Р. Своеобразие жанров кинокритики в медиапространстве // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 850. С. 9–20. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_8_850_9.
6. Кононова И. В., Клепикова Т. А., Кленова Е. А. Способы выражения позиции автора в англоязычной сетевой кинокритике // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 6. С. 132–145. DOI: <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-6-132-145>.
7. Кононова И. В., Кленова Е. А. Ментальные модусные категории в дискурсе сетевой кинокритики // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 152–157.
8. Шмельёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
9. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
10. Побирченко А. М. Специфика оценочных жанров в контексте типологии современной публицистики // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2008. № 1 (101). С. 76–78.
11. Акимова Т. П. Особенности реализации оценочных речевых жанров в эпистолярном тексте (на материале писем А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого) // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 64–69.
12. Волынкина С. В. Ролевой репертуар оценочного жанра похвалы // Вестн. ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 200–204.
13. Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестн. Поморского ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 100–103.
14. Василенко В. А. Ценность и оценка. Киев: Наукова думка, 1964.
15. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1970.

16. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
17. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
18. Погорелова С. Д., Яковлева А. С. Структура оценочной ситуации и ее компоненты // Вестн. ЧелГУ. Сер. Филологические науки. 2017. Вып. 105. № 3 (399). С. 98–103.
19. Седых А. П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках // Научные ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 15 (55). С. 51–56.
20. Савицкая Л. С. Модусная организация высказывания как средство выражения ценностных ориентаций говорящего (на материале интернет-дневников) // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 704–707.
21. Солодилова И. А. Оценочность иронических смыслов // Вестн. ОГУ. 2014. № 11 (172). С. 121–127.
22. Литвинов А. В. Оценочность делового текста // Вестник ун-та. 2014. № 4. С. 258–262.
23. Солодилова И. А., Шепеля И. В. Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестн. ОГУ. 2015. № 11 (186). С. 172–178.
24. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. 1995. № 3. С. 67–79.
25. Белобородова А. В. Наречие как средство выражения оценки в англоязычном кинодискурсе (на материале англоязычного сериала Victoria) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 297–302. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.17>.
26. Кононова И. В. О структуре и языковой репрезентации этических концептов (на материале концепта conscience) // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 56. С. 68–76.

Информация об авторе.

Кленова Екатерина Андреевна – аспирантка кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: виртуальное жанроведение, коммуникативная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.11.2022; принята после рецензирования 08.12.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

REFERENCES

1. Fomina, V.A. (2011), "Film review in the system of discourse collaboration", *Izvestiya SPbGUEF*, no. 2, pp. 144–146.
2. Stopa, A.V. (2020), "Genre specifics of critical and online review: comparative analysis", *Ratio et Natura*, no. 2, available at: <https://ratio-natura.ru/vypusk-no2-2-2020-g> (accessed 20.10.2022).
3. Garanina, E.Yu. (2013), "Evaluation in the genre of film review", *Bulletin of Kemerovo State Univ.*, no. 2 (54), vol. 2, pp. 28–31.
4. Malá, J. (2016), *Texte über Filme: Stilanalysen anhand von Filmrezensionen und filmbezogenen Texten*, Masarykova univerzita, Brno, CZE. DOI:10.5817/CZ.MUNI.M210-8353-2016.
5. Vanko, T.R. (2021), "Genre peculiarities of on-line film reviews", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Humanities*, iss. 850, pp. 9–20. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_8_850_9.
6. Kononova, I.V., Klepikova, T.A. and Klenova, E.A. (2021), "Expressing the Author's Position in the English-Language Network Film Review", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 6, pp. 132–145. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-132-142.
7. Kononova, I.V. and Klenova, E.A. (2022), "Mental modus categories in the discourse of internet film review", *Cognitive Studies of Language*, no. 2 (49), pp. 152–157.
8. Shmeleva, T.V. (1997), "A model of speech genre", *Zhanry rechi* [Genres of speech], Izd-vo GosUNTs «Koledzh», Saratov, RUS, pp. 88–98.

9. Volf, E.M. (2002), *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation], Editorial URSS, Moscow, USSR.
10. Pobirchenko, A.M. (2008), "Evaluative genres specifics within the context of modern journalistic typology", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, no. 1 (101), pp. 76–78.
11. Akimova, T.P. (2009), "Specific Realization of Evaluative Speech Genres in Epistolarytext (on Letters by A.S. Pushkin and L.N. Tolstoy)", *Science J. of VolSU. Linguistics*, no. 2 (10), pp. 64–69.
12. Volynkina, S.V. (2016), "Role repertoire of the praise evaluation genre", *Vestnik of Lobachevsky Univ. of Nizhni Novgorod*, no. 2, pp. 200–204.
13. Maryanchik, V.A. (2011), "The value as category of text", *Vestnik of Pomor Univ. Ser.: Humanitarian and Social Sciences*, no. 1, pp. 100–103.
14. Vasilenko, V.A. (1964), *Tsennost' i otsenka* [Value and evaluation], Naukova dumka, Kiev, USSR.
15. Ivin, A.A. (1970), *Osnovaniya logiki otsenok* [Fundamental principles of evaluation logic], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR.
16. Arutyunova, N.D. (1988), *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Language meanings' types: Evaluation. Event. Fact], Nauka, Moscow, USSR.
17. Teliya, V.N. (1986), *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative aspect of the semantics of nominative units], Moscow, Nauka, USSR.
18. Pogorelova, S.D. and Yakovleva, A.S. (2017), "The structure of evaluation situation and its components", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 3 (399), *Philology Sciences, iss. 105*, pp. 98–103.
19. Sedykh, A.P. (2008), "Proposition, modality and dictum in national languages", *Nauchnye vedomosti Belgor. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, no. 15 (55), pp. 51–56.
20. Savitskaya, L.S. (2010), "Modus organization of an utterance as a means for expressing value orientations of the speaker (based on the blogging)", *Vestnik of Lobachevsky Univ. of Nizhni Novgorod*, no. 4 (2), pp. 704–707.
21. Solodilova, I.A. (2014), "Evaluativity of irony meaning", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 11 (172), pp. 121–127.
22. Litvinov, A.V. (2014), "Business text evaluation", *Vestnik Univ.*, no. 4, pp. 258–262.
23. Solodilova, I.A. and Shepelya, I.V. (2015), "Evaluativeness and emotiveness in the word semantic", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 11 (186), pp. 172–178.
24. Markelova, T.V. (1995), "Semantics and pragmatics of means of expressing evaluation in Russian language", *Philological Sciences*, no. 3, pp. 67–79.
25. Beloborodova, A.V. (2018), "Adverb as a means to express evaluation in English movie discourse (by the material of the English TV series "Victoria")", *Philology. Theory & Practice*, no. 8 (86), part 2, pp. 297–302. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.17>.
26. Kononova, I.V. (2008), "The structure and linguistic representation of ethical concepts", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 56, pp. 68–76.

Information about the author.

Ekaterina A. Klenova – Postgraduate at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: virtual genristics, communicative linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.11.2022; adopted after review 08.12.2022; published online 22.02.2023.*

Original paper

УДК 80; 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-1-167-184>

Frame-Conceptual Composition and Speech Impact Means of the American Popular Psychology Discourse

Elena V. Shelestyuk

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia,
shelestiuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4254-4439>*

Introduction. The article analyzes the frame-conceptual structure of the American popular-psychological discourse and touches upon the means of speech influence used in it. This discourse is a set of semiotic works aimed at popularizing and introducing ideas/concepts related to issues of practical psychology. The purpose of the article is to describe in general terms the frame-conceptual composition of American popular psychological texts.

Methodology and sources. Methods of thematic and genre selection of texts are used, content analysis. The main method is interpretive: the gist of each text is reproduced, its meanings are extracted, frames and concepts are singled out. Materials range from popular science and scientific publications to popular psychological talks, TED talks, coaching, therapy lectures. In general, popular psychology in the United States comes from several sources, the most influential among which are the philosophy of “self-help”; psychotherapeutic/psychiatric models of humanistic psychology; transpersonal psychology, including mysticism, paranormal and religious experiences, practices of Hinduism, Buddhism, Taoism, Kabbalah, Theosophy, etc.

Results and discussion. It is found that the basic conceptual units of the American popular-psychological discourse are the conceptual frame PSYCHOLOGICAL WELL-BEING with the subconcept PSYCHOLOGICAL HEALTH and the subsubconcepts MINDFULNESS and EMOTIONAL HYGIENE; the conceptual frame ACTIVITY/WORK/STUDY with its subframes CORPORATE/OFFICE WORK (with the subsubframe WORK ORGANIZATION), INDIVIDUAL WORK/STUDY and subconcepts ATTITUDE TO WORK, RESULT/PERFORMANCE/ACHIEVEMENT; the concept of SUCCESS with different script-producing subconcepts; the concept OVERCOMING ADVERSE CIRCUMSTANCES with the script-producing subconcept TURNING OBSTACLES INTO OPPORTUNITIES. Popular psychological discourse is characterized by a mixture of styles, multiple addressees, publicity, narrativity, quasi-dialogue form, empirical exemplifications, and applicability to everyday life.

Conclusion. This discourse develops its own concepts and conceptual frames, has the potential for reframing the semantic constructs of recipients. It also generates scripts, for example, the concept of MINDFULNESS becomes the basis of modern American psychological and psychotherapeutic practices. This discourse demonstrates informative, argumentative, persuasive, illustrative (or allegorical) types of speech; it is logical, idiomatic, expressive which contributes to speech impact.

Keywords: popular psychological discourse; popular psychology; concept, frame, script; frame-conceptual analysis; speech impact

© Шелестюк Е. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

For citation: Shelestyuk, E.V. (2023), "Frame-Conceptual Composition and Speech Impact Means of the American Popular Psychology Discourse", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 1, pp. 167–184. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-167-184 (Russia).

Оригинальная статья

Фреймово-концептуальный состав и средства речевого воздействия американского дискурса популярной психологии

Елена Владимировна Шелестюк

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия,
shelestiuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4254-4439>*

Введение. В статье анализируется фреймово-концептуальная структура американского популярно-психологического дискурса и затрагиваются используемые в нем средства речевого воздействия. Указанный дискурс представляет собой набор семиотических произведений, направленных на популяризацию и внедрение идей/концепций, связанных с вопросами практической психологии. Цель статьи – в общих чертах описать фреймово-концептуальную композицию американских популярно-психологических текстов.

Методология и источники. Используются методы тематико-жанрового отбора текстов, контент-анализ. Главный метод – интерпретационный: излагается суть каждого текста, извлекается его смысл, выделяются фреймы и концепты. Материалы варьируются от научных и научно-популярных публикаций до популярных психологических бесед, выступлений TED, коучинга и лекций по терапии. В целом, популярная психология в США происходит из нескольких источников, среди которых наиболее влиятельными являются философия самопомощи; психотерапевтические/психиатрические модели гуманистической психологии; трансперсональная психология, включая мистицизм, паранормальный и религиозный опыт, практики индуизма, буддизма, даосизма, каббалы, теософии и др.

Результаты и обсуждение. Выявлено, что базовыми концептуальными единицами американского популярно-психологического дискурса являются: концептуальный фрейм ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ с субконцептом ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ и субсубконцептами САМООСОЗНАННОСТЬ и ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГИГИЕНА; концептуальный фрейм ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ/РАБОТА/УЧЕБА с субфреймами РАБОТА В КОРПОРАЦИИ/ОФИСЕ (с субсубфреймом ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ), ИНДИВИДУАЛЬНАЯ РАБОТА/УЧЕБА с субконцептами ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ/ПРОДУКТИВНОСТЬ/ДОСТИЖЕНИЯ; концепт УСПЕХ с разными сценарными субконцептами; концепт ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ со сценарным субконцептом ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ В ВОЗМОЖНОСТИ. Для популярно-психологического дискурса характерны смешение стилей, множественная адресатность, публичность, нарративность, квазидialog с реципиентами, эмпирические экзemplификации, применимость к повседневной жизни.

Заключение. Этот дискурс развивает собственные концепты и концептуальные фреймы, обладает потенциалом для рефрейминга смысловых конструкторов реципиентов. Он генерирует и сценарии (скрипты), например, концепт САМООСОЗНАННОСТИ (MINDFULNESS) становится основой современных американских психологических и психотерапевтических практик. Данный дискурс демонстрирует информативный, аргументативный, персуазивный, иллюстративный (или иносказательный) типы речи; он логичен, идиоматичен, содержит яркие выразительные средства, используемые для речевого воздействия.

Ключевые слова: популярно-психологический дискурс, популярная психология, концепт, фрейм, сценарий, фреймово-концептуальный анализ, речевое воздействие

Для цитирования: Шелестюк Е. В. Фреймово-концептуальный состав и средства речевого воздействия американского дискурса популярной психологии // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 1. С. 167–184. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-1-167-184.

Introduction. Nowadays, a multitude of popular science texts, audio and video films on popular psychology and psychotherapy appear on the Internet. They provide extensive material for research, both in terms of comparing approaches in their respective fields and in terms of linguistics, to name, cognitive linguistics, psycholinguistics, discourse analysis, concept linguistics, and linguocultural studies. However, this material has not yet been sufficiently studied. Until present the English-language cultural concepts, frames, scripts have been studied on the samples of fiction, news and journalism, popular science, films and TV shows, etc. Popular psychological and psychotherapeutic discourses that show the personal reflection and cognition of reality, the characteristic constants of mindset, attitudes to life, modes of thinking and behavior, have not yet been academically studied in the linguocultural and discursive perspectives. Concepts, frames and scripts of popular psychology make a case for critical research. In this article we will describe in broad brushstrokes the frame-conceptual composition of American popular psychological texts.

Methodology and sources. Popular psychology in the United States in its modern appearance comes from several sources, the most influential among which we consider to be the following:

1. The philosophy of “self-help”, based on secularized Protestant ethics, pragmatism, transcendentalism, the philosophy of New Thought [1]. It implies personal self-improvement in economic, intellectual or emotional terms, often exerting a directed, sometimes algorithmized psychological or physical effort. One representative of this trend, Napoleon Hill, in his book “Think and Grow Rich” (1937), describes the principles of self-help in gaining money, stating, among other things that “Only those who become “money conscious” ever accumulate great riches. “Money consciousness” means that the mind has become so thoroughly saturated with the *DESIRE* for money, that one can see one’s self already in possession of it... Any thought, idea, plan, or purpose which one holds in one’s mind attracts, from the vibrations of the ether, a host of its relatives, adds these “relatives” to its own force, and grows until it becomes the dominating, motivating master of the individual in whose mind it has been housed”. New Thought representative Louise Hay in her “You Can Heal Your Life” of 1984 asserts, that “harmful” beliefs and thoughts create psychological ground for disease and serve as a barrier against healing; they must be replaced by healing beliefs – only in this way can this barrier be removed. A famous representative of the self-help philosophy, sometimes called its “grandfather”, Dale Carnegie with his bestselling “How to Win Friends and Influence People” (1936) generated a plethora of management and life/business coaching books and promoted the development of a variety of social influence constructs including social intelligence (social influence at work), emotional intelligence, and political skill [2].

2. The psychotherapeutic/psychiatric models of humanistic psychology including psychoanalysis, hypnosis of Milton Erickson, Gestalt therapy, NLP, transactional analysis etc. The roots of this trend can be found in the movement for human potential, the concepts of personal

growth, of realization of undisclosed potential opportunities (by the way, this is also where the gnostic religion of Scientology originates). This trend is aimed primarily at the problems of communication, relationships with people and solution of situational personal problems. For instance, the transactional analysis of Eric Berne (“Games People Play” (1964)) – similar to P.M. Ershov’s “positions” theory in acting – is an explanatory philosophy of interaction with others in the state of a parent, adult, or child. The scenario theory by Claude M. Steiner posits scenarios as life programs proposed by parents or society in childhood and actualized as lines of behavior and activities, sometimes transformed into counter- and antiscenarios. Critics of humanistic psychology models point to ignoring or questionably diagnosing systemic sources of personal problems. Also, in theoretical terms and in terms of empirical research these models are considered insufficiently scientifically substantiated. However, some studies show their efficiency, they have produced many useful applied psychotechniques, some theoretical constructs have been fruitfully developed [3, 4]. To reiterate, despite the lack of evidence regarding empirical results, these models are still actively used in psychotherapy, psychological counseling, business counseling and, of course, literature and other entertaining and educational materials on popular psychology.

3. The trend generally called transpersonal psychology, originating in the concepts and practices of mysticism, paranormal and religious experience, yoga and other practices of Hinduism, Buddhism, Taoism, Kabala, Christian mysticism, Theosophy, Gurdjieff’s philosophy, shamanism, Sufism, etc. In the USA, such well-known personalities laid the foundation for this trend as Stanislav Grof, Alan Watts, Abraham Maslow, Ken Wilber, and others. This trend studies and interprets the phenomena of altered consciousness of the self, hypothetical phenomena that go beyond the boundaries of an individual psyche, or soul, the experiences of the self described by people engaged in various types of spiritual practices, such as meditation, yoga, etc. Transpersonal psychology includes several types: extension of consciousness in time, the experience of the embryo and fetus, ancestors, collective experience, past incarnations, foresight, clairvoyance, time travel; expansion of consciousness in space, identification with other personalities, nature, all things, the planet, telepathy; narrowing of consciousness to the level of an organ, tissue, cell; spiritual and mystical experience, experiencing encounters with superhuman entities, archetypal and mythical experiences, merging with universal consciousness. Transpersonal psychology is criticized for lack of scientific basis and questionable effectiveness, for mysticism, para- or pseudoscientific nature, as well as for the transformation of psychotherapists into gurus, spiritual teachers, emphasis on higher state of consciousness and insufficient attention to interpersonal and social processes. Nevertheless it has some acknowledgement in academia and has been given limited research, with some approaches backed by science and others considered experiential [5, 6].

Work in these areas have become steppingstones in the development of therapeutic, sociological and psychological directions, in the latter case including the areas of popular psychology, such as neurolinguistic programming, hypnosis, associative priming, etc. up to modern cognitive-behavioral developments in life coaching.

Pop-psy texts and discourse in general can be studied comprehensively with statistical methods, but for the present purposes of pop-psy discourse study the entirely formalist methods are unviable. To sift through diverse materials we prefer the method of manual topic-and-genre-

based selection of texts, then statistically measure the word frequency in them and interpret the ideas expressed to identify the frames/concepts contained in these texts. We also analyze and summarize the most salient linguistic and compositional phenomena that provide impact on readers/listeners. As for suitable materials, they range from science and popular science publications to recordings of popular psychological talks, TED talks, coaching and lectures in therapy.

In this article we basically specify a few prominent concepts present in the American popular psychological discourse. We handle representative scientific articles and TED lectures¹, all in all nine in number. They are materials which are concerned with psychological and human relations subjects. Regardless of the channel of information transfer, we will term them *texts* or *discourse* (“popular psychological texts”, “popular psychological discourse”). The main themes of these texts are cultural-psychological, they may coincide (as in “8 secrets of success”), but mostly differ from the concepts expressed in the texts, the concepts being more generalized. The frameworks, within which these themes are regularly discussed resemble frame structures of the corresponding concepts.

Results and discussion.

Genre characteristics and features of popular psychology.

In contrast to psychotherapy, popular psychology is characterized by multiple addressing, publicity and smaller social status distance between the addresser and the addressees. It is less scholarly or professional in presentations, is oriented towards general public. The authors of popular psychology are practitioners, professional psychologists, and therapists with extensive practical experience, as well as enthusiasts, entrepreneurs from all walks of life.

The genre topics (themes) of popular psychology texts are human-interest and depend on the conjuncture. Despite lack of academic rigor, popular psychology texts set trends for psychotherapeutic or educative outlooks, which invite theorizing and creating concepts. They may have the following pragmatic goals: 1) modification of recipients’ cognitive models and behavioral optimization; 2) empowering people with psychological knowledge and psychotechnologies, psychological education; 3) problematization of personal or behavioral issues and proposing their solution; 4) regulation of mental state and daily life, successful socialization, empowerment in business and creative enterprise etc.; 5) constructing a “new reality”, in which a different outcome of events is shown; 6) transformation of personalities in order to achieve a needed result; teaching practical psychotechniques, etc.

Popular psychological discourse is a set of textual and semiotic works aimed at popularization of ideas/concepts related to mental and physiological regulation, success, development,

¹ TED talks are a trending US genre of popular science and human-interest oratory. The TED (Technology Entertainment Design) is a private non-profit foundation in the United States, whose aim is to distribute “unique ideas”. It is an enterprise for individuals to present creative ideas in the fields of science, art, design, politics, culture, business, global issues, technology and entertainment in the form of video lectures. The TED periodically arrange meetings where several specially selected people hold speeches corresponding to the “spirit of the times”. The TED website is basically a repository of societal situations in various walks of life, worth, in the organizers’ view, being put into practice, institutionalized, and becoming standard practices in various procedures. It is thus a mechanism to create basic neurolinguistic and behavioral algorithms, whose capacity is much higher than usual trial and error, replication and selection method. This mechanism provides a kind of coordination and resource-based communication. TED talks on various subjects may be likened to precedent law cases, empirically amassed, studied and organized into codes.

communication, everyday life; psychological help; resolving personal or behavioral questions; psychological teachings indoctrination; “new reality” construction; training psycho-physiological techniques, etc. It is aimed at the above pragmatic goals and serves the communicative needs of interested individuals.

Texts of popular psychology have palpable stylistic and genre unity. The content-related genre peculiarities were listed above and enumerated in the pop-psy discourse definition. The form-related genre peculiarities of popular psychology texts are as follows: publications, lectures, talks, instructions, advertisements, endorsements. Each variety generates its own speech-impact pattern.

Linguists detect traces of four major functional styles in pop-psy discourse: scientific (specifically, popular scientific), journalistic, imaginative, and conversational [7]. Popular science serves to inform the reader, report new scientific information in a lively and simplified form. Its important function is also adaptation – the streamlining of scientific material to the average reader’s competence, creation of texts that will be understandable to non-experts perhaps without recourse to external sources. The “reverse streamlining” is also possible: these texts (e.g. TED talks) provide live cases for reproduction and study in more rigorous scientific settings by qualified researchers.

The journalistic style imparts popular psychology texts with convincing quality and suggestive effect. This is achieved with the help of recognizable images, tropes, allusions, figures of speech. These texts are to a great extent devoted to social issues and aimed at the general public.

The imaginative style, frequently impregnated in the texts of popular, involves picturesque narratives (stories) and descriptions, providing illustrative and frequently allegoric modelling of situations [8], leading to tenable conclusions. In contrast to the stereotypical figures and tropes of the journalistic style, the imaginative style is distinguished by the originality of imagery. The aesthetic-cognitive function of this style is important, as the aesthetic impression reinforces the overall impact. It also stimulates recipients’ imagination, ensures on their part empathy and will to project the proposed solutions onto their life experience.

Conversational style operates in the framework of day-to-day communication, it is characteristic of informal speech. The effects of live communication, informal dialogue, personal touch, conversationality make texts more flexible in the transfer of information. Along with journalese, this style contributes to the intimization of discourse, the shift of focus through shift of personal address (we, a person, he/she/they, people, you, one), simulation of dialogue, appeal to human interests and habits.

Theory of cultural concepts and frames.

Since the purpose of the present article is the study of the frame-conceptual structure of the American popular-psychological discourse, let us look into the notions of concept and frame as they are used in social and humanitarian sciences. The concept is defined as a discrete unit of cognitive sphere, essentially the sum total of knowledge about an object or phenomenon of the world. The concept is a tool for slicing up the syncretic, continuous reality, making its representations discrete and structuring it in a more or less rational way. Structured clear-cut concepts, unlike fuzzy notions, are marked by linguistic regularity, verbal expression unity and linguocultural specificity [9–12]. The concept is interconnected with the surrounding world being

its object of reflection, with consciousness as the place of its storage and with language as the way of its representation, the resultant total of the linguistic-mental representations makes up what is termed by the Moscow Psycholinguistic school “the language consciousness” [13, 14].

Concepts comprise various types of mental phenomena that order information in the human mind, they require different types of representations, engage different types of sense perception and cognitive operations. Schemes, models, images, frames, scripts (scenarios), patterns, stereotypes, scenes – all of these mental units may be regarded as concepts or concept-like entities [15]. As idealized perceived models of reality the concepts reveal the following features:

– they are the means of accumulating and transmission of knowledge; they are the main units of culture;

– they are potential signs or sign structures of human experience, embodied in words, in speech, in discourse;

– the concepts related to each other co-occur within a conceptual sphere (a domain) with thematic (semantic) fields and frames within it; the core of the conceptual sphere encompasses constant, obligatory features, the near and far peripheries – variable and loose ones; the fields unite thematically and referentially related concepts and notions. The spheres and fields intersect and overlap with each other thus uniting certain concepts [16].

In the mind, the concept often arises as a sensation or image. When moving from the sensory-perceptual domain to the mental (conscious) one it becomes a notion (idea). Further the notion becomes more structured, developed and formalized. Its conceptualization occurs on the associative basis, as associative mechanisms and logical networks trigger off the conceptual structuring. In the course of conceptualization notions are verbalized, introduced in the linguistic sphere, they replicate and vary in various intertexts, their verbal expressions undergo selection. Verbalization tends to result in mental crystallization and verbal contraction of concepts to the level of a name that performs the function of the bearer of a corresponding meaning.

The concept has a verbal-semantic content and ad hoc meanings (senses, significations) emerging in various contexts. The rational, definitional content of the concept is relatively stable and logically structured, the significations are dynamic, individual and diverse. The significations are related to thinking on the one hand, as one clothes thoughts in words, endows them with significations. On the other hand a word may bring forth associations and get significations under different influences, for instance, intertextual usages, phonomorphemic shape, etc. The signification of the concept includes both the total of the meanings of its linguistic realizations and the mental content that is not expressed in linguistic units.

Concepts contribute to the cultural transmission of knowledge; they make up the framework of cultural and historical discourses. Thanks to the intertextual exchange verbalized meanings translate concepts further in accord with the specificity of cognition and communication adopted in a particular culture.

Speaking of the imminent aspects and components of conceptual structure, we cannot fail to conclude that, despite some variations in listings by various scholars, there is a relative unanimity here. Russian linguists specify the following aspects of the intensional structure of the concept: 1) the denotative, substantial-logical aspect, closely related to the linguistic expression of the concept, its designation, revealing its relationship with other concepts; 2) the connotative –

emotive-expressive and figurative (conceptual-metaphoric, conceptual-metonymic) aspect; 3) the evaluative (value) aspect, which shows the individual and collective importance, significance of the concept. The evaluative and, ultimately, value aspect is seen by some scholars as dominant in the structure of the concept [10].

Some extend the imminent components in the conceptual structure beyond the intension: 1) the respective name semantics, pragmatics and syntactics, the meaningful usage of the concept name with other names; 2) conceptual metaphors and metonymies generated by the concept and reflected in the language; 3) cultural-historical associative representations of the concept, including idioms, proverbs, adages, cultural-historical contexts; 4) its “inner form”, i.e. the phonosemantic, morphosemantic, grammasemantic, etymological etc. evocations of its name [17].

In yet another classification, the following conceptual segments are distinguished:

- 1) the main meaning of the concept name;
- 2) its inner form, etymology;
- 3) the “passive”, historical segment;
- 4) the newest (current), active segment of the concept;
- 5) the evolutionary-semiotic series as a historically formed layering of meanings;
- 6) the conceptual meta-position – “hovering” over words and things;
- 7) the domain of abstract definitions – cognition of the concept “from above”;
- 8) the domain of individual experience – cognition of the concept “from below” [18].

These aspects and components are the warp and woof of concept theory and we will take them into account as we analyze the practical psychological texts with the purpose of singling out the concepts actualized in them.

Now let us touch upon the notion of a frame. The frame is a generalized structure of data representations of (stereotype) situations, a model for measuring and describing knowledge (mental representations) stored in the memory of people [10]. We support the view that the frame is a peculiar type of concept – with a clear-cut denotative structure, easily schematized, having distinct divisions and sectors (slots), borders and contours. Thus, every frame is a concept, although not every concept is a frame or is perceived as a frame – besides frame concepts, there are categorical, prototypical, image-schematic and image-poetic, symbolic concepts, Gestalts etc.

A frame often contains subframes – structural components within a larger body (a frame) with their own discrete substructures. Frames and subframes have slots – terminals that must be filled by specific instances or data [19, 20]. The frame is a cognitive formation, a structure of knowledge; the expectations ensuing from the frame structure are used by people as a pattern for their activity within the range of their understanding of it. The frame serves to lay out a situation, to provide its metacommunicative definition based on the principles of event-causing organization and agents’ involvement in these events.

Psychological concepts may be of frame type, particularly if they present viable models of psychological phenomena described by scientific psychology. However, being related to psychic phenomena, they are more abstract and fuzzy than objective concrete-notion frames, e.g. frames of technical devices (cf. the automobile), many natural kinds (cf. the river). Yet abstract concepts, especially if they acquire a concrete, prototypical anchor (say, MINDFULNESS – a special type of breathing), may serve as a frame of reference to develop behavioral scripts.

Concepts and frames of the American popular psychological discourse.

The American popular psychological discourse reveals several major themes generalized as more or less structured frames with relevant subframes and slots and fuzzy, amorphous concepts: the conceptual frame PSYCHOLOGICAL WELL-BEING with its subframe PSYCHOLOGICAL HEALTH and concepts MINDFULNESS, EMOTIONAL HYGIENE; the frame ACTIVITY with its subframes CORPORATE/OFFICE WORK, INDIVIDUAL WORK/STUDY and subconcepts ATTITUDE TO WORK, RESULT/PERFORMANCE/ACHIEVEMENT; the concept SUCCESS with its subconcepts; the concept OVERCOMING ADVERSE CIRCUMSTANCES with its subconcept TURNING OBSTACLES INTO OPPORTUNITIES.

Two conceptual frames PSYCHOLOGICAL WELL-BEING and WORK have attendant concepts which are valuable of right and make up special sectors within these frames: MINDFULNESS, ATTITUDE TO WORK, RESULT/PERFORMANCE/ACHIEVEMENT. One and the same concept can cut across several themes (frames), e.g., MINDFULNESS, SUCCESS. One concept, OVERCOMING ADVERSE CIRCUMSTANCES, fits within the limits of one theme and contains a more structured subframe TURNING OBSTACLES INTO OPPORTUNITIES.

Below we will represent what we believe to be the basic frame-conceptual outlay of American popular psychology and reproduce some contexts to clarify its peculiar frames and concepts.

1. Conceptual frame PSYCHOLOGICAL WELL-BEING.

1.1. Concept MINDFULNESS.

The concept of PSYCHOLOGICAL WELL-BEING is simultaneously a vast frame, which includes several concepts and notions. One of the basic of them is MINDFULNESS, which can be defined as directing attention to a current specific moment, non-judgmental awareness of one's existence "here and now." To better understand the significance of this term, one should refer to its history. This word can be traced to the Pali Buddhist term "Sati" (Skt. Smṛti, Tib. Drenpa – "remember, keep in mind"), going back to the Vedic tradition of memorizing sacred texts. The Sati meditation school was created by John Harry Roshi, the technique was propagated by John Kabat-Zinn as a means of stress relief. As is often the case with philosophical and psychological concepts of other cultures, it began to be understood in English-speaking countries in a peculiar way, refracted through the prism of their culture, traditions and mentality, which imply pragmatism, rationality, and efficiency.

It has become an important practical skill within popular psychology, as well as a tool of psychotherapy and neuroscience. It is closely related to intentionality developed by phenomenology and "responsibility" as the ability to respond (response-ability) introduced by Gestalt-therapist F. Perls [21]. C. Naranjo believes that the triad of the fundamental principles of mindfulness is "relevance – awareness – responsibility" [22].

At the same time, MINDFULNESS semantically differs from AWARENESS and CONSCIOUSNESS. The latter are based on the critical mind, imply alertness, reflection, search for causal relationships, critical thinking, doubt, evaluation, planning. The former implies awareness of the world "based on inherent knowledge", redirecting one's attention from retrospective analysis of events, forecasting and planning to "here and now", distancing oneself from problems. Mindfulness is a non-judgmental acceptance of oneself and the world, relaxation

and liberation from stress. “Rumination”, largely corresponding to critical thinking and background analysis of events – is invested in the theory of MINDFULNESS with negative connotations, “obsessive thoughts” as opposed to a non-judgmental view.

MINDFULNESS denies conceptualization of the world fraught with inevitable evaluations. John Kabat-Zinn expresses this principle in the following way: “To let go means to give up coercing, resisting, or struggling, in exchange for something more powerful and wholesome which comes out of allowing things to be as they are without getting caught up in your attraction to or rejection of them, in the intrinsic stickiness of wanting, of liking and disliking” [23, p. 61–62]. It entails absence of activities to transform the world, based on the critical assessment of events, but adaptation to the state of affairs, conciliation and recession into oneself.

Mastering the practice of mindfulness is achieved through the ability to breathe in a certain way: consciously and deliberately inhale and exhale and then dramatically relax, lowering shoulders. Such breathing is designed to serve as an anchor to concentrate on oneself and become aware of the situation “here and now”. It helps to perceive attention-requiring and previously annoying signals such as phone calls not as unconscious threat and the need to focus on reported problems, but as a signal to action to be mindful, aware of oneself and practice “skillful action”. Thus, learning the techniques of mindfulness by default serves to provide people’s efficiency at workplace and prevent “ruminating”.

Currently, the popularity of mindful exercising grows, which also gives impetus to the development of the concept itself. The techniques of achieving mindfulness are becoming procedural scripts to reach the state of what is viewed as psychological well-being (concept < > frame < > script). With some degree of individual freedom, the established principles/procedures of mindfulness achievement should be respected and a “correct” approach to one’s experience is considered necessary.

“21 ways to be mindful (reduce stress) during the workday” by Saki F. Santorelli.

The author of this popular article particularizes the application of MINDFULNESS in the workday, structuring it as 21 rules to follow. He features things attendant to mindfulness: special breathing, which helps to avoid stress and fatigue; calm, slow, measured action, especially in the morning; having a couple of meals alone; changing clothes coming home; saying hello after the workday to each member of the family; planning out, drawing up a to-do list for the next day.

Worthy of note are the means of persuasion in this text: popular scientific style inspiring confidence; intimization of narration (1st person singular) that facilitates the transference of ideas and sensations; rhetorical questions, simulating dialogue; clear message for superficial understanding (except perhaps certain cultural presuppositions e.g. the essence of the Hindu practice of sati); repetition (the phrase “be with yourself”); the “must-do list” format highlighting important points, so the tips could be hung in a prominent place.

“The healthy quality of mindful breathing: associations with rumination and depression” by Jan M. Burg, Johannes Michalak.

The article written by German scientists about an experiment conducted in English-speaking countries also particularizes the concept MINDFULNESS through introducing the script of what is termed “mindfulness-based cognitive therapy”. The hypothesis is that mindful attitude to everyday experience based on a variety of practices and techniques will help the individual get rid of “obsessive thoughts”. To test the hypothesis, an experiment was conducted with 42 students.

Participants were asked to observe their breathing in a sitting position with their eyes half closed. From time to time a signal sounded in the headphones, and if at the time of the signal the participant's attention was focused on breathing, they had to press the left mouse button to indicate they were mindful. If their mind wandered – the right button was pressed and they had to return attention to the sensations of breathing in the selected area. Later the participants filled out a series of questionnaires¹ to assess their usual level of rumination, preferential reactions to stress, and attitude to unpleasant sensations in the body.

It was revealed that the better a person managed to continuously observe their breathing, the easier it was for them to cope with “obsessive thoughts”. In the opinion of the authors, it corroborates the theoretical grounds for mindfulness-based cognitive therapy and proves that practicing mindfulness is a remedy for depression.

The article is based on some experimental data and generally corresponds to the scientific style of presentation. It also has tinges of advertising, expressiveness, attention-getting techniques etc., characteristic of the style of journalism.

1.2. Subframe PSYCHOLOGICAL HEALTH.

1.2.1. Concept EMOTIONAL HYGIENE.

“Why we all need to practice emotional first aid: The case of emotional hygiene” by Guy Winch.

Psychologist Guy Winch in his TED lecture uses the conceptual metaphor “physical health – psychic condition”, effectively modelling the outlook and behavioral practices based on it. The resultant metaphoric concept “psychological health” is supplemented with more specific ones – “emotional hygiene”, “psychological injuries” etc. Winch discloses his concepts in a train of logical-imaginative reasoning.

Psychological injuries arise from loneliness, failure, the pain of rejection and the already mentioned rumination. All these conditions have a common cause – people do not make their psychological health their priority. Loneliness inflicts a deep psychological wound, making us think that we are not needed. Chronic loneliness weakens the immune system and shortens life. Its danger is compared to the danger of smoking, only on packs of cigarettes we are always told that smoking kills, but this not the case with loneliness. However, loneliness is often caused by no more than a fear of rejection and the block of reaching out even though one is surrounded by people. One should realize it and just reach out, nevertheless. About failures Winch argues that the mind often convinces one as incapable of something, and one begins to feel helpless and stops trying too soon. Winch encourages listeners to never get bogged in failure and give up, nothing should interrupt the way to one's goal. When people are rejected, they begin to criticize themselves, thus harming their own already low self-esteem even more. The first thing after being rejected is to restore one's self-esteem. Rumination is specified as an emotional replay of failures and negative moments in one's head, it is labelled as “addiction” and “bad habit” causing depression. Winch sums up by building up a cause-effect logical chain: becoming informed and changing “bad habits” – emotional hygiene – psychological stability – psychological health.

¹ Response Styles Questionnaire, Kentucky Inventory of Mindfulness Skills, Perseverative Thinking Questionnaire, Body Sensations Questionnaire, Center for Epidemiological Studies Depression Scale.

This lecture is full of humorous remarks, picturesque narrations, frequent recurrence to experience; the collective “we” and personal “you” addresses which represent opinions as (common) knowledge tinge it with confidentiality, call forth rapport and effortlessly transfer its messages. At the same time, Winch reinforces his argument with scientific facts, which enhances trust in his conclusions.

2. Frame ACTIVITY.

Work is an important conceptual frame, often discussed in the American popular-psychological discourse. It consists of two subframes – CORPORATE/OFFICE WORK and INDIVIDUAL WORK/STUDY – and a number of attendant subconcepts.

2.1. Subframe CORPORATE/OFFICE WORK.

2.1.1. Subsubframe WORK ORGANIZATION.

Why work doesn't happen at work” by Jason Fried.

Jason Fried in his TED lecture presents the usual office work organization frame and tries to reframe it to make it more suitable for workers. He begins by asserting that offices are not the right place for work, supporting this with the results of his survey, in which a great number of respondents replied they would like to work at home, a coffee shop or even in a vehicle that they use every day rather than in the office. To describe the office work regulation Fried uses the metaphor of a shredder, as the office shreds the working day to bits, to “work moments”. Office workers have a restriction of time for this or that work, for lunch, for rest, their workdays are largely overregulated.

Fried uses the analogy of work and sleep, both of which consist of several phases. Both cannot be interrupted in the early phases, if it happens, “one can't just pick up where one left off”, “one has to go back a few phases and start again”. Through this analogy, Fried conveys that while working in offices one can be interrupted in this or that phase of activity to the detriment of work efficiency. Also, the author believes that companies are doing wrong, limiting access to social networks for office workers, which are compared to a “smoke break”, which is foolish to take away from workers. Instead of restricting access to social networks, Fried proposes to limit two distracting factors in the office – managers and meetings, the “M & Ms”. According to Fried, these factors do not lead to increased efficiency, they only take a lot of time. Further, solutions are proposed to overcome the drawbacks of the office routine, managing it so that the office becomes “the first resort” for employees: “no-talk Thursdays”; switching from the active form of communication to e-mail and instant messaging; cancelling meetings and empowering individual workers. This fundamentally changes the working capacity, as well as the attitude of office workers to their workplace. Fried's speech excites interest with its humorously paradoxical statements and efficient analogies.

2.1.2. Subconcepts ATTITUDE TO WORK, RESULT/PERFORMANCE/ACHIEVEMENT.

“As work gets more complex” by Yves Morieux.

Yves Morieux in his TED talk tackles the questions of productivity at work and employees' interest (engagement, concernment) leading to better performance. These work characteristics may be regarded as separate concepts and simultaneously as the slots of the frame CORPORATE/OFFICE WORK. Like the previous speaker, Morieux aims at reframing the concepts and conceptual structures of efficiency and work. The author sees the root of the problem

in the basics of management, the separation of hard (corporate structure, processes, system) and soft (manipulating personal qualities, feelings, etc.) methods. He claims that what matters is not the structure, the “skeleton of boxes” of goals, commands, coordination, reporting, but the “nervous system” of adaptiveness and intelligence.

Morieux proposes some basic rules to be used as reframing patterns. One has to get a picture of what people are doing in a team, what their work consists in; to reinforce integrators so that they have power and interest to make others cooperate; to “increase the shadow of the future” – create feedback loops that expose people to the consequences of their actions; to increase the mutually beneficial activity. Finally, it is required to reward those who cooperate. All these rules are related to teamwork. In Maurier’s words, the real battle is “against ourselves, against our bureaucracy, our complicatedness.” Speaking about the means of speech influence in this lecture, we should note its clarity, logic, syllogistic appearance, emotionalism, visual aids to highlight key ideas.

2.2. Subframe INDIVIDUAL WORK/STUDY, subconcepts RESULT, PERFORMANCE, ACHIEVEMENT.

“The first 20 hours – how to learn everything?” by Josh Kaufman.

In Josh Kaufman’s TED talk the concept of work/activity efficiency is also worked out as a frame. The preliminary narration highlights Kaufman’s personal life experience: when his daughter was born, he felt out of depth and decided to use this time for personal development. He did research on how many hours it took a person to master any skill and, using a sarcastic hyperbole, discovered that it required 10,000 hours. In defiance, Kaufman created his own method of self-learning, which only required 20 hours, during which time you can really succeed in something (learn how to cook, master a language, learn how to draw, etc.).

Four steps to achieve a goal set are algorithmized as: analyze the chosen skill, dissecting it into components; examine sources on it; concentrate on learning and practice it at least 20 hours; overcome the frustration barrier. To illustrate how his method works the author played musical instrument in front of the audience. Having sung a song, accompanying himself on the ukulele, Kaufman confesses that with that he had finished his 20-hour training. He concludes that the barrier is in our mind, “in our emotions, in our fear of feeling stupid. The talk has a clear logical structure, is emotionally presented, based on experiential descriptions, the reasoning elicits some scientific data.

3. Concept (conceptual frame) SUCCESS.

“8 secrets of success” by Richard St. John.

The concept SUCCESS cuts across many frames, but it may itself assume structure and configuration. “8 secrets of success” by Richard St. John, which is one of the most famous TED talks, specifies the components of the concept SUCCESS as such, seeking to lay down its essentials. The author claims that his theory is based on the results of 500 interviews. The lecture lasts only three minutes, but appears very popular, many people have taken guidance from it. St. John argues that to achieve success one needs to remember a few keywords: passion, practice, fun, focus, push, service, ideas, persistence and exercise the corresponding traits every day. One should not give up, but push through failures, just go forward. The lecture has a clear logical structure, is built round a thesis and appellation to opinions of famous people, confirming this

thesis. Its impact also depends on the fact that it is emotionally and expressively presented and equipped with humorous inclusions.

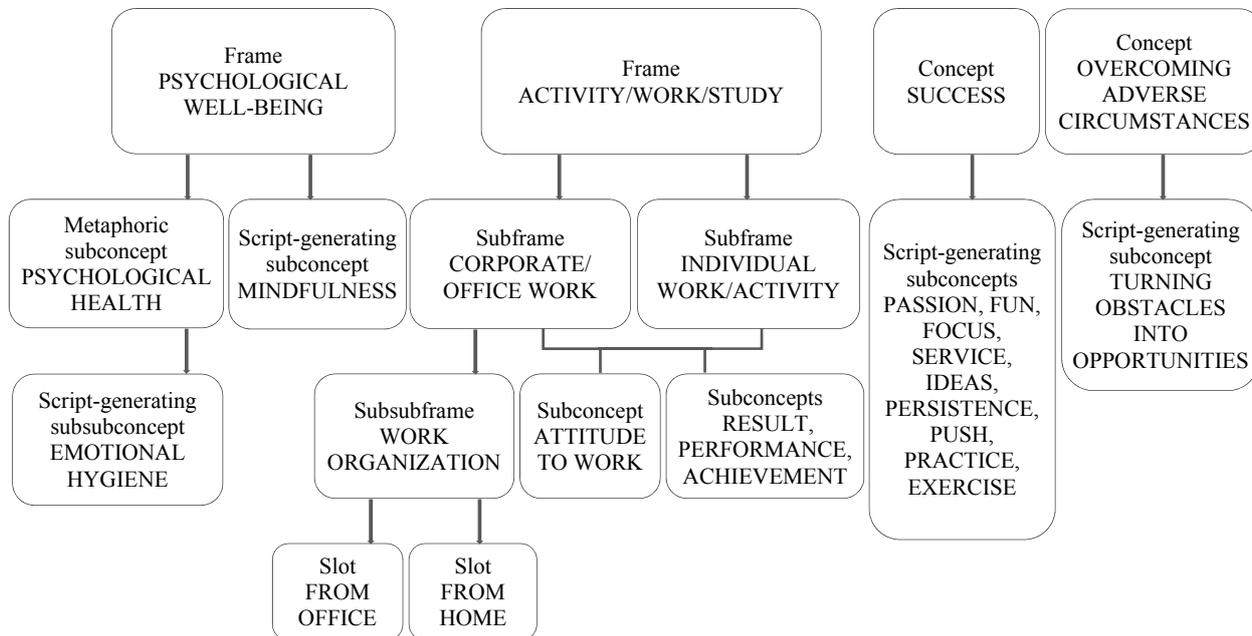
4. Concept OVERCOMING ADVERSE CIRCUMSTANCES, subframe TURNING OBSTACLES (DISADVANTAGES) INTO OPPORTUNITIES.

“Overcoming hopelessness” by Nick Vujicic.

One of the most outstanding of the narratives associated with the above-mentioned concept is Nick Vujicic’s TED talk. The author has become a professional speaker who set himself a goal to help disadvantaged people. The concept reveals a number of semantic components. Focus on “what he had rather than on what he had not” actually becomes the main component and the overriding principle of the concept OVERCOMING ADVERSE CIRCUMSTANCES. As Vujicic realized that the story of his life was able to inspire many people, his disadvantages gave him opportunities for active, productive and harmonious life.

In this TED lecture, Vujicic talks about the importance of giving attention and encouragement to children. The hope and love are the driving forces for the fulfilment of children’s goals and desires. So encouragement, hope and love in child upbringing make up other important components within the discussed concept. Not despairing and “making one’s life a miracle” is yet another, conclusive component of the concept.

Conclusion. Texts and video lectures of the American popular psychology allow us to conclude on the framing structure of the basic concepts of the popular psychological discourse. The figure below represents the main conceptual constructs of this discourse singled out in our research.

Major frames and concepts of the American popular psychology discourse

Thus the popular-psychological discourse has a framing (reframing) structure and a script-generating potential, it creates and changes semantic constructs of the recipients. It co-opts or develops new concepts, for example, the concept of MINDFULNESS, which is the basis of modern therapy, generating more and more texts about the correct focus of attention. This concept

develops into a script: people who are interested in the practice of mindfulness are invited to follow some rules and procedures that specialists set out in their works.

Texts of popular psychology may be of different genre-forms: publications, lectures, talks, instructions, advertisements, endorsements. Each generates its own speech-impact pattern. The popular psychological discourse is notable for logical, informative, argumentative, illustrative/allegorical speech types; it has a clear form and content, may contain scientifically rigorous terms and data, as well as expressive means and rhetorical figures.

Speaking about the impact potential of TED talks, it is due, firstly, to the quasi-dialogical, “addressable” presentation of the materials and intimization, which presupposes a more empathic attitude of recipients towards them. Imagery and detailed personalized stories permit to imagine relevant referential situations and project relevant experiences on the viewer. Not infrequently TED talks are similar to stand-up monologues, since many statements are accompanied by jokes.

Secondly, popular science texts are influenced by the “expert” halo of their authors who are frequently practitioners, coaches, even psychotherapists etc. Not only laymen, but some researchers in psychology look favorably at such texts. Despite investigative skepticism [24], psychologists readily study the pop-psy practices, verify hypotheses, test them with experiments, probing whether some technique or concept proves tenable and fruitful.

Persuasion is used as the main argumentative method in most TED lectures. Authors pose problems, provide argumentation, give evidence, examples from experience, offer possible solutions. Impellent persuasion is also vastly employed – authors give advice, encourage actions on the part of their listeners. Instructions disguised as advice or requests are quite frequent.

Among the expressive linguo-rhetorical means, one should mention substantial tropes, such as analogies, contrasts, metaphors (including allegories) and similes, humorous inclusions, allusions as well as such subsidiary means as emphases, parcellations, rhetorical questions or question-answer complexes (e.g. What can save us? Faith). The effect of deceived expectation is very frequent in pop-psy TED talks. Aphoristic generalized statements (e.g. Words are powerful) are very common here, too. In oral presentations particularly, phonetic, prosodic and paralinguistic means become all-important. It is impossible not to note authors’ intonations throughout the talks, change in voice timbre while playing out characters’ stories, lowering voice at the moment of narration and a sharp rise at the moment of culmination etc. Sound imitation and sound symbolism are used, too, gesturing is important. Lexically, lectures contain colloquial, literary, general scientific vocabulary, as well as terms (cookie, psychological injuries, depression, perception), synonymous series.

All the above-mentioned means combine to achieve simplicity and novelty, clarity and scientific ring and make a strong suggestive impact on the listeners. Texts of popular psychology are of interest to cognitive linguists, psycholinguists, cultural anthropologists, as they help to study the psychological concepts that shape people’s attitude to life and get reified in their behavior.

REFERENCES

1. Starker, S. (2002), *Oracle at the Supermarket: The American Preoccupation with Self-Help Books*, Taylor & Francis, NY, USA.
2. Duke, A. and Novicevic, M.M. (2006), “Historical foundations of social effectiveness? Dale Carnegie’s principles”, *Social Influence*, vol. 3, iss. 2, pp. 132–142. DOI: 10.1080/15534510801934556.

3. Sharpley, C.F. (1987), "Research findings on neurolinguistic programming: Nonsupportive data or an untestable theory?", *J. of Counseling Psychology*, vol. 34, no. 1, pp. 103–107. DOI: 10.1037/0022-0167.34.1.103.

4. Ohlsson, Th. (2010), "Scientific evidence base for transactional analysis in the year 2010", *International J. of Transactional Analysis Research & Practice*, vol. 1, iss. 1, pp. 4–11. DOI: 10.29044/v1i1p4.

5. Zeig, J.K. and Munion, M. (2009), *What is Psychotherapy?: Contemporary Perspectives*, Jossey-Bass, Oxford, GBR.

6. Bondarenko, A.F. (2001), *Psikhologicheskaya pomoshch': teoriya i praktika* [Psychological assistance: theory and practice], 3rd ed., Klass, Moscow, RUS.

7. Shelestyuk, E.V. (2008), "Stylistic and genre features of texts of popular psychology", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 12, pp. 168–176.

8. Alekseeva, L.M. (1998), "Metaphorization as a tool for the dialogic nature of the scientific text", *Antropotsentricheskii podkhod k yazyku* [Anthropocentric approach to language], part 1, Perm. gos. un-t, Perm, RUS, pp. 89–102.

9. Kubryakova, E.S. (ed.) (1996), *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A short dictionary of cognitive terms], Moscow State Univ., Moscow, RUS.

10. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUS.

11. Sternin, I.A. (2005), "Types of values and concept", *Kontseptual'noye prostranstvo yazyka* [Conceptual Space of Language], in Kubryakova, E.S. (ed.), *Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina*, Tambov, RUS, pp. 257–282.

12. Alefirenko, N.F. (2006), *Yazyk, poznanie i kul'tura: kognitivno-semiologicheskaya sinergetika slov* [Language, knowledge and culture: Cognitive Semiological synergetics of words], Peremena, Volgograd, RUS.

13. Ufimtseva, N.V. (2011), *Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost'* [Language consciousness: Dynamics and variability], Institut yazykoznaneya, Moscow, RUS.

14. Tarasov, E.F. (2013), "Language consciousness: ontology and gnoseology", *Problemy informatsionnogo obshchestva i prikladnaya psikholingvistika* [Problems of the Information Society and Applied Psycholinguistics], *Materialy X Mezhdunar. kongressa mezhdunar. obshchestva po prikladnoi psikholingvistike* [Materials of the X Intern. congress of the international Society for Applied Psycholinguistics], RUDN, IYa RAN, Moscow, RUS, pp. 34–38.

15. Sternin, I.A. (2002), "National communicative behavior as a subject of linguistic and methodological description", *Russkoye i frantsuzskoye kommunikativnoye povedeniye* [Russian and French communicative behavior], vol. 1, Istoki, Voronezh, RUS, pp. 5–10.

16. Ogneva, E.A. (2013), *Kognitivnoye modelirovaniye ponyatiy obraznogo teksta* [Cognitive modeling of the concepts of imaginative text], 2nd ed., Editus, Moscow, RUS.

17. Vorkachev, S.G. (2001), "Linguoculturology, Language Personality, Concept: Formation of anthropocentric paradigm in linguistics", *Philological sciences*, no. 1, pp. 64–72.

18. Stepanov, Yu.S. (2001), *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture], 2nd ed., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.

19. Minsky, M. (1970), "Form and Content in Computer Science", *J. of the ACM*, vol. 17, iss. 2, pp. 197–215. DOI: <https://doi.org/10.1145/321574.321575>.

20. Hand, D.J. (1985), *Scientific basis of psychiatry. Artificial intelligence and psychiatry*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, GBR.

21. Perls, F., Hefferline, S. and Goodman, R. (1951), *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality*, Julian Press, NY, USA.

22. Naranjo, C. (1995), *Gestalt Therapy. The Attitude and Practice of an Atheoretical Experientialism*, Transl. by Runikhin, A.A., NPO "MODEK", Voronezh, RUS.

23. Kabat-Zinn, Jo. (2019), *Wherever you go, there you are. Mindfulness Meditation in Everyday Life*, Transl. by Kudryavtseva, O.A., Ekskmo, Moscow, RUS.

24. Stepanov, S.S. (2006), *Mify i tupiki pop-psikhologii* [Myths and dead ends of pop psychology], Feniks+, Dubna, RUS.

Information about the author.

Elena V. Shelestyuk – Dr. Sci. (Philology, 2010), Docent (2005), Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University, 129 Bratiev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia. The author of 90 scientific publications. Area of expertise: psycholinguistics, semiotics, sociolinguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics, translation studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 16.09.2022; adopted after review 25.12.2022; published online 22.02.2023.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Starker S. Oracle at the Supermarket: The American Preoccupation with Self-Help Books, NY: Taylor & Francis, 2002.
2. Duke A., Novicevic M. M. Historical foundations of social effectiveness? Dale Carnegie's principles // *Social Influence*. 2006. Vol. 3, iss. 2. P. 132–142. DOI: 10.1080/15534510801934556.
3. Sharpley C. F. Research findings on neurolinguistic programming: Nonsupportive data or an untestable theory? // *J. of Counseling Psychology*. 1987. Vol. 34, no. 1. P. 103–107. DOI: 10.1037/0022-0167.34.1.103.
4. Ohlsson Th. Scientific evidence base for transactional analysis in the year 2010 // *International J. of Transactional Analysis Research & Practice*. 2010. Vol. 1, iss. 1. P. 4–11. DOI: 10.29044/v1i1p4.
5. Zeig J. K., Munion M. *What is Psychotherapy?: Contemporary Perspectives*. Oxford: Jossey-Bass, 2009.
6. Бондаренко А. Ф. Психологическая помощь: теория и практика. 3-е изд. М.: Класс, 2001.
7. Шелестюк Е. В. Стилистические и жанровые особенности текстов популярной психологии // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2008. № 12. С. 168–176.
8. Алексеева Л. М. Метафоризация как средство диалогичности научного текста // *Антропоцентрический подход к языку*. Ч. 1. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1998. С. 89–102.
9. *Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой*. М.: Изд-во МГУ, 1996.
10. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002.
11. Стернин И. А. Типы значений и концептов // *Концептуальное пространство языка / под ред. Е. С. Кубряковой*. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 257–282.
12. Алефиренко Н. Ф. *Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слов*. Волгоград: Перемена, 2006.
13. Уфимцева Н. В. *Языковое сознание: динамика и вариативность*. М.: Институт языкознания РАН, 2011.
14. Тарасов Е. Ф. Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: материалы X Междунар. конгресса междунар. общества по прикладной психолингвистике. М.: РУДН: ИЯ РАН, 2013. С. 34–38.
15. Стернин И. А. Национальное коммуникативное поведение как предмет лингвистического и методического описания // *Русское и французское коммуникативное поведение*. Т. 1. Воронеж: Истоки, 2002. С. 5–10.
16. Огнева Е. А. *Когнитивное моделирование понятий образного текста*. 2-е изд. М.: Эдитус, 2013.
17. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепция: формирование антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–72.

18. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический проект, 2001.
19. Minsky M. Form and Content in Computer Science // J. of the ACM. 1970. Vol. 17, iss. 2. P. 197–215. DOI: <https://doi.org/10.1145/321574.321575>.
20. Hand D. J. Scientific basis of psychiatry. Artificial intelligence and psychiatry. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
21. Perls F., Hefferline S., Goodman R. Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality. NY: Julian Press, 1951.
22. Наранхо К. Гештальт-терапия: отношение и практика атеоретического эмпиризма / пер. с англ. А. А. Рунихина. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995.
23. Кабат-Зинн Дж. Куда бы ты ни шел – ты уже там: осознанная медитация в повседневной жизни / пер. с англ. О. А. Кудрявцевой. М.: Эксмо, 2019.
24. Степанов С. С. Мифы и тупики поп-психологии. Дубна: Феникс+, 2006.

Информация об авторе.

Шелестюк Елена Владимировна – доктор филологических наук (2010), доцент (2005), профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Челябинск, 454001, Россия. Автор 90 научных публикаций. Сфера научных интересов: психолингвистика, семиотика, социоллингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, переводоведение.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 16.09.2022; принята после рецензирования 25.12.2022; опубликована онлайн 22.02.2023.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *И. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *I. A. Orlova*

Подписано в печать 20.02.23. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,57. Печ. л. 23,75. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ XXX.
Цена свободная.

Signed to print 20.02.23. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24,57. Conventional printed sheets 23,75. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. XXX.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56